

АВТОНОМ

#35, ДЕКАБРЬ 2013

ЭКСТРЕМИЗМ ВНЕ ЗАКОНА
ПРИРОДА МОСКВЫ КИТАЙСКАЯ КОРРУПЦИЯ
ПАССИОНАРНАЯ МЕКСИКА
САМООРГАНИЗУЮЩАЯСЯ МЕДИЦИНА
АЛЕКСЕЙ ГАСКАРОВ АНДРЕЙ ЛОШАК
СЕРГЕЙ КОВАЛЕВ СЧУМБАВАМБА

Содержание

Запрещено запрещать!	1
Апельсины, поросята и конверты с деньгами в России и Китае	4
Москва атакует. Рефлексия между щупалец бетонного спрута ..	8
Как убивали Алексея Крылова	10
Украинские нацисты: обзор.....	16
Сергей Ковалев: «капитализм» и «социализм» не были для нас существенной проблемой» ...	22
Мескаль, кузнечики, алебрихес и тапетес.....	25
Краснодарская ностальгия: заметки к истории СРАМ, ФАК и АД	29
Революционная контрповседневность.....	33
От локального сопротивления к общей борьбе	34
Честные выборы, КС и анархия ...	35
Вольное слово продолжает звучать на российских просторах	37
Моя политическая биография, или как я стал анархистом.....	49
«Экстремизм» после революции: никаких узников и параш	51
Ответ на «Никаких узников и параш»	54
Вместо эпитафии.....	55
Интегрированный спектакль	57
Возвращение к настоящему: повесть о любви и революции.....	64
Интервью с анархо- эсперантистами	66
Бофф Уэлли (Chumbawamba): «Запомните меня улыбающейся обезьянкой в боксерских перчатках»	70
Мужчина, женщина и анархия	75
Жизнь — скинам! Х...й — бонам! ..	77

Заказ журнала, связь с редакцией,
предложения о сотрудничестве:
avtonomjournal@gmail.com

Корпункты:

Вологда (blackflag@list.ru)
Иваново (riot.ko4erga@gmail.com)
Иркутск (ad.baikal@gmail.com)
Киев (vz.ukraine@gmail.com)
Москва (avtonomjournal@gmail.com)
Пермь (dollyredd@riseup.net)
Санкт-Петербург (kvazimodo@riseup.net)
Харьков (anarhopunx@gmail.com)
Челябинск (ded@riseup.net)

Наши аккаунты
в соцсетях:

fb.com/AutonomousAction
vk.com/club4747366
gp.us.to/avtonom
libsoc.livejournal.com
twitter.com/avtonom_org

ЗАПРЕЩЕНО ЗАПРЕЩАТЬ!

Как Кремль готовит социальную революцию в России

Он закона ищет в беззаконьи...

Н. С. Гумилёв

Оппозиционная волна декабря 2011 — мая 2012 года быстро угазла, дав на излёте интересный, хоть и скромный, опыт «оккупаев» и мертворождённый Координационный Совет, ничего не координирующий и ни о чём не советующийся. Она так и не вышла за пределы части жителей столиц, за рамки умеренно-либеральных политических лозунгов и сервильных форм протеста. Жёстко-репрессивная политика путинского режима, малодушие и подлость вождей «белоленточной оппозиции» и девственная наивность её участников привели к полному фактическому и моральному краху движения.

Однако, в подготовке социальных революций значительную, если не решающую роль, всегда играет Государство. Только не зарубежные державы — как до сих пор искренно верят кремлёвские конспирологи — готовили и готовят ныне революцию в России, а наша собственная Держава успешно и целенаправленно делает это.

И, одной рукой подавляя недовольство и зачищая общество от инакомыслия, Кремль и его приводные ремни — силовики, попы, телевизионщики и думцы — другой рукой разжигают ещё больший огонь возмущения, охватывающий всё новые сферы жизни людей и всё новые социальные категории. В сущности, нам, анархистам, почти не остаётся работы — поскольку обезумевшая власть за нас превосходно настраивает народ против себя, воспитывая его в революционном духе. (Нам остаётся лишь фиксировать очередные вопиющие злодеяния государства, выявляющие его несправимую бесчеловечную природу, и пытаться предлагать недовольным возможную либертарную альтернативу). Помимо таких традиционных и фундаментальных причин для протеста, как повышение цен на услуги ЖКХ и транспорт, развал и свёртывание остатков системы образования и здравоохранения, тлеющая война на Кавказе,

повсеместный произвол доблестной полиции, вопиющее и циничное социальное неравенство, за последний год путинская власть сумела создать ещё множество новых «горячих точек» в обществе.

Стремясь в корне задушить всякую оппозиционную крамолу и мобилизовать вокруг Трона самые реакционные и верноподданнические слои общества: силовиков, иерархов РПЦ, сырьевых олигархов, мечтающих о реванше сталинистов-ленинистов, отпетых гомофобов и державно-патриархально-религиозных фундаменталистов, Кремль перешёл от мягкого, стыдливого и половинчатого авторитаризма, основанного на принципе: «не высывайся, не рыпайся, занимайся своими делишками, демонстрируй лояльность — и будешь в безопасности», к жёсткому и циничному авторитаризму полутоталитарного типа, с попыткой регулировать частную жизнь и мысли граждан. Эпидемия запретительства, доно-

сительства и благонамеренности охватила власть имущих, напуганных митинговыми вольностями и издающих закон за законом, один запретительнее и изощрённее другого. Взят курс на тотальные запреты и такую регламентацию всей жизни населения, о которой не смел грезить даже щедринский Угрюм-Бурчеев. За эти месяцы запрещено всё и всем: в Питере котам — топтать по ночам; американцам — усыновлять российских детей-сирот; самим россиянам — устраивать митинги, организовывать флэшмобы и прогулки по городу без дозволения чиновников; клеветать (на власть предрежащих); оскорблять религиозные чувства верующих иерархов РПЦ (главным религиозным чувством которых, как всем известно, является священное благоговение перед Начальством); быть иностранными агентами; курить на улице и в школе; пить на улице (полиции разрешено проверять на алкоголь не только водителей, но и пешеходов); материться и употреблять иностранные слова (приравненные к матерным) в СМИ; пропагандировать гомосексуализм среди несовершеннолетних (а, поскольку неразумными детьми Власть считает всех своих подданных, а «пропагандой» может быть признано всё, что угодно, то...); показывать и смотреть фильмы без грифа +6, +12, +16... (С момента написания этой статьи до момента выхода «Автонома» к читателю, можно не сомневаться, число законов-запретов приумножится, и самая буйная фантазия автора не способна угнаться за дерзким полётом мысли депутатов и их кремлёвских избирателей).

Все эти запреты, прикрываясь заботой о поддержании «духовных скреп» (как любит выражаться наш Главный) и об охране общественной нравственности, распаляют в обществе ксенофобию, патриотизм, гомофобию, страх, воздвигают новый Железный Занавес, обосновывают тотальную власть Государства над личностью и возводят в ранг закона любые возможные репрессии против несогласных. Теперь нагло попораны не только политические и социальные, но и наиболее элементарные и базовые личные права людей. Для социально-революционных активистов и анархистов России, помимо традиционной борьбы против разрушения природы государством и капиталом, против вопиющего неравенства, против уничтожения обломков системы здравоохранения и образования, и всеобщего культурного одичания, теперь вновь на передний план выдвинулась борьба под лозунгом Красного Мая-68 «Запрещено запрещать!»

Хотя горький опыт показывает, что границы терпения жителей России эластичны до неприличия, есть надежда, что теперь на борьбу за свои права (уже не социальные и гражданские, а сугубо личные!) поднимутся наконец те люди, которые никогда ранее не были замечены в гражданской активности и прятались по своим «пещеркам», пугливо чураясь всякой «политики», как занятия небезопасного и бесполезного. Теперь они поражены в правах, объявлены париями и прижаты к стенке. Это, соответственно:

- автомобилисты (которым снова запрещено, садясь в машину, пить даже кефир, и которые обречены, тоскливо стоя в пробках, покорно пропускать мимо сотни барских автомобилей с мигалками);
- геи и лесбиянки (которым запрещено «пропагандировать гомосексуализм», а на деле — как-либо открыто демонстрировать свою ориентацию, и которые снова, как при Совке, загнаны в полуподполье);
- «кошунники», агностики и атеисты (которым нельзя оскорблять ранимые религиозные чувства православных верующих, то есть сколько-либо открыто и публично высказывать критику в адрес иерархов церкви или сомневаться в бытии и чудесах Бога);
- курящие и пьющие (ибо теперь будет запрещено курить и пить практически везде, цены на алкоголь вырастут в разы, а за курение грозят исключать учеников из школы);
- хозяева домашних котов (которым запрещено топтать по ночам);
- желающие митинговать, устраивать флэшмобы и даже просто несанкционированно прогуливаться по городу из пункта А в пункт Б (ибо теперь всё это запрещено начальством, заботливо затыкающим законодательные щели, через которые просачивался протест в 2012 году);
- «клеветущие» на власть имущих журналисты и блогеры;
- работники НПО, не желающие гордо числиться в «иностран-ных агентах»;

← ВЫНОС 15М →

- сироты, не допущенные к усыновлению за границей, которые теперь объявлены (как нефть и газ) недвижимой собственностью государства и орудиями его злобной мстительности...

Точное и повсеместное воплощение в жизнь этих запретов и законов должно привести к поголовной посадке и частичному истреблению населения РФ. Но никто и не желает (и не может) провести эти законы в жизнь: они лишь создадут в обществе атмосферу страха и взаимной ненависти, дадут власти повод для выборочных репрессий против неудобных и для ещё более повсеместной коррупции. Старая максима о том, что жестокость и абсурдность российских законов уравновешивается необязательностью их исполнения, остаётся верной, но, поскольку эти законы, в принципе, затрагивают поголовно население России, никто не сможет отныне говорить: «Это про диссидентов, а меня — благонамеренного Васи — это не касается». Нет, Вася, теперь пришли и за тобой, ибо ты: или гей (лесбиянка), или курильщик (пьющий), или автомобилист, или хозяин кота, или, не дай Бог, атеист и кощунник (кощунница), или иностранный агент, работающий в благотворительной организации, или клеветник, ругающий в Интернете начальника, или... Был бы человек, а запрещающая его существование статья отныне найдётся!

Государство, забыв о всяких приличиях и «цивилизованности», показало своё эксплуататорское, полицейски-чиновничье, репрессивное, своекорыстное и зверское

мурло. Подобные запреты, не будучи подкреплёнными массовым кровавым террором, надеюсь, заставят даже самых незрячих прозреть, даже самых трусливых — возмутиться, даже самых аполитичных, но не желающих ходить строем в храм, — начать восстание. Конечно, это ещё не «сталинизм», о котором грезят путинские приспешники. Несомненно, подобное закручивание гаек вызовет сопротивление в обществе и снесёт наконец-то резьбу на проржавевшей вертикали власти: порукой тому и всеобщая коррупция силовых ведомств, и отсутствие полноценных Сверхидеи и фанатизма у поклонников Кремля (на смену тоталитарной Идеологии пришли жалкие чекистские «политтехнологии» и «разводки»). Попытка поставить под полный контроль улицу, телевидение, интернет, школу, всю частную и публичную жизнь человека (натравив рабочих провинции на «креативный класс» столиц, гетеросексуалов на геев и лесбиянок, русских на иностранцев, православных на атеистов) обречена на провал. Наиболее умные из либералов, профессионально преуспевших на взаимном запугивании власти диким народом, а народа — свирепой властью, и выторговывающих себе на этих пугалках различные дивиденды, ныне справедливо сетуют на то, что точка невозврата, позволяющая решить дело миром и избежать всеобъемлющего революционного взрыва, уже пройдена. Кремль обезумел (и мы не хотим его лечить от старческого

слабоумия), а население от почти поголовного неверия и презрения к нему скоро перейдёт к всеобщему бунту. Наполеоновская мудрость: «На штыки можно опираться, но на них нельзя сидеть», требует уточнения: в России штыки так проржавели и сгнили, что и опираться на них Государству осталось недолго. Государственных Запретителей пора запретить самим!

Однако и нам, анархистам, рано радоваться и ликовать. Грядущая неизбежная социальная революция вряд ли будет либертарной. На повестке дня: два главных вопроса. Во-первых, как далеко зайдёт и насколько серьёзный характер примет нынешняя полицейско-государственническая фундаменталистская реакция? Ограничится ли дело лишь раздуванием щёк, удивительными законами, узаконивающими любое беззаконие Власти, трескотнёй в СМИ, и несколькими показательными выборочно-точечными репрессиями? Отступит ли трусливый режим, натолкнувшись на сопротивление со стороны общества? И, главное, во-вторых, — как ответит на эту реакцию само общество: разрозненное, деморализованное, обескровленное предыдущим столетием, запуганное, атомизированное, во многом индоктринированное сталинистскими, либеральными, патерналистскими, националистическими ценностями и иллюзиями, мечтающее о «порядке», «сильной руке» и грезящее о «нормальной жизни, как на Западе»? От ответов на эти вопросы зависит наше общее будущее.

Полина
Елисеева

ОБЩЕСТВО

АПЕЛЬСИНЫ, ПОРΟΣЯТА И КОНВЕРТЫ С ДЕНЬГАМИ В РОССИИ И КИТАЕ

У НАС СЕЙЧАС

Принято у нас во всех бедах обвинять чиновников. Чиновники, конечно, виноваты, но, мне кажется, обвинять их не намного продуктивнее, чем винить тех же мигрантов или иностранцев. Чиновники и менты — плоть от плоти нашего общества. Каковы мы, таковы и они. Иначе все было бы очень просто — прогони одних и замени на других, и все станет нормально. Ан нет — они оказываются одинаковыми при любом строе и при любой власти. Все говорят, что при нынешнем режиме чудовищная коррупция. Но если обратиться к истории — коррупция в России была всегда.

Вспоминаю, как один мой приятель рассказывал, как его предок работал инженером на строительстве первого храма Христа Спасителя в царской России, и воровство там доходило до таких невероятных масштабов, что проект несколько раз приостанавливали. У Гоголя в первой редакции 11-й главы «Мертвых душ» было даже упоминание о том, что Чичиков сколотил состояние, будучи

членом Комиссии по строительству Храма. Еще один врезавшийся в память пример: воспоминания начальника Главного артиллерийского управления генерала Алексея Маниковского о спекуляциях на военных заказах во время Первой мировой войны. Маниковский писал: «Именно 3-дюймовая шрапнель и была тем первым лакомым куском, на который оскалились зубы всех шакалов, для которых, кроме легкой наживы, нет на земле ничего святого, и у которых, к великому несчастью для России, оказывалось подчас немало сильных покровителей».

Никак не повлияла на коррупцию и революция 17-го года. Придя к власти, большевики, эти бывшие подпольщики и революционеры, прошедшие годы в ссылках, тюрьмах и эмиграции, сразу же установили чудовищную систему взяточничества, коррупции и 40%-х откатов. Об этом хорошо писал в своей книге «Среди красных вождей» один из первых советских невозвращенцев Георгий Исецкий (Соломон), бывший замнаркома внешней

торговли и торгпред в Ревеле. Он, например, описывает, как в Ревель во время гражданской войны за ответственным грузом для Коминтерна прибыл член Политбюро Зиновьев. Грузом этим оказались 75 громадных ящиков апельсинов, мандаринов, бананов, консервов, мыл и духов, шедших на содержание самого Зиновьева и его приближенных. В автореферате своей докторской диссертации работавший с архивом Наркомата внешней торговли историк Василий Черноперов сообщает, что большинство данных Соломона подтверждается.

Соломон приводит абсолютно те же самые схемы откатов, что и сейчас. Даже удивительно, что с годами они ни насколько не усложнились. Но где корни этой коррупции, когда все началось и чем вызвано?

ИСТОКИ

Российские чиновники жили «кормлением», то есть взятками, узаконенными вместо зарплаты, со времен Киевской Руси. Жалования им не платили, и они собирали так

называемый «корм» — дань с населения. При вступлении в должность представитель центральной администрации получал «въезжий корм». После этого он получал обязательный «урочный корм» три раза в год: на Рождество, Пасху и Петров день. Поначалу «корм» выдавался продуктами, но постепенно их сменили деньги. Творимый наместниками беспредел был настолько велик, что в 1556 году Иван Грозный решил положить предел «кормлению». Он издал указ о замене «кормления» на «кормленный откуп», который должен был идти не в карман чиновникам, а отправляться в казну. В тексте указа говорилось: «Что наперед сего жаловали есмь бояр своих... — города и волости давали им в кормление, — и нам от крестьян челобитья великия и докука была беспрестанная, что наместники... чинят им продажи и убытки великия. И мы, жалуючи крестьянство... наместников, волостей и праветчиков от городов и от волостей отставили... велели есми во всех городах и волостях учинити старост изблюбленных, кому меж крестьян управа чинити». Но в реальности после издания указа мало что изменилось, и чиновники по-прежнему продолжали жить за счет населения. Интересно, что многие учебники истории сообщают об отмене «кормления» в середине 16-го века, а вот о том, что после 1613-го года оно было возобновлено из-за недостаточности средств на содержание чиновников, упомянуть как-то забывают.

Кроме регулярного «кормления» существовала система «кормления от дел», которое вообще не отменяли. Приказные служащие, помимо государственного жалования, «кормились от дел», то есть получали «акциденцию» — не нарушавшие закон поборы с просителей за дополнительные услуги, и «почести» — подарки.

Такое право на получение «доходов от дел»

признавалось и правительством, которое в Указе от 9 декабря 1697 года, обращенном ко всем подьячим, прямо свидетельствовало, что «за его, великого государя, жалованье и за подавание от челобитчиков они питаютца».

Следующим после Ивана Грозного, кто решил искоренить «кормление», был Петр Первый. Он ввел фиксированную зарплату для чиновников и учредил пост обер-фискала, который должен был бороться с коррупцией. Но через несколько лет сам главный антикоррупционер обер-фискал Алексей Нестеров был пойман на взятках и казнен.

А после смерти Петра во время дворцовых переворотов жалование чиновникам и вовсе отменили и легализовали чистое «кормление от дел». Привело это к тому, что, по словам императрицы Елизаветы: «Ненасытная жажда корысти дошла до того, что некоторые места, учреждаемые для правосудия, сделались торжищем, лихоимство и пристрастие — предводительством судей,

а потворство и опущение — одобрением беззаконникам».

Искоренить «кормление» пыталась и Екатерина, своим манифестом 1763 года утвердившая новые штаты для всех учреждений Российской империи, примерно вдвое повысив оклады большей части чиновников; при этом жалование назначалось не по чину, а по занимаемой должности.

Но все равно это жалование было настолько низким, что ситуация никак не изменилась.

Известный историк Ричард Пайпс в книге «Россия при старом режиме» пишет: «В удельном княжестве в тех сравнительно редких случаях, когда члену княжеского двора надобно было исполнять свои обязанности за пределами поместья (например, в черноземных областях), предполагали, что его жалованье будет обеспечиваться местным населением. Соответствующие платежи делались деньгами или натурой и звались «кормлениями». Московские цари оставили этот порядок в силе. Чиновники приказов и прочих ведомств, проживающие в Москве и служащие под непосредственным началом суверена, получали содержание из царской казны. Однако провинциальной администрации никаких денег не отпускалось, и ее представители получали кормления в виде регулярных платежей, а также платы за выполнение конкретной работы.

Этот порядок также продержался до Петра, который ввел регулярное жалованье для государственных чиновников. Однако поскольку финансовые затруднения ближайших преемников Петра принудили их временно прекратить выплату жалования, послепетровская бюрократия снова начала жить за счет кормлений. Таким образом, и по своей организации, и по способу вознаграждения трудов своих чиновников Московское государство следовало обычаям удель-

СЛАВА РОССИИ!

ного княжества, что убедительно указывает на его происхождение из княжеского поместья». По Пайпсу, вотчинное мировоззрение не позволяло русским проводить разграничение между тремя типами собственности: собственностью, принадлежащей монарху, собственностью государства и собственностью частных лиц.

В этой ситуации чиновники воспринимали себя как сатрапы и заботились только о собственном благополучии. Реформы попытавшегося с этим бороться Петра не увенчались успехом из-за недостатка средств. Как пишет Пайпс, даже во время правления Петра российские начальники должны были давать взятки собственным коллегам, чтобы получить причитающееся им жалование. По мнению Пайпса, «чиновники не служили «государству», а сперва заботились о себе и потом уж о царе; вследствие отождествления бюрократического аппарата и государства, чиновники были неспособны провести различие между частной и казенной собственностью. Таким образом, коррупция в бюрократическом аппарате дореволюционной России не была aberrацией, отклонением от общепринятой нормы, как бывает в большинстве других

стран, она являлась неотъемлемой частью установившейся системы управления.

Чиновники приучились жить за счет населения со времени основания Киевского государства. Как ни старалось правительство, у него не хватало сил искоренить этот обычай».

«Безгрешными», как пишет Пайпс, считались доходы, которые создавались за счет общества; они включали в себя прибыль от вымогательства, суммы, взимаемые судьями за решение дела в пользу давателя, а в основном — взятки, даваемые на ускорение дел, которые граждане вели с правительством.

Пайпс считает, что, в отличие от России, в большинстве других стран коррупция — отклонение от нормы. Но он забывает вставить слово «европейских». Во многих азиатских странах, как и в России, коррупция — норма. Ситуация в России особенно напоминает китайскую. Историческая причина того, что Россия намного ближе к Китаю, чем к Европе, мне видится в том, что, по сути, и Россия, и Китай являются осколками одной Монгольской империи. Россия долгие годы находилась под протекторатом Золотой Орды, а Китай был частью монгольского государства Юань.

КИТАЙ

В Китае я неоднократно собственными глазами видел, как для решения каких-либо вопросов чиновникам дарят подарки — деньги в красном конверте. Это принято повсеместно. Я слышал от разных людей, что если в ведомстве какого-либо начальника должен осуществиться крупный проект, например, строительство объекта, то этот начальник полуофициально имеет право положить себе в карман 10% бюджета. Если он возьмет больше и попадетсся, то будет жестоко наказан, а если останется в пределах 10%, то все будет в порядке.

Корни коррупции в Китае так же глубоки, как и в России. В династическом Китае осуществление и обеспечение соблюдения законов и правил было задачей местных чиновников. Поскольку им недоплачивали, они были вынуждены находить другие источники доходов. Они получали официальную зарплату, но им также приходилось финансировать свои служебные расходы и оплату своих помощников, преподносить щедрые дары более высоким государственным чиновникам и платить им регулярный сбор.

Имперский бюджет, выделяемый администрации, был довольно низким. Местные чиновники, префекты, дополнительно получали небольшую сумму: «чан-лиень цзинь», что означает «серебро для поддержания неподкупности». Тем не менее, это не мешало им брать взятки практически в любой форме. Хотя получение взятки когда-то считалось недостойным обычаем или плохой привычкой, оно, тем не менее, стало хорошо известной и широко распространенной традицией. Доходило до того, что чиновники любого уровня требовали одни и те же дополнительные платежи от своих подчиненных или граждан, просто называя их по-разному. Было обычным делом, когда за одну и ту же «услугу» дополнительные сборы взимались по несколько раз.

Виды «сборов и платежей» настолько усложнились, и практика взяточничества развилась до такой степени, что центральное правительство было просто не в состоянии контролировать ситуацию. Кроме того, было совершенно не ясно, что считать «легальной коррупцией», а что уже выходит за ее рамки. В результате коррупция, разросшись в целый лабиринт взяток и услуг, стала неотъемлемой частью всей административной системы. Один европейский путешественник в 18 веке так описал китайскую коррупцию: «Человек, который сохранил свою неподкупность, как правило, считается недееспособным или мечтателем. Это не просто — плыть против течения».

В этой запутанной системе было естественно, что правительственные чиновники продавали свое влияние за деньги. Чтобы защитить себя от наказания государства, бизнесмены, чиновники, военачальники и другие высокопоставленные государственные служащие формировали сильные клики. Новые люди, вступавшие на службу, продолжали сохранять эти традиции, потому что они твердо верили, что коррупция — это нормальный обычай, который является частью работы. Согласно историческим записям, гражданские служащие сохраняли свою неподкупность менее чем в трех случаях из десяти.

Хотя императоры Китая были осведомлены о проблеме коррупции, и большинство из них сделали много отчаянных попыток ее искоренения, все их усилия зачастую оказывались бесполезными. Правовой кодекс Великой династии Цин, введенный в 1646 году, устанавливал санкции против коррупции в зависимости от тяжести преступления. Наказание зависело от полученной суммы или стоимости подарков и колебалось от избиения бамбуковой палкой до смертной казни. Но подарки как брались, так и продолжали брать. Со временем чиновники приобрели право не принимать

посетителя, если тот пришел без подарка. Мелкому начальнику приносили гуся, а более высокому — поросенка.

Один из самых печально известных коррумпированных государственных чиновников был Он Шен, премьер-министр императора Цяньлуна. Он накопил свои богатства в течение двух десятилетий службы. В 1799 году он потерял доверие императора, и суд распорядился о проведении расследования против него. Когда в его доме был произведен обыск, там обнаружили 800 миллионов таэлей серебра, что было эквивалентно государственным доходам за десять лет. По постановлению суда Он Шен должен был сам себя повесить.

Удивительным образом, конфуцианская концепция «жэньши» или «народного правительства» не помешала широкому распространению коррупции по всему Китаю. По мнению конфуцианцев, справедливый и честный государственный чиновник должен руководствоваться моральными принципами. Таким образом, стремление к материальному богатству считалось неуместным. Однако, когда Ван Аньши, известный китайский экономист династии Сун, захотел провести реформы в денежно-кредитных учреждениях, что должно было привести к уменьшению коррупции и кумовства, его идеи были отклонены конфуцианской элитой. В результате коррупция продолжала существовать в еще большем масштабе, с участием самого двора и местной элиты. Чем важнее был вопрос, который нужно было решить, тем глубже нужно было залезть в карман.

Коррупция наложила свой отпечаток на китайский язык и культуру. Такие пословицы, как «большой петух не ест небольшой рис» или «деньги попадают в руки ямынь секретарей как ягненок в рот тигра» (ямынь — государственные должности) очень четко иллюстрируют, насколько коррупция присутствовала в повседневной жизни. Китайская литература

также описывает, что чиновники были коррумпированы, и что для них было абсолютно естественно ожидать взяток и подарков в обмен на благоприятное решение. Знаменитый натуралистический роман «Цзинь пин мэй» («Цветы сливы в золотой вазе»), написанный Ланьлинским насмешником во время династии Минь, открыто критикует государственную администрацию за коррупцию.

Насмешник пишет: «Да, читатель. Император утратил бразды правления. У власти стояли лицемерные сановники, двор кишел клеветниками и льстецами. Преступная клика торговала постами и творила расправу. Процветало лихоимство. Назначение на должность определялось весом полученного серебра: в зависимости от ранга устанавливалась и взятка. Преуспевали ловкачи и проныры, а способные и честные томились, годами ожидая назначения».

В долгой истории Китая, от династии к династии, честные и моральные чиновники, так же, как и в России, были исключением из правила.

ВЫВОД

История показывает: прогоняй или не прогоняй плохих чиновников, меняй их на одних или других — толку не будет. Все они одинаковы. Хороших чиновников не бывает нигде — не только у нас и в Китае, но и в Европе. Прямого взяточничества там, может, меньше, но зато полно других схем влияния. К тому же любой чиновник служит репрессивному аппарату государства.

Так что выход один. Надо работать над собой, над тем, что вокруг, над обществом, занимаясь пропагандой и повседневной работой. Чтобы больше стало нормальных людей. Чтобы они смогли набрать силу. И уничтожить саму власть. Но не ради того, чтобы создать новую. Ибо нормальной власти не бывает. А ради того, чтобы отменить само понятие власти. И искоренить как класс чиновников и управленцев.

Ильяс Фалькаев

МОСКВА АТАКУЕТ

Рефлексия между щупалец бетонного спрута

Присукая к написанию этой заметки, я решил просмотреть сайт «Экологической обороны Московской области». Даже не знаю, что нового я рассчитывал там углядеть. Год от года ситуация не меняется, и лента новостей по-прежнему пестрит заголовками в таком духе: «В Красногорском районе под застройку засыпают реку Липку», «Новый Генплан г. Химки: ЗАСТРОИТЬ ВСЕ!!!», «Новый лесной конфликт в Подмосковье: незаконная рубка в Одинцовском районе!»... Эпизоды систематического, непрекращающегося ни на день уничтожения природы Московского региона скользят перед глазами бесконечной вереницей.

То здесь, то там вспыхивают социальные конфликты, связанные с недовольством местных жителей. Вспыхивают секундными хлопучками. Противостояния получаются, надо признать, довольно вялые. Они больше раздуты перед телекамерами и интернет-юзерами, чем реально объединяют людей в борьбе. Их точит какое-то с самого начала довлеющее над активистами ощущение заведомой безнадежности их инициатив. Ответственные и нерав-

нодушные люди справедливо сердятся, когда серая змея мещанства вопрошает: «Зачем вам это? Ничего ведь не изменишь!». Сердятся очень сильно, потому что сами настойчиво гонят от себя ту же самую мысль. И с годами уже устаешь возмущаться, когда на сходках социального актива твои старые знакомцы и соратники задают тебе тот же самый вопрос. Писать об этом неприятно, поскольку сам я участвую в таких экологических инициативах не год, не два и не три...

Мы всегда много думали, почему оказывается провальным подавляющее большинство попыток отстоять даже самые небольшие живые уголки от корыстной похоти даже самого мелкого пошиба бизнесменов и чиновников. Мы виним тотальную коррупцию, мы виним наших соседей, которые, теряясь в гудящей суеде всё разрастающегося мегаполиса, остаются равнодушны и бездвижны. Наконец, мы виним себя: нам думается, что можно было бы приложить больше усилий, направить свое время и свои действия в более эффективное русло. И правда, здесь

часто приводят в пример подмосковный Жуковский, где действительно существует народная активность и тысячи обычных людей выходят на акции протеста, где предпринимаются усилия по координации протестных инициатив... Конечно, в том, что жители Жуковского словно «из другого теста», есть свои исторические причины. Но кажется, что нет никаких непреодолимых причин для того, чтобы и в других местах организовать активность на том же уровне. Да только вот... где теперь Цаговский лес, столь яростно оборонявшийся жуковчанами? Похоже, даже в тех случаях, когда активисты проявляют себя хватко и зубасто, их усилия оказываются в большей степени тщетными. Конечно, есть и успехи, но они носят, как правило, временный характер и теряются крошечными жемчужинками считанных процентов в темном океане поражений.

Нам нужно лучше осознать объективный процесс урбанизации и роста городов. Людские массы и московский мегаполис движутся навстречу друг другу: один стреми-

тельно растёт вглубь и вширь, другие пополняют его неоскудевающим потоком. Причина этого — экономическая централизация. Пока властвует капитал, огромные ресурсы концентрируются в узлах финансовых артерий, которые становятся центрами притяжения и роста. Комбинация факторов привлекает в эти узлы огромное количество людей.

В центрах есть рабочие места, оплачиваемые куда выше, чем можно рассчитывать на нищей, разваленной и опустевшей периферии. Здесь лучше и проще устроен быт. Есть и важный культурный аспект: неоновое сияние Вавилона, столь притягательное до тех пор, пока для большинства из нас по-прежнему самое главное — «более лучше одеваться». Не менее важно и то, что в условиях капитализма природа воспринимается исключительно как товар и источник получения прибыли. Поэтому растущий город наполняют не только здания, необходимые для жилья, и прилегающая к ним грузная инфраструктура. Вот вам, пожалуйста, гигантские торговые центры, опоясанные километровыми парковками, вот автосалоны, по пять штук в каждом районе, вот центры досуга, вот художественный маникюр для собак... Наконец, вот дома — жилые, но пустые, где квартиры скуплены богачами и рантье, избравшими такой способ вложения денег. Дома, построенные там, где вчера ещё шелестели берёзовые и еловые рощи, ныне уничтоженные лишь ради наживы. Этот перечень можно длить почти бесконечно.

На фоне вышесказанного совершенно очевидно, что в рамках нынешней социально-экономической системы постоянный рост мегаполисов — объективный и необратимый процесс. Нынешняя затея с «Новой Москвой», когда юридические границы столицы в один момент увеличились двукратно, оставляет мало сомнений в том, что расширение — непрекращающаяся тенденция. Активные вырубки и освоение земель Новой Москвы уже начались. Растёт население, растёт поле, необходимое для человеческой деятельности, которая сейчас являет собой по большей части бессмыс-

ленную и омерзительную возню на ниве потребления и в сфере услуг. Наконец, растут капиталы привилегированного меньшинства, которые также конвертируются «на местность» — в новые коттеджи, четвёртые квартиры, десятые машины. Эта болезненная фантазмагория естественным образом выдавливает из себя всё природное. И так будет дальше. Будущее подобного процесса мы можем предугадать на примере «развитых» урбанизированных стран. Таковы мегалополисы, возникающие из слияния нескольких больших городов. Меня поразили случаи «Токкайдо» в Японии, возникшего на основе Токио, — это мегаполис с населением 100 млн. человек! В нашем случае стоит ожидать ещё и пикантного латиноамериканского привкуса в виде зловонных фавел и трущоб а-ля Мехико, которые уже исподволь обволакивают столицу по глухим пустырям ближайшего Замкадья. Мне доводилось слышать о путях постепенного смыкания российских городов в единые урбанистические континуумы по линиям Москва — Нижний Новгород и Москва — Санкт-Петербург. Процесс идёт.

Все локальные экологические конфликты — лишь частные проявления обрисованного выше магистрального процесса. Можно и дальше тешить себя надеждами и продолжать бороться со следствием, а не с причиной. Глядишь, ваш лесок-то и не тронут! Но это вряд ли. Малоперспективным выглядит и создание единой экологической организации регионального или даже всероссийского масштаба, которая станет бороться за экологизацию законодательства и его соблюдение. Всё это будет словно мёртвому припарка. Даже в Европе, где подобные реформистские зелёные движения достигли наибольшего успеха, процесс урбанизации и расширения городских агломераций идет полным ходом. Это как эрозия почвы на обезлесевшем пространстве. Вы можете её сдерживать и ограничивать, но она всегда будет наступать на вас и пробивать себе новые ходы. Инициатива всегда будет за ней.

Предыдущие абзацы всё сгущающихся красок были написаны вовсе не для того, чтобы поплакаться или убедить кого-то опустить руки. Просто реальность такова, что если природа и наше место обитания представляют для нас какую-то ценность, то отстоять их мы сможем лишь покончив с капитализмом и, как следствие, с экономической централизацией и товарным отношением к природе (хотя последняя проблема может потребовать дополнительной борьбы). Тогда станет возможным иной тип расселения и хозяйствования, более дружественный к природе и, как мне представляется, гораздо более подходящий для здоровой человеческой личности. Как бы утопично это ни звучало, но всем равнодушным и здоровым людям давно пора сосредоточиться на борьбе, целью которой будет революционный слом существующей системы. Нынешние экологические и другие социальные движения могут обрести ценность лишь в случае, если они каким-либо образом станут детонатором революционного взрыва. В противном случае всё это останется строительством песчаных замков перед набегающей волной. И никакой «школой самоуправления», на что уповают некоторые, эти движения не станут: школа рабства окружает нас повсюду, и её урок мы все затвердим в итоге куда крепче.

Конкретные пути обрисовать сложно. Ни одному уму это в полной мере не под силу, их должна будет указать сама жизнь — наше дело стремиться и искать, не позволять соблазнительным полумерам коррумпируют нас. И прежде чем после очередного стотысячного митинга в центре столицы разъехаться в свои Жуковский, Химки, Балашиху и Бутово, чтобы продолжать там гражданский активизм выходного дня, подумайте — может быть, стоит задержаться подольше, чтобы своими действиями дать рождение новой эпохе, более справедливой и человеческой.

*Дмитрий Чащин,
МПСТ-Москва*

КАК УБИВАЛИ АЛЕКСЕЯ КРЫЛОВА

Протоколы закрытого суда по делу «НСО-Север»

Весной 2011 года завершился процесс против «НСО-Север». По этому делу за 28 убийств и ряд других преступлений 5 нацистов получили пожизненное, 7 — различные сроки. Следствие адекватно разобралось в их деяниях — в деле около полусотни преступных эпизодов, и подсудимые, похоже, совершили подавляющее большинство из них. Но правоохранители решили сделать процесс закрытым — видимо, дабы прикрыть некоторое свои косяки.

В распоряжении «Автонома» оказался протокол закрытого суда — около двух тысяч страниц текста. В этом номере мы решили опубликовать моменты, касающиеся убийства антифашиста Алексея Крылова, совершенного 5 лет назад — в Москве у метро «Китай-город», рядом с клубом, где был запланирован концерт группы «Ничего хорошего».

А также ряд свидетельских показаний: они красочно показывают, что реально стоит за сухими фразами из полицейских сводок о найденных в подворотнях трупах «лиц неславянской внешности».

ОБ УБИЙСТВЕ АЛЕКСЕЯ КРЫЛОВА

Протокол допроса подозреваемого Тамамшева от 8 августа 2008 года (т. 35 л.д. 128-140):

Через Интернет получил информацию с сайта «Фанат» с призывом напасть на «антифа» во время концерта «Ничего хорошего». Я решил принять участие в этой акции, поскольку ненавижу «антифа», считаю, что их нужно убивать. С предложением принять участие в акции я обратился к Юрову, который проживал со мной, он согласился. 16 марта 2008 года поехали, я взял с собой два ножа, один — свой любимый, и другой, которые всегда ношу с собой. В этот раз хотел обязательно их применить, зарезать как минимум двоих «шавок». Юров взял нож и обрез... Впоследствии об убийстве рассказал своему знакомому — Михайлову, а затем Никифоренко и Молоткову. В дальнейшем на фотографии Крылова из Интернета написал различные

оскорбительные слова.

Допрос подсудимого Тамамшева:

В: На Ваш взгляд, имелось ли у Вас основание применить насилие к Крылову?

О: Из всей группы он выделялся своим внешним видом, у него были красные шнурки. Он спровоцировал меня своим внешним видом.

(В ходе суда Тамамшев признал убийство Алексея Крылова неоправданным, — прим. «Автонома»).

Допрос подсудимой Ковалевой:

В: От кого Вы узнали о том, что 16.03.2008 г. на Маросейке состоится концерт?

О: Информация об этом распространялась посредством СМС-сообщений и ICQ. Кто был инициатором этой рассылки, мне неизвестно.

В: Была ли очевидна принадлежность Крылова к антифашистскому движению 16.03.2008 г.?

О: Да, принадлежность Крылова к этому движению также была очевидна. Это выражалось в том, что на нем были подтяжки, а на его обуви — шнурки красного цвета.

Допрос свидетеля О.:

В: Вы помните, в качестве кого Вы работали по состоянию на 16 марта 2008 года?

О: Инспектором службы.

В: Что Вы можете пояснить относительно причинения ножевых ранений молодому человеку 16 марта 2008 года на улице Маросейка?

О: Я получил сообщение от дежурного из УВД о том, что произошла драка на пересечении улицы Маросейка с Большим Спасоглинищевским переулком. Драка произошла между молодыми людьми. Мы выехали с Чистых прудов и доехали до места происшествия где-то за четыре минуты.

В: Что Вы увидели на месте происшествия?

О: Мы приехали и увидели моло-

дого человека в крови, который бился в агонии. Сразу же подъехала «Скорая помощь». Видел колото-резаные раны. Свидетели на месте происшествия говорили, что на пострадавшего напали пять молодых людей в масках, с ножами. Затем они якобы побежали по Большому Спасоглинищевскому переулку, к синагоге. В тот день там как раз проходил концерт, и группы молодых людей бегали по всему Большому Спасоглинищевскому переулку.

В: Вам известно, куда направлялся потерпевший?

О: Он шел на концерт. Я остался с потерпевшим, а мои напарники поехали по Большому Спасоглинищевскому переулку, но никого не задержали, так как было много народу.

В: Вы запомнили, как выглядел пострадавший?

О: Я уже не помню. Помню только, что у него были разноцветные шнурки на ботинках.

На вопросы председательствующего подсудимый Аполлонов отвечает:

В: Согласно обвинительному заключению в вину Вам не вменяется убийство Крылова. Почему Вы выказываете заинтересованность в исследовании этого эпизода?

О: Для объективного и всестороннего рассмотрения уголов-

ного дела. К тому же, свидетели говорят, что не только Тамамшев совершил убийство Крылова, но и то, что я присутствовал на месте нападения, и даже якобы наносил удары. Также они заявляют, что у толпы был лидер, хотя на самом деле никакого лидера не было.

В: На Ваш взгляд, лишь внешний вид и поведение молодых людей явилось причиной убийства Крылова?

О: Да, конечно. Как мне показалось, ответ на вопрос: «Вы — антифа?» был. Группа молодых людей выглядела как яркие представители антифашистского движения, поэтому у нападавших не было никаких сомнений, что это — антифашисты.

Допрос свидетеля К.:

В: Поясните суду, являлись ли Вы очевидцем лишения жизни Вашего знакомого — Крылова? Если да, то расскажите об обстоятельствах происшествия.

О: 16 апреля 2008 года в районе семи часов вечера возле станции метро «Китай-город» я шел со своими знакомыми на концерт.

В: Вы можете подробно рассказать о людях, которые напали на вас, о последующих событиях?

О: Нас было пять человек, и мы шли на концерт группы «Ничего хорошего». Мы подошли к перекрестку. К нам подошло семь-восемь молодых человек

и спросили: «Вы — антифа?». Я ответил, что нет. Остальная масса людей выбежала.

В: Опишите, как выглядели нападавшие на вас люди?

О: Молодые люди, от шестнадцати и старше. У некоторых из них на лицах были одеты медицинские маски. Они были в обычной одежде: джинсы, куртки.

В: Сколько всего было нападавших?

О: 15-20 человек.

В: Со стороны нападавших какие-либо выкрики, возгласы в ваш адрес были?

О: Нет, я не слышал.

В: В момент нападения на руках у нападавших что-нибудь было?

О: Обычные перчатки.

В: Сколько времени Вы наблюдали нож в руках у нападавшего?

О: Несколько секунд: он бежал с ним, держа его в руках.

В: С какого расстояния Вы наблюдали нож в руках у нападавшего?

О: Когда я его заметил, он находился от меня метрах в семи — десяти.

В: Вы можете назвать индивидуальные признаки этого ножа?

О: Прямой нож, длина клинка 15-20 сантиметров. Односторонняя заточка.

В: Во что был одет Крылов в день нападения?

О: Камуфляжные штаны, куртка, рюкзак.

В: Нападавшая на вас группа

молодых людей была организована или она была стихийной?

О: В принципе, стихийной.

В: Как Вы можете охарактеризовать Крылова?

О: Спокойный, неконфликтный парень.

Допрос свидетеля Ю.:

В: Являлись ли Вы очевидцем убийства Крылова, если — да, то поясните, когда и при каких обстоятельствах?

О: 16 марта 2008 года мы с друзьями направлялись с Курского вокзала в сторону станции метро «Китай-город» на концерт. Мы направлялись из города Старая Купавна, где мы находились с моим молодым человеком — ***. Мы ехали с ***, а также с ***, в электричке мы встретились с *** и Крыловым, которые проживали в Ногинске. Все вместе мы решили пойти пешком до клуба, но точный адрес клуба не знали, потом оказалось, что он находился в другом переулке.

Мы шли на концерт по Большому Спасоглинищевскому переулку. Почти дойдя до конца переулка, мы увидели двух молодых людей в возрасте 18-30 лет. Эти молодые люди обратили на нас внимание, подошли к нам с вопросом и были агрессивно настроены.

Потом все происходило очень стремительно: нас было шесть человек, мы разделились. Помню момент, когда я стояла возле лестницы, мне наносят удары в голову и ножом в спину. Два человека, нанесших мне удары со спины, убежали. Я прихожу в себя, оборачиваюсь и вижу толпу людей, идущих вниз по переулку — в сторону станции метро «Курская». Я поднялась, пошла по переулку и увидела тело лежащего Крылова, который истекает кровью. Он лежал между машин, это было возле Маросейки. Потом я нашла своего друга, он пытался помочь Крылову, и мы дождалась милиции.

В: Откуда Вы узнали о намечающемся концерте?

О: Узнала из афиши в сети Интернет.

В: Была ли информация о проведении данного концерта в открытом доступе?

О: Да, была.

В: Слышали ли Вы какие-либо крики со стороны нападавших в момент нападения и нанесения ударов?

О: Когда мне наносили удары, я слышала что-то подобное: «На, получи, шавка!»

В: Было ли нападение совершено на всех одновременно?

О: Да, одновременно на всех.

В: Видели ли Вы, в каком направлении скрылись нападавшие?

О: Нападавшие скрылись в сторону станции метро «Курская».

В: Сколько было нападавших?

О: Около 15-20 человек.

В: Были ли все нападавшие одной толпой?

О: Да, они были одной толпой.

В: Пытался ли кто-либо из прохожих оказать медицинскую помощь Вам и Крылову?

О: Да, Крылову, пытались: там недалеко аптека и прохожие бегали туда. Мне помощь оказали в карете «Скорой помощи».

В: Через какое время приехала милиция и «Скорая помощь»?

О: Минут через 15-20, точно сказать не могу.

В: Какие были взгляды и убеждения у Крылова?

О: Он не был антифа, слушал панк — рок, отдыхал в Ногинске. У Кры-

лова была одна мама и две маленькие сестры, он — единственный из семьи был источником дохода, жили они бедно. Я никогда не слышала от него политических речей.

В: Могли бы Вы уточнить, какую информацию Вы видели на форуме «Спартака» относительно произошедшего 16 марта 2008 года?

О: Информация о том, что готовится нападение. После произошедшего я начала активно интересоваться этим. В прессе активно, около месяца, обсуждались произошедшие события. Потом «всплыли» сообщения из форума, они были заархивированы, так как были удалены.

В: Во что был одет Крылов?

О: На нем была кепка, куртка, брюки и рюкзак.

В: Как Вы можете охарактеризовать Крылова при жизни?

О: Дружелюбный, жизнерадостный молодой человек, заботящийся о своей семье и своих друзьях.

УБИЙСТВА «НЕСЛАВЯН»

На вопросы государственного обвинителя свидетель Ю. отвечает:

В: Поясните, являлись ли Вы очевидцем происшествия, а именно — нападения на мужчину в феврале 2008 года в районе станции метро «Красногвардейская». Если — да, то поясните, что Вы видели?

О: Да, я являюсь свидетелем происшествия. Мои друзья — *** и ***, провожали меня домой. Мы шли в сторону станции метро, мимо длинного, двадцати подъездного дома, который имеет форму буквы «Г». Мы шли часов в шесть вечера, было уже темно. Со стороны станции метро подбежали трое ребят: один был повыше, а остальные — маленького и среднего роста. Все трое набросились на мужчину, который, как мы поняли, шел домой. Ребята подбежали к нему и стали его бить руками и ногами. Возле подъезда стояли две женщины с ребенком. Когда мужчина начал падать, то чуть не упал на коляску. Женщины закричали: «Что вы делаете?!» Когда он упал, они его еще пбили руками и ногами, а после этого ребята побежали в сторону соседнего дома, на горку, а один потом еще вернулся. Я так поняла, что он вернулся за ножом. Я его не видела, но он что-то искал. Когда я подошла к пострадавшему мужчине, он закатил глаза и у него изо рта пошла кровь. Картина неприятная, никому не желаю такое увидеть. Произошло все очень быстро, буквально около минуты. Почему мне все это запомнилось? Я работаю воспитателем, поэтому запомнила, что когда мужчина падал, он чуть не упал в коляску, к ребенку. К тому же, с ним был

пакет, в котором лежали пирожные. Он, наверное, нес их своим детям.

В: Можете ли Вы описать пострадавшего?

О: На вид, лет 50, невысокого роста, плотного телосложения, темный. У него были усы.

В: Какой национальности был потерпевший?

О: Я особо не разбираюсь в национальностях, но пострадавший был нерусским, неславянской внешности.

В: С какой стороны на мужчину напали молодые люди?

О: Все втрое со спины.

В: На каком расстоянии от Вас находились нападавшие и потерпевший?

О: Метрах в четырех.

В: Каким образом наносились удары?

О: Там была такая неразбериха: во вход шли и руки, и ноги, все подряд и со всех сторон.

В: После нападения, когда Вы подошли к потерпевшему, в каком состоянии он находился?

О: Когда я подошла, то увидела, что в одном месте у него была разорвана куртка. Я хотела спросить, нужна ли ему помощь, а он начал закатывать глаза и у него изо рта потекла кровь, после чего он в последний раз вздохнул. *** и *** сказали мне о том, что этот мужчина — потерпевший, жил в

соседнем подъезде и у него имелись маленькие дети.

Допрос свидетеля 3.:

В: Поясните, являлись ли Вы очевидцем каких-либо событий, связанных с нападением на человека в декабре 2007 года?

О: Да, я являлась очевидцем событий в декабре 2007 года. В тот день и я мой супруг проезжали на автомобиле по улице Пятницкой. Когда мы проезжали по улице Пятницкой, краем глаза я увидела молодого человека, который вышел на проезжую часть дороги. Я увидела, что он качается, что ему плохо. Более того, вокруг него, на дороге, было видно большое количество крови. В ближайшем переулке мы оставили машину, и как люди неравнодушные попытались помочь пострадавшему. Не было понятно, что именно произошло. Человек был в куртке, с какими-то сумками, пакетами. Естественно, первым делом мы вызвали милицию, позвонили в «Скорую помощь». Соответственно, поскольку «Скорая» и милиция приехали не сразу, я отправилась в опорный пункт милиции, который находится в метро, чтобы попросить о помощи и найти медика.

В: Скажите, как потерпевший выглядел внешне?

О: Молодой человек, на вид — 17-18 лет, темноволосый, темноглазый.

В: Скажите, к какой национальности Вы можете отнести пострадавшего?

О: Честно говоря, я не могу точно судить, но этот человек был какой-то восточной, азиатской внешности.

В: Какие телесные повреждения Вы видели на теле пострадавшего? Откуда у него шла кровь?

В: Пострадавший лежал на асфальте. Собственно, пока я ставила свою машину, пострадавший упал: он лежал на асфальте, на проезжей части дороги, то есть там, где останавливаются машины. Кровь вокруг него была вообще в невозможном коли-

честве. Более того, кровь шла ртом: человек захлебывался собственной кровью, у него ею были залиты глаза. Где собственно находились повреждения, при таком количестве крови я сказать не могу. Он был без сознания и практически не дышал. Я попыталась приподнять его голову и положить под нее пакет.

В: Можете ли Вы уточнить время суток, освещенность места происшествия? Находились ли рядом с этим местом другие люди?

О: Вокруг находилось достаточно большое количество людей. Время — уже вечернее, освещение было включено, смеркалось. Более точное время — 16.00-16.30, в это время уже темнело, поэтому было включено уличное освещение.

Допрос свидетеля М.:

В: Свидетелем каких событий Вы стали 29.01.2008 г.?

О: — Вечером, около 21-го часа 29.01.2008 г., я вместе с друзьями находилась в подъезде корп. *** д. *** по ул. Шокальского. Мы увидели, как в подъезд вошла девушка, одетая в куртку с капюшоном. Она подошла к лифту, прислонилась к его дверям, и практически сползла на пол. На лице у девушки я увидела порезы. Девушка попросила довести ее до квартиры.

Черты лица девушки — азиатские.

В: Известно ли Вам, как звали эту девушку?

О: Я сейчас уже не помню, как ее звали, но у нее было нерусское имя.

В: Рассказывала ли эта девушка о том, что с ней произошло?

О: Да, девушка рассказала, что она шла вместе со своим знакомым, который провожал ее домой. Его имя девушка не называла. На них кто-то напал сзади. Ее знакомого убили, а девушка упала на землю и притворилась мертвой, после чего — добралась до подъезда.

В: Пропало ли у девушки какое-либо имущество?

О: Нет, у девушки ничего не пропало.

В: Что в дальнейшем стало с этой девушкой?

О: Девушку на автомобиле «Ско-

рой помощи» отвезли в больницу, а ее знакомого — в морг.

УБИЙСТВА СЛАВЯН, КОТОРЫХ ПО ОШИБКЕ ПРИНЯЛИ ЗА КАВКАЗЦЕВ

Допрос потерпевшего К.

В: Что Вы можете пояснить по обстоятельствам убийства Вашего сына?

О: Убийство моего сына произошло 13 декабря 2007 года. Об убийстве сына я узнал около 20 часов 30 минут того же дня, когда находился в городе Сергиевом Посаде, в командировке. Сразу же на такси я приехал на место совершения убийства. Мне удалось увидеть тело сына. Оно было изуродованным, имело множество ранений.

В: Где проживал Ваш сын до его убийства? Куда он направлялся в момент убийства?

О: Мой сын проживал в квартире *** дома ***/*** по улице Мусы Джалиля в городе Москве. В день убийства он возвращался домой с работы, предварительно позвонив своей супруге. По словам жены сына, он позвонил ей около 17 часов 30 минут. Домой сын возвращался своим обычным маршрутом. Дело в том, что на тот момент в том районе велось строительство, и дорога проходила между двумя автостоянками, гаражами. Это не был закоулок, где никто не

ходил, там даже имелась табличка «Для прохода».

В: Как внешне выглядел Ваш сын?

О: Рост моего сына примерно 178-179 сантиметров, полного телосложения, волосы черные, был загорелым, поскольку приехал из Египта.

В: Где именно на теле Вашего сына находились повреждения?

О: Я видел рану на левом подреберье, в районе брюшной полости, несколько ран на груди, ссадину над бровью и разбитую голову.

В: Как Вы считаете, мог ли Ваш сын спровоцировать неизвестных людей на убийство по мотивам межнациональной розни?

О: Видимо, мой сын был похож на лицо нерусской национальности. Как я уже показал, он оказался не в то время и не в том месте.

В: По национальности Ваш сын был русским?

О: Да, по национальности мой сын был русским.

В: Сколько лет исполнилось Вашему сыну на момент его убийства?

О: На момент убийства моему сыну было 27 лет.

В: Имеются ли у Вас, помимо погибшего сына, другие дети?

О: Да, у меня есть дочь.

В: Можете ли Вы назвать основные черты характера Вашего сына?

О: Основными чертами его характера были доброта и простодушие.

В: Допускаете ли Вы то, что убийство Вашего сына произошло по другим причинам и связано с другими мотивами?

О: Нет, не допускаю. Мой сын не пил, был неконфликтным человеком, имел скромную работу — работал бухгалтером в фирме, которая обслуживает предприятия, не был должностным лицом, не имел обязательств и долгов.

Допрос свидетеля Г.:

В: В каких отношениях Вы находились с погибшим ***?

О: Максим *** был моим молодым человеком на протяжении двух с половиной лет.

В: Имелись ли у *** конфликты с другими лицами, которые могли бы стать причиной его гибели?

О: Нет, таких конфликтов у *** не было.

В: Что Вам известно о событиях 18.02.2008 г.?

О: Около 18-ти часов 18.02.2008 г. *** приехал ко мне домой, я покормила его ужином, и он уехал на курсы английского языка. При возвращении *** должен был позвонить мне. Около 23-х часов того же дня, не дождавись звонка ***, я начала волноваться. Затем, посмотрев в окно, я увидела его автомобиль. Мне показалось, что дверь автомобиля открыта. Тогда я разбудила своего отца, и вместе мы спустились к подъезду. Я обратила внимание на то, что двери автомобиля Костикова не были закрыты. На переднем пассажирском сидении лежали сумка, телефон и шапка Максима. Я забрала эти вещи.

В: Рассказывали ли Вам что-либо о случившемся инспекторы ДПС, находившиеся на месте происшествия?

О: Да, сотрудники ДПС сообщили о том, что на «попутке» *** добрался до поста ДПС. Он был ранен и пояснил, что на него напали, пытаясь отобрать автомобиль.

В: Когда Вы узнали о смерти Максима ***?

О: О смерти Максима я узнала позднее описываемых событий.

В: Имелась ли у нападавших воз-

можность завладеть автомобилем ***?

О: Да, такая возможность была, поскольку ключи находились в замке зажигания.

В: Осматривали ли Вы лично салон автомобиля ***?

О: Тщательно салон его автомобиля я не осматривала. Я только села в салон его автомобиля, чтобы забрать сумку ***, которая находилась на переднем сидении.

В: Видели Вы 18.02.2008 г. отца ***?

О: Да, видела. 18.02.2008 г. отец Максима сначала пришел к нашему дому, а оттуда — поехал в больницу.

В: Почему Вы решили выйти из дома к автомобилю Костикова?

О: В окно я увидела автомобиль Максима с включенными фарами. Мне показалось, что двери автомобиля открыты, поэтому я и решила спуститься во двор.

В: Уверены ли Вы в том, что ключи от автомобиля находились в замке зажигания?

О: Стопроцентной уверенности в этом у меня нет, но, по-моему, ключи находились в замке зажигания.

В: Обладали ли *** внешними чертами, характерными для выходцев из Средней Азии или Кавказа?

О: Нет, Максим не был похож на выходцев из Средней Азии или Кавказа.

В: Посещал ли *** солярий?

О: Солярий Максим посещал, однако редко.

В: Чем занимался ***?

О: Максим учился в Московском государственном строительном университете, одновременно работал технологом в американской фирме по производству сухих строительных смесей, посещал курсы английского языка.

В: Чем увлекался ***?

О: Максим увлекался лыжным и велосипедным спортом, являлся кандидатом в мастера спорта по самбо.

В: Что Вам известно об обстоятельствах гибели ***?

О: О гибели Костикова мне известно только со слов его матери. Она рассказала мне о том, что на Максима напала группа молодых людей. Нападавшие нанесли Максиму 8 ножевых ранений. После этого Максим смог добраться до поста ДПС, откуда его увезла машина «Скорой помощи».

В: Почему после нападения на него *** побежал в направлении Ярославского шоссе, а не к дому, в котором проживали Вы?

О: Я думаю, что Максим просто не смог бы сразу попасть в подъезд, поскольку там установлен домофон. Поэтому, ему не было смысла бежать к нашему дому.

УКРАИНСКИЕ НАЦИСТЫ: ОБЗОР

Украинские ультраправые чем-то похожи как на своих российских, так и на западных единомышленников. Желая сохранить свою самобытность они стремятся отмежеваться как от «азиатской» России, так и от «прогнившей и погрязшей в деградации» Европы, но на практике заимствуют моду и на Востоке и на Западе. Но не следует считать украинский нацизм вторичным во всём — специфическая геополитическая роль, двуязычность, многоконфессиональность, давняя традиция либеральной национально-освободительной борьбы и перманентная атмосфера экономического кризиса создают крайне плодородную почву для произрастания не только вербы и калины, а и нацистских сорняков. В Верховной Раде заседает ультраправая партия, набравшая более 10% голосов, а в некоторых регионах страны она и вовсе является доминирующей.

Несмотря на показную русофобию украинских ультраправых и шовинистически-имперские замашки их русских коллег, и те, и другие находят общий язык, когда дело касается противостояния левым, антифашистам, анархистам. Так что даже тем российским товарищам, кто далёк от теории, должен быть интересен краткий экскурс в украинский нацистский бестиарий.

Для начала следует обозначить, что в Украине есть два основных национализма. Национализм украинский и национализм русский. Первый более широко представлен как на улице, так и в парламенте, но и второй нельзя оставлять без внимания, тем более, что здесь он часто рядится в одежды «антифашизма» или левой идеологии («антифашист» с имперкой и портретом Николая Второго, скандирующий ксенофобские лозунги и

мечтающий одновременно о Царе, Сталине и Путине — не редкость для Украины, и настоящим антифа приходится отмежевываться от этой публики).

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Идеологической основой большинства украинских националистических течений является интегральный национализм. В этом отношении культовым может являться такой автор как Дмитрий Донцов. Показательно, что этот мыслитель не маргинален — цитаты из его творчества не так давно можно было встретить в метро наряду с другими классиками. Как и полагается нормальному фашисту-интеллектуалу, Донцов успел побыть социалистом, разочароваться и переключиться с социальной борьбы на национальную. Причём борьба эта должна вестись не только с внешними врагами, но

и с внутренними. Донцов чётко разделяет нацию на «казаков» и «свинопасов» (угадайте в какую из категорий записывают себя его приверженцы). Разумеется, казаки должны править, свинопасы — подчиняться и потихоньку вымирать. Донцовщине свойственен «кшатрийский», милитаристский дух, лишь украинцы-воины достойны войти в Европу. Именно Европа является идеалом, к которому должен стремиться украинский националист. Но войти туда надо не для мирной жизни (это для свинопасов), а для дальнейших славных битв.

Сегодняшние радикальные приверженцы Донцова делают вывод, что Европа «белого человека» и традиционных ценностей мертва и что последний островок, где они ещё теплятся, — это Украина. Так что им следует не просто войти в Европу как равные среди равных, а возродить старую

Европу во всём её былом величии. Благо, воображаемых врагов хватает: тут вам и «исламская угроза», и Китай, и Россия — в Вальгалле будет тесно. Чудовищный, болезненный бред. Тем более, что европейцы совершенно не стремятся лишиться завоёванных ими политических и социальных прав и свобод. Менее радикальные сторонники идей Донцова ограничиваются стандартными мантрами о евроинтеграции — в этом они мало чем отличаются от обычных либералов.

Важными элементами национальной мифологии в Украине является казачество (его, хоть и по-разному, любят как украинские, так и пророссийские наци), Украинская Народная Республика и, главные священные коровы националистов всех мастей, — Организация Украинских Националистов (ОУН) и Украинская Повстанческая Армия (УПА). Каждый находит в УПА что-то своё — это оправданно, поскольку под УПА подразумеваются довольно-таки разнородные силы. «Левые» наци (штрассерианского или национал-анархистского) толка видят УПА своих единомышленников, борцов за «социальные и национальные права». Более традиционные правые донцовского толка — тех самых казаков, кшатрийское революционное меньшинство. Что видят в Украинской Повстанческой Армии бесхребетные национал-либералы — не понятно, но они тоже любят её чрезвычайно и считают предтечами новой украинской государственности. Не утруждая себя чрезмерным ковырянием в истории, замечу, что в УПА действительно имели место различные тенденции: как социальные и буржуазно-революционные, так и откровенно фашистские. На практике последние преобладали, так что на совести «национально-освободительных бойцов» немало пролитой крови мирного населения, еврейские погромы и в одно время — непосредственное сотрудничество с нацистами. Разница в том, что одни националисты эти преступле-

ния стремятся не замечать или же отбрасывать как незначительные, а другие гордятся ими, считая, что в них-то как раз и заключается вся соль и сила УПА.

С советских времён сложилось так, что украинские нацисты близки с украинскими правыми либералами. У них общие герои, общие символы, одно время были даже общие лозунги. Правда, совершенно разная интерпретация этих символов и лозунгов. Показателен Декалог Украинского Националиста, написанный одним из идеологов ОУН, в тексте явно ощущается донцовское влияние:

Я — дух извечной стихии, уберёгший Тебя от татарского потоптания и поставивший на грани двух миров созидать новую жизнь:

Обретёшь Украинскую Державу или погибнешь в борьбе за Неё.

Не позволишь никому пятнать славу и честь Твоей Нации.

Помни про великие дни наших Освободительных борений.

Гордись тем, что Ты — наследник борьбы за славу Владимирского Тризуба.

Отомсти за смерть Великих Рыцарей.

О деле не говори с тем, с кем можно, а с кем нужно.

Без колебаний совершишь самое опасное деяние, если того потребует добро дела.

Ненавистью и безоглядной борьбой будешь принимать врагов Твоей Нации.

Ни просьбы, ни угрозы, ни пытки, ни смерть не принудят тебя выдать тайну.

Будешь бороться ради возрастания силы, славы, богатства и пространства Украинской Державы.

Для национал-либерала это набор красивых слов, примерно как клятвы верности из рыцарских романов. Для радикального националиста — вполне серьёзное и чёткое руководство к действию. Иррациональность и вопиющая бессмысленность ему только добавляют убедительности. Есть нация, есть враги, есть месть, есть шанс ощутить себя не просто гопотой из подворотни, а наследником великих рыцарей — что ещё нужно для счастья?

НАШЕ ВРЕМЯ.

УКРАИНСКИЕ НАЦИ

Одна из важнейших украинских националистических организаций последних двух десятилетий — это УНА-УНСО (Украинская национальная ассамблея — Украинская народная самооборона). Для украинского правого движения оно сыграла примерно такую же роль, как и РНЕ в России, стала кузницей кадров. Сегодня УНА-УНСО уже не активна и играет скорее деко-

ративную роль, но в 90-е именно она определяла облик ультраправого движения. В рамках УНСО уживались как военизированные формирования, так и более умеренные силы, ограничивавшие свою активность культурной сферой, организация была достаточно разнородной. Они не были замечены в организованном расистском насилии, хоть периодически и могли контактировать и даже сливаться с наци-скинами на низовом уровне. Среди самых громких деяний УНСО — участие в конфликтах в Абхазии и Чечне (против российских войск), несанкционированное захоронение патриарха Филарета посреди площади (асфальт был вскрыт, патриарха захоронили, после чего состоялось грандиозное побоище с милицией). Организация была почти полностью уничтожена после провала кампании «Украина без Кучмы» и все попытки ее возрождения — последняя была предпринята в 2005 году — заканчивались неудачно. Именно УНСО внедрили своеобразную моду на камуфляж, которой следовал актив других ультраправых организации, таких как «Тризуб» или «Патриот Украины».

Одним из интересных отколов от УНСО является «Братство» — нечто среднее между политтехнологическим и арт-проектом. Лидер «Братства» Корчинский достаточно умён, чтобы не воспринимать правую идеологию всерьёз, и потому умело жонглирует словами и смыслами, меняя спонсоров и соратников, как перчатки. То они анархисты, то националисты, то православные, то все вышеперечисленное вместе. Насилие эта организация практикует редко, и только лишь когда это связано с непосредственной выгодой (можно вспомнить нападение на журналиста Ульянова в 2009 году, заказанное тогда ещё мэром Киева Леонидом «Космосом» Черновецким). К «Братству» с опаской относятся в том числе и в правом лагере: когда несколько лет назад другие националисты попытались сорвать лекцию Корчинского, их без лишних разговоров встретили ножами.

Интересны связи этой организации с русскими ультраправыми, в частности, с Дугиным (с которым они в итоге ритуально рассорились), позже — с Хомяковым, Широпаевым и другими наци-сепаратистами.

«Тризуб» был основан в 1993 году и с переменным успехом действовал до последнего времени. Сегодня организация почти уничтожена, по слухам, прикрывавшие их годами силовики лишились своих кресел и после этого ультраправые оказались лёгкой жертвой для милиции и спецслужб, организовавших показательный процесс.

Начиналась история «Тризуба» в качестве молодёжки КУН (Конгресса Украинских Националистов). Потом их пути разошлись и с тех пор КУН перестал восприниматься в качестве серьёзной силы, редкие вспышки их уличной активности исчерпываются поединками с памятниками Ленину (этот вид спорта вообще крайне популярен среди украинских правых разной степени радикальности). Забегая вперед, скажу, что история «Тризуба» закончилась как раз битвой с памятником, только уже не Ленина, а Сталина (Иосиф Виссарионович стоял на территории обкома местной Коммунистической Партии, аналога КПРФ). Сначала Сталину отпилили голову, а позже и вовсе взорвали. В итоге Сталина восстановили, но уже за ограждением. За ограждением же оказались и местные тризубовцы, которых обвинили в терроризме. В конечном счёте, все фигуранты вышли на свободу, но в ходе охоты на них была начисто разгромлена вся организационная инфраструктура.

В идеологии «Тризуба» нет расизма, присутствует умеренный антисемитизм. Они напоминают классических итальянских фашистов, видят себя прямыми продолжателями дела Степана Бандеры и носителями идей Донцова. Справедливости ради, нужно признать, что они ими и в самом деле являются: иногда кажется, что какой-то взвод ОУН-УПА потерялся в карпатских горах,

замёрз, оттаял к концу 20-го века и спустился в города продолжать свою борьбу. На счету тризубовцев немало нападений на левых и правозащитников, поджог художественной галереи (где, по их мнению, пропагандировали содомию). На стене галереи была оставлена надпись «Ні содомії ОУН» («Нет содомии ОУН»), которая долгое время была крылатой.

«Патриот Украины» похож на «Тризуб» и внешне, и судьбой. Начинались как партийная молодёжка (только не КУНа, а СНПУ, впоследствии партии «Свобода», о которой мы расскажем ниже), потом откололись. Различия наблюдаются в фасоне камуфляжа (ПУ признают только «бундес») и по части идеологии. Сохраняя ритуальное почтение к Донцову и УПА, они являются скорее классическими белыми расистами, чем интегральными националистами. 14 слов Дэвида Лэйна, борьба с миграцией (которой в Украине практически нет, поэтому приходится охотиться на иностранных студентов), постоянные нападения как на расистской, так и на политической почве. «Патриот Украины» на определённом этапе сменил практически вымерших наци-скинхедов, но потом умер сам — активисты слишком уж увлеклись бизнесом и политикой, некоторые даже просочились в местные органы власти на районном уровне. Но наш Икар в камуфляже поднялся слишком высоко и небесный коловрат опалил ему крылья: когда силовики прессовали бизнесмена-покровителя «Патриотов», под раздачу заодно попали и они (обвинили в попытке подрыва памятника Ленину, Сталиных на всех не хватило).

Идеология, политическая практика и судьба ПУ до боли напоминают историю российского НСО, только без такого обилия трупов на счету.

Небольшим апгрейдом ПУ была США, социал-националистическая ассамблея. По сути, это одна и та же организация, и в количественном, и в качественном отношении, поэтому не будем

о ней подробно. США прославилась тем, что имела в своих рядах ставшего националистической иконой Максима Чайку (бонхед, погибший от удара ножом при попытке нападения превосходящими силами на антифа).

В Украине было ДПНИ. Оно есть и сейчас, впрочем состоит из одного подментованного «наци-правозащитника». Помимо стука, публикаций в интернете и заседания в различных комитетах эта виртуальная организация ничем не прославилась.

НАЦИ-АВТОНОМЫ

Есть в Украине и свои наци-автономы. Более того, мы несём сомнительную пальму первенства — в Украине это движение получило большее развитие, чем в России. Начиналось всё с УНТП (Украинской национально-трудовой партии), стоявшей, как это ни смешно, на позициях классического гитлеризма. В середине 2000-х был даже забавный прецедент, дуэль между «справжниками» (от слова «справжній», «настоящий») и «гитлеристами». Первые провозглашали «аутентичный» украинский национализм, вторые выступали по олдскулу, любили Алоизыча, свастики, зиги, всё как полагается. В результате одного из конфликтов «справжники» сожгли «нацистам» флаг, а потом между их лидерами состоялся ритуальный поединок. Не помню кто победил, важен сам градус противостояния. С тех пор прошло много времени, вчерашние справжники кидают

зиги и организуют уличные нападения на левых и антифа, а бывшие вожди гитлеристов почитали Маркса, а кто-то и Кропоткина и перешли на «третий путь», некоторые тянут на штрассерианцев, другие называют себя национал-анархистами. На левых они практически не нападают, и на уровне лидеров даже пытаются отказаться от расизма и антисемитизма. Только вот рядовой актив это не всегда понимает. Не так давно в Сумах были осуждены «национал-автономы», пытавшиеся поджечь общежитие для иностранных студентов. Во Львове «Автономний Опір» напал на панк-концерт, который показался им антифашистским (на самом деле, там собрались преимущественно аполиты). Сохраняют «национал-автономы» и ритуальную верность УПА, находя приличествующие их новому «левому» статусу цитаты из её идеологов. Впрочем, «полевание» не мешает им отмечать ритуальными пробежками день рождения Романа Шухевича, лидера СС-Галичина. Не прочь «левеющие» правые и поразгонять гей-парады. В 2012 году имел место примечательный эпизод: на «автономных националистов», разгонявших гей-парад напали «неавтономные националисты», обвинившие первых, что те разгоняют гей-парад недостаточно радикально. Гей-парада в тот день не было вовсе, но ребята всё равно нашли чем себя занять. Нужно признать, что АО отказались от былого примитивного авторитаризма. Теперь их идеалом

является подобие «органической демократии» (хотя сами они не используют этот термин). Прямая демократия с отрицанием индивидуальной свободы личности, механическая власть количества. Таким «демократическим» способом наци-автономы оправдывают, к примеру, свою ксенофобию и верность консервативным ценностям. «Демократичное» изгнание мигрантов, «демократичное» ограничение межрасовых браков или «нетрадиционных сексуальных отношений». Эксплуатация, угнетение и геноцид тоже вполне могут быть объяснены «волей народа». Собственно говоря, именно так и действовали классические фашисты, так что особых идеологических новшеств АО не привнесли.

В целом, у национал-автономов сейчас явный кризис жанра — их отторгли правые и не привечают левые. Численность уменьшилась в несколько раз. К тому же, наметился жесткий раскол между «левым» крылом АО (сохранившим аутентичное название «Автономний Опір») и правым («Народной Волей»). Всё это напоминает ситуацию с «Вольницей» в России. Но есть крошечная разница: в Украине ещё не умер парламентаризм и активно развивается политтехнологическое партстроительство как слева, так и справа. С самого начала над «Автономным Сопротивлением» висела тень Юрия Михальчишина, депутата ультраправой партии «Свобода». Несмотря на размежевание, на момент

написания статьи его лекции ещё могут быть найдены на официальном сайте АО — opir.info. Но свинья всегда найдёт грязь, распрощавшись с парламентскими нацистами, часть «полевешего» крыла связалась со старым мошенником Олегом Верником, который прославился в своё время тем, что смог развести на бабло сразу множество троцкистских и левокоммунистических интернационалов, плодя фальшивые организации. После того, как схема раскрылась, а левацкий жаргон обогатился новым словом «верникгейт», вчерашние троцкисты начали эксперименты с трейд-юнионизмом. Судя по всему, невзирая на апатию и массовое бегство рабочих из их организации, им всё-таки удалось найти свою нишу и новых спонсоров. На этот раз уже внутри страны. Откуда-то берутся деньги на аренду офисов в разных городах Украины и на оплату труда нескольких профессиональных журналистов, источники финансирования хранятся в тайне. «Левое» крыло национал-автономов играет в этом проекте роль пушечного мяса, создавая «радикальную» картинку для СМИ. Судя по всему, вполне бесплатно.

ВО «СВОБОДА»

Вот мы и перешли к главному экземпляру нашей коллекции, к партии ВО «Свобода». Она началась в 90-е как Социал-Националистическая Партия Украины, но развитие получила в середине 2000-х, когда её возглавил Олег Тягныбок, имевший в то время депутатский мандат. Теперь мандаты есть уже более чем у трёх десятков нацистов. Конечно же, им пришлось разбавить свои ряды национал-демократами, бизнесменами, коррупционерами и чиновниками. Для настоящего ортодоксального наци «Свобода» — предатели, которые уклонились от светлых идеалов НС. Но для нас они остаются опасными врагами — даже отошедшая от тру-нацистских идеалов свободовская молодёжка продолжает нападать на левые акции и акти-

вистов. Помимо официального гитлерюгенда «Сокол», у них есть ещё и неформальный С14 (игра слов: С14 читается как «Січ», намек на «Сечь»). Партийное прикрытие позволяет молодым бонам нападать на оппонентов, не боясь последствий. Помимо этого они активно участвуют в «социальной» деятельности, в частности, в антизастрочных акциях, привнося в них немного насилия и много партийного пиара. Как правило, в долгосрочной перспективе эти кампании не приносят большого успеха (к партиям у людей доверия куда меньше, чем к низовым инициативам и все, кроме ультраправых, от их кампаний со временем отходят), но способствуют мобилизации и повышению боевого духа активистов.

Кроме того, С14 славится тесным сотрудничеством с правоохранительными органами (к примеру, они помогают милиции организовывать контрольные закупки алкоголя и сигарет несовершеннолетними).

Их старшие товарищи из ВО «Свобода» входят в оппозиционную коалицию с национал-демократами. Их высокий результат на выборах во многом объясняется протестным голосованием — люди выбирали не безумных нацистов, а голосовали против «Партии Регионов». ВО «Свобода» занимается лоббированием заведомо непро-

ходных националистических (русское националистическое лобби достаточно сильно, чтобы их блокировать) и потенциально проходных ультраконсервативных законов (когда доходит до борьбы за мораль и цензуру, они с русскими наци забывают о разногласиях и сливаются в экстазе). Ещё депутаты заботятся о повсеместном использовании слова «жид», запрете русских имён и, самое главное, о сносе памятников Ленину.

Многие аналитики небезосновательно указывают, что лидера «Свободы» Олега Тягныбока прочат на пост удобного оппонента для Виктора Януковича во втором туре президентских выборов. Действующий президент Янукович обладает харизмой и интеллектом разношенного валенка, но даже он сможет обыграть нациста. Так что до 2015 года «Свободе» многое будет прощаться и сходить с рук.

Идеология Свободы крайне непоследовательна. Они пытаются апеллировать к рабочему электорату и озвучивают социальные лозунги. Особенно ярок в этом плане штрассерианец Юрий Михальчишин, который долгое время воспринимался в качестве духовного отца «автономных националистов». Вместе с тем, «Свобода» подчёркивает свою лояльность к «национальному» бизнесу, и когда требуется, отрещивается от всякого социализма.

Отдельным пунктом следует упомянуть украинский околофутбол. Он правый. Есть отдельные исключения (в частности, киевский «Арсенал»), но большая часть ультрас и хулиганов стоят на нацистских позициях. С ними ведёт активную работу и пытается взять под свой контроль партия «Свобода», неплохо удаётся это с киевским Динамо и со львовскими Карпатами. Правыми (пусть часто и пророссийскими) являются также и крымские и восточно-украинские клубы. Но их вовлечённость в реальную политику сравнительно мала и обычно исчерпывается околофутбольным насилием и участием в символических акциях.

РУССКИЕ НАЦИ

Русские нацисты в Украине представлены преимущественно в Крыму и восточных областях, но их вполне можно встретить и в Киеве. Нам более всего интересна молодёжь — «Соппротивление» и активисты «Русских пробежек» (тут они называются «Славянские пробежки»). В качестве политического субъекта эта публика выступать не может, но их периодически могут использовать разные силы — от «Молодых Регионов» (молодёжка партии власти), до «Украинского Выбора» Медведчука (молодой пророссийский проект, работающий со всеми подряд до сектантов из КОБ включительно).

Старшее поколение представлено «Народными Соборами», «Родительскими Комитетами» и ряжеными казачками. Основной род деятельности: борьба за нравственность и борьба против бандеровцев. В первом случае нам иногда приходится вступать с ними в открытую конфронтацию (к примеру, когда они пытаются сорвать феминистическую акцию, утверждая, что она распространяет СПИД). Во втором случае приходится заботиться о том, чтобы нас с ними не спутали, т.к. во время столкновений с украинскими нацистами русские правые имеют скверную привычку называть себя «антифашистами». Примерно как движение «НАШИ», но

ещё смешнее, потому что у наших хотя бы нет при этом имперок и публичных призывов «вернуть Русь славянам».

НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТЫ И «КОММУНИСТЫ»

Напоследок стоит упомянуть ещё две важные силы, которые формально нацистами не являются, но являются их вольными или невольными партнёрами. Во-первых, это национал-демократы. Свою функцию (образование национального государства) они выполнили давно и сейчас пытаются заполнить чем-то бессмысленность своей политической ниши. Заполняют они её бредом. Эту публику обрисовал в своих воспоминаниях ещё Нестор Махно: «Я был убежден, что для таких украинцев нужен был только украинский язык, а не полнота свободы Украины и населяющего ее трудового народа». Культ украинского языка, «возрождение традиций», вышиванки, «верба и калина», вся эта декоративная этнокультура становится главным краеугольным камнем политики. Борьба против русских надписей на шоколадках, требование издавать украинские глянцево-журналы на украинском языке, призывы бойкотировать фильмы с русским дубляжом и т.д. И все, кто не разделяет умиления и энтузиазма по этому поводу, объявляются врагами нации. С врагами нации, безусловно, следует бороться, и тут органичными союзниками нацдемов оказываются просто наци, без всяких сомнительных дополнений.

Это объясняет позорный союз оппозиции с нацистской «Свободой». Это объясняет, почему такие «низовые» национал-либеральные организации как «Видсич» допускают в своей публичной риторике откровенно русофобские и антисемитские высказывания. Даже не потому, что они такие уж страшные фашисты — просто такова их политическая культура: они не могут критиковать политического деятеля, не пройдя по его национальной или языко-

вой принадлежности, а борьба за родной флаг или язык этикеток на шоколадках окажется в решающий момент важнее любой социальной борьбы. Несмотря на различия целей и политической философии, национал-демократы и нацисты оказываются очень близки в плане внешней атрибутики, а внешнее часто превалирует над внутренним.

Их зеркальными близнецами являются «коммунисты» из КПУ и аналогов. Эти измельчавшие и выродившиеся большевики являются собой ни что иное, как консервативных русских националистов. Даже их социальные лозунги вполне укладываются в консервативную парадигму, а реальная деятельность сводится, в первую очередь, к культу Сталина, агитации за политическое сближение с Россией и каноническое православие. Поэтому красный флаг на митингах вполне может соседствовать с портретом Николая Второго.

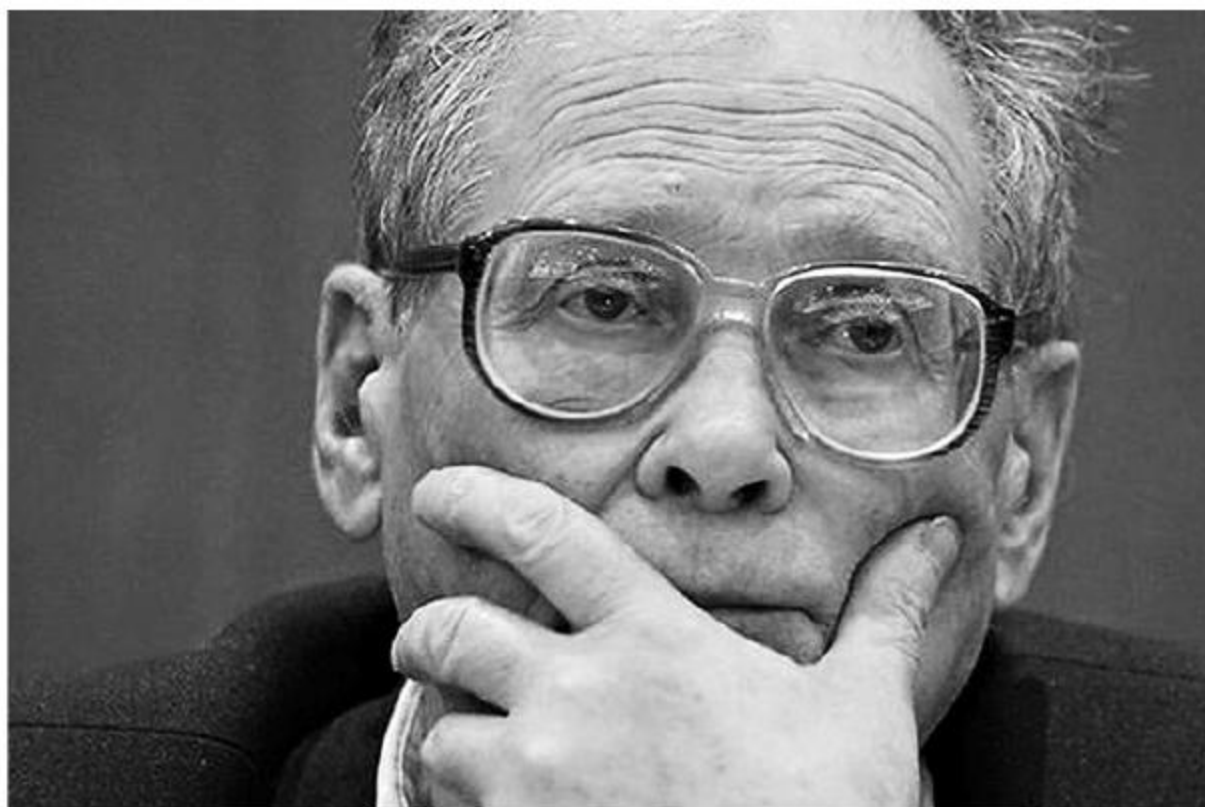
Сегодня украинская политика выходит на новый виток коммерциализации. Это в равной мере касается и левого, и правого сектора. Многие, глядя на стремительный успех «Свободы», надеются, что его сможет повторить левая или социал-демократическая партия. Но нам не следует полагаться на эти иллюзии. Реальное противостояние происходит на улице, и чем дальше политики входят в коридоры власти, тем дальше отходят они от своих первоначальных идей. Ультраправые могут позволить себе такое предательство, поскольку их истинная идея изначально основана именно на предательстве — на подчинении и на стремлении подчинять. Получить власть в их системе координат значит выиграть, и цена тут не играет большой роли. Анархисты не могут позволить себе такой роскоши, не превратившись в андреев исеевых. Не нужно завидовать правым, которые карабкаются вверх. Тем больше будет их падение, когда мы раскачаем фундамент.

Александр Володарский

СЕРГЕЙ КОВАЛЕВ:

«капитализм» и «социализм» не были для нас существенной проблемой»

Несколько лет назад один из редакторов «Автонома» несколько часов беседовал с Сергеем Адамовичем Ковалевым, одним из «патриархов» российских правозащитников. Человеком с либеральными взглядами, но одним из ключевых «врагов государства» последнего времени. Он рассказывал, как и за что боролись люди его круга. Отрывки из этой беседы особенно могут быть интересны сейчас, когда государство снова пытается представить правозащитников «иностранными шпионами и агентами».

Мы были очень далеки от каких бы то ни было политических мотивов. Если говорить в терминах «социализм»-«капитализм», многие из нас, хотя и не все, больше симпатизировали, так сказать, конкурентной схеме — не плановому хозяйству, а рыночному. Но это для нас не было существенной проблемой, даже обсуждалось редко. Главным мотивом был жгучий стыд за происходящее. Конечно, без надежд на реформацию. У нас не было политической позиции, а была нравственная. У каждого из нас были «крестные родители» — люди, которых уже посадили, «а ты молчишь». Часто это были знакомые, но совсем и не обязательно. Я не был знаком ни с Даниэлем, ни с Синявским. Для меня это был первый эпизод резкого, отчетливого протеста — против этого суда. Против того, что в стране возможны обвинения такого рода. Я честно занимался нау-

кой и полагал, что имею некоторое право на самоуважение. Когда я ввязался в протесты, я не предполагал, что за это могут посадить. Я предполагал и дальше заниматься наукой, и не хотел быть трусом и пассивным человеком. Очень скоро стало ясно, что посадят, что за право на самоуважение нужно платить, скорее всего, тюремным сроком. И нашлось достаточно много людей, готовых купить самоуважение за эту цену — такую цену установило государство. Я никогда не был советским человеком, даже в ранней юности. И это не моя заслуга, а, скорее, заслуга обстоятельств, семейного воспитания. У нас в семье никогда не обсуждались острые вопросы вслух, просто мать умела очень красноречиво молчать.

Каждый из нас надеялся, что, может быть, наши протесты, действия, когда-то какую-то роль могут сыграть. Как сказал Андрей Дмитриевич Сахаров, когда его спросил

интервьюер, рассчитывает ли он на изменения в Советском Союзе, он, честно подумав, честно сказал, что в обозримое время не рассчитывает. Но это не значит, что этого не произойдет вообще, и то, что мы делали, не сыграет хоть какой-то роли. Жителям Византийской империи было ясно, что это гниющий организм, но она гнила 300 лет. Для нас, в основном неверующих или агностиков, это было элементом религиозного сознания: поступай, как должен, и будь что будет. Подавляющее большинство из нас не стремилось выработать политическую позицию. Мы считали, что нас нельзя рассматривать как политическую оппозицию, хотя мы властью сильно недовольны. У нас был резкий протест против судов, увольнений, цензуры, но не политическая платформа.

Те люди, которые называют себя правозащитниками, лукавят или заблуждаются, когда говорят о том, что политика — не их дело. Политика, которой занимаются правозащитники — это политика не тех, кто думает о ближайших выборах, а тех, кто думает на пару десятков лет вперед.

Наша деятельность до перестройки несомненно повлияла на ситуацию в стране. И это влияние недооценено, о нем никто не говорит сейчас. Наше основное влияние пришлось на западную интеллигенцию, общественность. Почему-то именно в 60-е-80-е ситуация в СССР стала всерьез замечаться на Западе. И на западных политических лидеров давила уже своя обществен-

ность. И Горбачев сопротивлялся, но оказался достаточно умен и храбр, чтобы поддаться этому давлению.

В 1987 году, в разгар перестройки, меня только что вернули из высылки из Твери — на 10 декабря, день прав человека, мы решили назначить международный семинар по правам человека. Когда стали доступны архивы, обнаружили две бумаги, адресованные в политбюро. Это были форменные доносы в сталинской фразеологии. Что у нас будет клевета на социалистическое отечество... Это был тот язык, но конец был немного другой. Дескать, этих недобитков, побывавших в тюрьме и ничему не научившихся, надо бы примерно наказать, но это невозможно по политической ситуации — наши зарубежные союзники неправильно это поймут, и идея перестройки будет дискредитирована. Поэтому надо применить другие средства, чтобы сорвать мероприятие.

Они были применены. Тогда уже возможно было арендовать залы, и мы арендовали целых три, так как понимали, что возможны были препятствия. Во всех трех залах было отказано. В одном тараканы развелись, в другом была плохая противопожарная ситуация, в третьем что-то с туалетом. Людей снимали с поездов. Также не пришел ни один член союза писателей или журналистов. Всё состоялось, как положено, по кухням. В январе было написано, что мероприятие сорвано. А кто же были авторы? Яковлев и Шеварнадзе. А также тогдашний генпрокурор и председатель КГБ. Но не приведи они такую аргументацию Политбюро, почему нас нельзя сажать, возможно, нас бы и посадили.

При крушении СССР сознание советского человека кардинально изменилось, но кратковременно, и это в значительной мере наша вина. Конечно, советская система всем надоела. Все отлично понимали, что такое партийная система. Райкомы, обкомы. Хотя многие думали: «Наш обком никуда не годится, дайте нам настоящий».

И был массовый всплеск. Неожиданный для партийной власти, и

для архитекторов перестройки. Это трудно объяснимое явление, но до сих пор обнадеживающее.

Почему я говорю — «мы виноваты»? Понимаете, было такое наивное воодушевление — «вот, будет теперь демократия». Был партия-хозяин, а теперь — к чертовой матери... Будет и демократия, и колбаса. Возник миф — «теперь демократы у власти». Кто демократы? Борис Ельцин с его ближним кругом? Михаил Сергеевич? Ничего себе демократы.

Сам-то Борис Николаевич чему-то старался научиться. Ему это давалось с трудом, но кое-чему он научился. В нем была живая искра, но он — партийный карьерист до мозга костей. Иначе он не представлял, как руководить.

При советской власти блага партийным чинам были строго регламентированы. Я один раз получил от своего сокурсника, у которого был какой-то партийный тесть, разовый пропуск на обед. «Сходи, интересно посмотреть, как там кормят». Никакой вывески не было, но пропуск пришлось предъявить. Посмотрел на меню, и пришел в ужас. Там были написаны слова, которые я большей частью не знал. А то, что знал — были деликатесы. А в кармане у меня три с чем-то рубля. Как же я здесь пообедаю? Но я очередной раз удивился из-за цен. Я не потратил трех рублей, у меня много осталось. Но это всё не бросалось в глаза. А тут пришли «демократы»,

живут в охраняемых дачных поселках, в трехэтажных домах. Так кто же лучше?.. Вот одно из естественных настроений.

Я думаю, за перестройку люди мало изменились. Психология нашего обывателя и осталась советской. Свободу он не очень ценит. Я сейчас думаю, что лучше было бы, если в 1996 году прошел Зюганов. Важна честность выбора, а они нечестными были уже тогда.

Многое из того, что мы сейчас имеем, не могло быть иначе. Когда путч провалился, я был председателем комитета по правам человека в первом русском парламенте. Следовательно, членом президиума. Нашему комитету удалось провести в этом ужасном парламенте — нам казалось, хуже и быть не может — несколько очень хороших законов. И в конечно счете, принять конституцию. Которая с большими недостатками, но всё же демократическая.

Закон о реабилитации жертв политических репрессий... Он блистательно провалился в 90-м году. А после путча сразу прошел. Кардинальное изменение тюремной системы нам тоже удалось законодательно осуществить. Другой вопрос, как это сейчас практически выглядит... Коммунистическое большинство в парламенте после разгрома путча боялось, что победители поступят с ними так, как они поступили бы. Было противно и смешно слушать выступления коммунистов в сентябре 1991 года.

91-й год оказался переломным в разных отношениях. Путчисты больше, чем мы, способствовали таким прогрессивным законам. Борис Николаевич вкусил радость победы, понял, как нужно рубить узлы — отсюда произошли Чечня и Путин.

Я профан в этих делах... Может быть, был менее болезненный путь, чем гайдаровские реформы, но вряд ли. Но надо было постоянно обращаться к народному энтузиазму, с которым защищали Белый дом. Откуда у людей доверие к преобразованием, когда, как грибы, растут миллиардные состояния? Нормальный русский человек знает — не бывает палат каменных от трудов праведных.

Это вопрос для меня темный. Я не знаю, вполне ли применимо слово «этично» в этих оценках. Если говорить просто о большом богатстве, мы знаем много примеров, когда огромная доля личного богатства тратится на социальные нужды. Вот этот деляга Сорос. Он обрушил пару национальных валют, чтобы обогатиться, но как он полученную

прибыль тратит! Например, нашу науку спас он.

Что на самом деле произошло в деле Ходорковского? Детали этого дела сложны, и мне не по зубам. В первом процессе было два обвинения — недобросовестная приватизация и неуплата налогов. Это власть предложила правила приватизации. Затем говорят, что правила её были несправедливы — слишком дешево заплатили за эти предприятия. Допускаю, но не один Ходорковский так делал, а все. Почему Ходорковский, а не чиновники, должны отвечать за разбазаривание народной собственности? Может быть, как автор приватизации, должен был бы сидеть Чубайс. Но даже и не он, а Борис Николаевич, принимавший решения. Адвокаты Ходорковского утверждают, что он платил налоги по тем правилам, которые тогда существовали, и налоговики давали такое же заключение. Но если в суде предъявляют обвинение на несколько миллиардов, то почему не сажают налоговых инспекторов?

Второй процесс — якобы, похитили всю нефть, а владельцы-то

этого не заметили, дочери «Юкоса» прибыль получили. За такое воровство нужно давать Нобелевскую по экономике — и воры в прибыли (их прибыль никто не посчитал), «Юкос» в прибыли, и обворованные тоже в прибыли. И если всю нефть украли, как можно было с неё не платить налоги — что следует из решения суда по первому делу? Как хищение может облагаться налогом? За два процесса не стало понятно, каким способом можно было похитить эту нефть. Два приговора коренным образом противоречат друг другу.

Люди из избирательных комиссий — небывалого мужества. Они не боятся сесть в тюрьму за тяжкое преступление, фальсификацию выборов. Они боятся не совершить этого преступления. Вот судебная система, система выборов... Нынешняя власть не просто нелегитимна, она хочет быть нелегитимной. Она побеждала бы на выборах и без фальсификаций, но не хочет этого. Если один раз провести выборы честно, то захотят и второй раз, а это опасно.

СОПРОТИВЛЕНИЕ

МЕСКАЛЬ, КУЗНЕЧИКИ, АЛЕБРИХЕС И ТАПЕТЕС

НЬЮ-ЙОРК И ОККУПАЙ

Вот у нас в России с уважением относятся ко всему западному. В мире доминируют английский язык и американский доллар, а значит, по-прежнему правят бал англо-американские ценности. Поразмыслив, что бы мне тоже тамошнего зауважать, я выбрал политический активизм и поехал в Нью-Йорк на разведку.

С удивлением обнаружил, что в таком огромном мегаполисе всего два-три центра активистского искусства, не больше. В первом из них, куда я заглянул, Bluestockings, была презентация книги историков Пола и Карен Эврич «Саша и Эмма: Анархистская одиссея Александра Беркмана и Эммы Голдман» — про любовь двух знаменитых анархистов. Справа от меня уселся человек с особо интеллектуальной внешностью и давай спрашивать милую докладчицу Карен: «А кто такой Гувер? (имелся в виду директор ФБР Джон Эдгар Гувер, сыгравший немалую роль в депортации Беркмана и Голдман из США). А кто такой Фрик? (бизнесмен Генри

Клэй Фрик, которого пытались убить Беркман, за что получил 22 года лишения свободы). А кто был президентом США?». Так как он все время перебивал и слушать мешал, пришлось мне удалиться.

Поспешил я на следующее мероприятие — активистский спектакль театра «Оккупай сцену», еще одной такой же, как и «Оккупай музеи», отпочковавшейся от движения «Оккупай» инициативы. Про театр я ничего не знал, а в «Оккупай музеи» успел разочароваться еще раньше. Начинали они неплохо — захватывали музеи и галереи, выпустили манифест, в котором говорилось: «Мы больше не позволим втягивать нас обманом в признание коррумпированной иерархической системы, основанной на ложной редкости и пропаганде абсурдного величия одного индивидуального гения над другим человеком ради материальной выгоды самой элитарной из элит. За последние десять лет и более, художники и любители искусства стали жертвами интенсивной коммерциализации и кооптации искусства. Мы счи-

таем, что искусство — для всех, всех классов, культур и общин. Мы верим, что движение «Оккупай музеи» будет пробуждать осознание, что искусство может объединять людей, а не делить их на части, как в мире искусства происходит в нынешнее время. В последнее время мы стали свидетелями абсолютного уравнивания искусства и капитала. Члены советов музеев сооружают выставки живых или мертвых художников, которых они коллекционируют, как пачки упакованных банкнот. Музейные выставки предназначены для того, чтобы вздуть цены на рынках. Широкое признание культурной власти ведущих музеев превратило эти любимые институции в коррумпированные рейтинговые агентства и инвестиционные банковские дома — закрепляя их власть и санкционирование слабого корпоративного искусства и мошеннических сделок. За последние несколько десятилетий голоса инакомыслия были подавлены страшной атмосферой выживания и тайной политикой больших

СОПРОТИВЛЕНИЕ

денег. Если кто-то действительно критиковал институции, поднимал голос об отвратительных вечеринках и невероятно оторванных от жизни аукционах искусства, проходящих в то время, как остальная часть страны страдает и затягивает пояса, то он считался жестоким, озлобленным и отстойным. Движение «Оккупай» принесет эпоху нового искусства, истинного эксперимента за рамками узких мерок, установленных рынком».

Но как часто бывает, начали во здравие, а кончили за упокой. То есть начали с захватов, а закончили обычной выставкой во вполне себе институциональном нью-йоркском пространстве Момента. Проект назывался «Оккупай свой BFF», что отсылало к Bloomberg Family Foundation, одному из спонсоров «Моменты». Текст на стене галереи, написанный на внутренней стороне картонной коробки от пиццы, рассказывал, что созданный в штате Делавэр фонд Блумберга выкачивает из Нью-Йорка потенциальные налоговые поступления и что он представляет собой «частного захватчика государственного сектора; часть тихой корпоративной революции: захвати-это-все механизм для 1 процента населения». По поводу этой выставки один критик писал, что «Оккупай свой BFF» сохранило критическую риторику «Оккупай Уолл-стрит». Но когда группа, основанная на протестах в музеях, сама обустроивается в пространстве «белого куба», очевидно, что меняется характер ее деятельности и меседжа. Радикальный захват сменился знакомым и унылым сочетанием социальной практики и институциональной критики.

Театр «Оккупай сцену» оказался интерактивным. Вначале были разыграны четыре сценки — на тему гомосексуальных отношений, харассмента, учителей и детей, полицейских и чернокожих. Затем каждого из присутствующих заставили выбрать партнера и бить друг друга в ладоши, прыгать, кричать и делать странные

движения. Я выбрал своего товарища Васю, и мы вместе с ним до одури прыгали и хлопали друг друга по разным частям тела. Затем все проголосовали за самую понравившуюся сценку — ей оказалась та, где злобные полицейские придираются к чернокожим. Сценку повторили, но уже с участием разогретых зрителей. Как только кому-нибудь из зрителей казалось, что на действия полиции нужно отвечать по-другому, он кричал: «Стоп!», выбегал на сцену и сам оказывался в роли чернокожего. Зрители настолько быстро вживались в роль, что я по-хорошему позавидовал природной американской раскрепощенности. Но мой товарищ Вася меня разочаровал, сообщив, что все эти ребята — скорее всего, засланные казачки, а именно студенты театральных училищ. Не выдержав разочарования, да и с устатку после прыганья и хлопанья, я тут же вышел прочь.

Следующим мероприятием была лекция на площадке Yeslab, организованной звездным дуэтом художников-активистов Yesmen. Йесмены прославились выступлением на BBC от лица компании DOW, где заявили, что компания собирается выплатить 12 миллиардов долларов жертвам Бхопальской катастрофы, в которой была виновна дочерняя компания DOW. После этого акции DOW упали на 2 миллиарда. Также они создали поддельный сайт ВТО, после чего им как настоящим ВТОшникам прислали множество приглашений на международные конференции. Самая, пожалуй, нашумевшая их акция — когда они выпустили почти сотысячным тиражом фейковый номер Нью-Йорк Таймс, в котором были статьи о суде над Джорджем Бушем и окончании войны в Ираке.

Лектор-профессор рассказал, что никакой горизонтализации отношений не бывает и у любого движения есть лидер. Так, движение Оккупай было инициировано редактором журнала Adbusters Кале Ласном, а главным теоретиком его стал антро-

полог Дэвид Грэбер. С ним тут же ввязался в спор один из слушателей, оказавшийся бывшим британским дипломатом, конвергнувшимся в анархисты. Он сообщил, что лектор не понимает сути анархизма, потому что никто не утверждает, что не должно быть лидеров, но говорится, что каждый может быть лидером. Кроме того, анархизм — это процесс, а не результат. Споры эти ничем не отличались и от наших российских, так что и в этот раз я удалился с некоторым разочарованием в превосходстве западной мысли над отечественной.

Так постепенно дело дошло и до нашей собственной презентации фестиваля «Медиа-удар», на которой я должен был рассказывать о русском политическом искусстве. На презентацию приперлись тот же лектор, Энди Бичлбаум из Йесменов и Авраам Финкельштейн из известной в 80-е группы Gran Fury, прославившейся своими работами на тему СПИДа. Их плакат AIDSgate сейчас висит в Метрополитене в одном зале с творчеством Энди Уорхола и Джеффа Кунса. Вел презентацию важный художник Стив Ламберт, бородатый, лысый и в очках, как и полагается истинному интеллектуалу. Он — один из соредкторов йесменовской Нью-Йорк Таймс, а также создатель уличной Бюджетной галереи и Антирекламного агентства. Я хлебнул для храбрости вискаря из фляжки и собрался выступать, когда краем уха услышал, как Ламберт назвал Энди «морячком». Приглядевшись к шикарному загару Энди, я и вправду озадачился. Вернувшись домой и погуглив, я обнаружил, что Бичлбаум является большим любителем яхтенного спорта. В самом по себе этом нет ничего плохого, но все-таки может ли желать истинных общественных изменений загорелый яхтсмен, преподающий в элитной школе дизайна Парсонс и продавший свой фильм на телеканал НВО за 400000 долларов? Не один ли он из тех людей, про которых Жижек сказал, что они говорят об измене-

ниях, потому что никаких изменений не хотят?

В принципе, ко всей этой франкофонской институциональной элите я тоже отношусь с большим подозрением, тем более к такому явному жулю, как Лакан и его интерпретаторы Жижек и Бадью, особенно после разоблачительной книги Сокала и Брикмона «Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна». Впрочем, книга эта большого успеха не имела и никак позиции французов не поколебала, просто потому что, чтоб ее одолеть, нужно прослушать хотя бы один-два курса высшей математики. Но прогрессивная нью-йоркская галерея Мигель Абрё, где рулит жена моего товарища Каталы, проводит у себя лакановские чтения, на которых выступают как раз Жижек и Бадью. И одна из последних лекций Бадью оказалась достаточно полезной. В ней он сформулировал четыре правила истинно активистского искусства. Вот они: это искусство должно быть в связи с местными протестными движениями; оно должно разрабатывать мощную идеологическую базу; оно должно быть авангардным по форме; оно должно совмещать в себе три предыдущих пункта.

МЕКСИКА И ASARO

Убедившись в отсутствии всего этого в Нью-Йорке, в поисках настоящего активистского искусства я поспешил на юг, в Мексику. Не знаю, как с остальными пунктами, но хотя бы с первым там оказалось все в порядке. Народное и протестное искусство в Мехико едины и неразделимы, и сливаются в какой-то веселый, яркий и цветастый клубок. Улицы забиты граффити, постерами и народными скульптурами, среди которых выделяются смешные фигуры невиданных зверей из папье-маше. Они воспроизводят в гигантском масштабе маленькие алебрихес — популярные фигурки животных, комбинированных из несовместимых существ типа стрекозы и обезьяны.

Мой товарищ, профессор математики, познакомил меня с творчеством политического художника Мешиака, которого он коллекционирует. Бережно извлек из шкафа и предъявил картинку, на которой двое мужчин задорно кромсают друг друга ножами. Я одобрительно кивнул головой: «Вот оно, подлинное искусство, по-настоящему близкое к жизни!»

Утром следующего дня я выпил восьмидесятиградусного мескаля на могиле Троцкого с его внучатым племянником, закусил кузнечиками и отправился еще дальше на юг, в Оахаку. Там я побывал в художественной мастерской самого знаменитого из нынешних мексиканских художников Франсиско Толедо. В этой католической стране выставки Толедо проходят повсеместно, тогда как у нас его давно бы привлекли как минимум статьи по пяти. На картинах Толедо все, кому не лень, испражняются под мексиканскими флагами, Пресвятая Дева спасает президента Хуареса от кузнечиков, совокупляются друг с другом скелетики и мужчины с мордами котов, а черепаха насилует жабу. Толедо переделал ткацкую фабрику в одной из горных оахакских деревень в музей искусства и фабрику бумаги. Здесь

готовят бумагу из грушеобразных плодов сейбы, потом ручным способом печатают рисунки Толедо и других художников на бумажных воздушных змеях и просто постерах. Некоторые из них подписаны самим маэстро и его товарищами, а некоторые нет, и те, что подписаны, разумеется, подороже, а те, что нет, практически задаром расходятся по многочисленным галереям Оахаки и доходят до самой столицы.

В штате Оахака больше половины населения индейцы, некоторые деревни никогда не были колонизированы, и здесь до сих пор говорят только на индейских языках, а шаманы проводят ритуалы с марихуаной и грибами. В деревнях сильны туземные анархистские традиции, и в свое время десятки местных общин объединились в автономную группу СИРО-RFM (Совет коренных народов Оахаки имени Рикардо Флорес Магона, известного мексиканского анархиста, тоже уроженца Оахаки). А в 2006 году в городе вспыхнуло восстание, и горожане, изгнав правительственные организации, образовали Народную ассамблею и почти полгода удерживали город в своих руках. Художники-граффитисты,

в свою очередь, объединились в ASARO (Ассамблею революционных художников Оахаки). Идеейно более радикальные, чем их знаменитые предшественники, тематически они испытали на себе влияние Посады, Сикейроса, Ороско, Риверы и Толедо. С именем Хосе Гуадалупе Посады, прославившегося сатирическими изображениями скелетов, ассоциируется соединение социального искусства и символики популярного в Мексике праздника День мертвых. Этот праздник восходит к ацтекскому почитанию богини смерти Миктлансиуатль, впоследствии абсорбированному христианством.

Писатель Питер Гелдерлоос приводит примеры сотрудничества художников с активистами во время восстания. В День мертвых художники украсили улицы традиционными тапетес — цветными фресками, нанесенными с помощью песка, мела и цветов, но на этот раз тапетес содержали послания сопротивления и надежды или изображали имена и лица всех убитых во время восстания людей. Они также посвятили традиционные скульптуры в виде скелетов и алтари каждому убитому полицией и полувоенными формированиями. Как это ни странно звучит, День мертвых в тот раз был полон жизни, как никогда.

Сейчас художники группы ASARO открыли собственное пространство Espacio Sapata, в котором проводят воркшопы и читают лекции. Вообще активистских центров в маленькой Оахаке больше, чем в огромном Нью-Йорке. В этих центрах собираются люди на жаркие дискуссии, а также на просмотр фильмов и концерты, посвященные местному восстанию или восстанию сапатистов в Чьяпасе. В отличие от европейских, где на мероприятия приходят два с половиной интеллектуала, здесь залы набиваются битком. По многим людям видно, что они довольно легко могут перейти от слов к делу. И чувствуется, что новые серьезные события не за горами.

Ильяс Фалькаев

КРАСНОДАРСКАЯ НОСТАЛЬГИЯ:

заметки к истории СРАМ, ФАК и АД

Лично для меня двадцатилетняя «грандиозная суматоха», которая и по сей день терзает меня, началась в 1989 году. Тогда, будучи курсантом второго курса одного из высших военных училищ в Киеве (!!!), мне попался номер «Аргументов и фактов», в котором была опубликована небольшая заметка о создании оппозиционной КПСС Конфедерации Анархо-Синдикалистов (КАС) и пара слов о ее принципах. С этого момента мой стихийный юношеский бунт против действительности стал получать идейное обоснование. Начались индивидуальные идейные поиски в направлении контркультурного авангарда, анархизма, «новых левых» и т.п. левацких критиков авторитарной капиталистической цивилизации и официозной культуры.

Почти параллельно этому нами (мною и другими курсантами-хулиганами) на курсе была образована так называемая группа «Уклон», ставящая своей целью «борьбу с диктатом сержантского состава и агитацию курсантских масс за добровольный уход из армии, а следовательно, и за отчисление из училища». В реальности наша борьба выражалась в мелком хулиганстве во время увольнений в город, пьянстве, самовольных отлучек из училища, общем по***зме, ношении длинных волос и ирокезов (!), прилюдном чморении армейской службы, начальства и т.п.

В конце концов, по группе «Уклон» начал работать «особый отдел» и уже было «большой брат» вычислил нас и даже военное командование объявило о существовании некой «подпольной подрывной антисоветской группы» в рядах курсантов, но все члены группы к этому времени уже написали

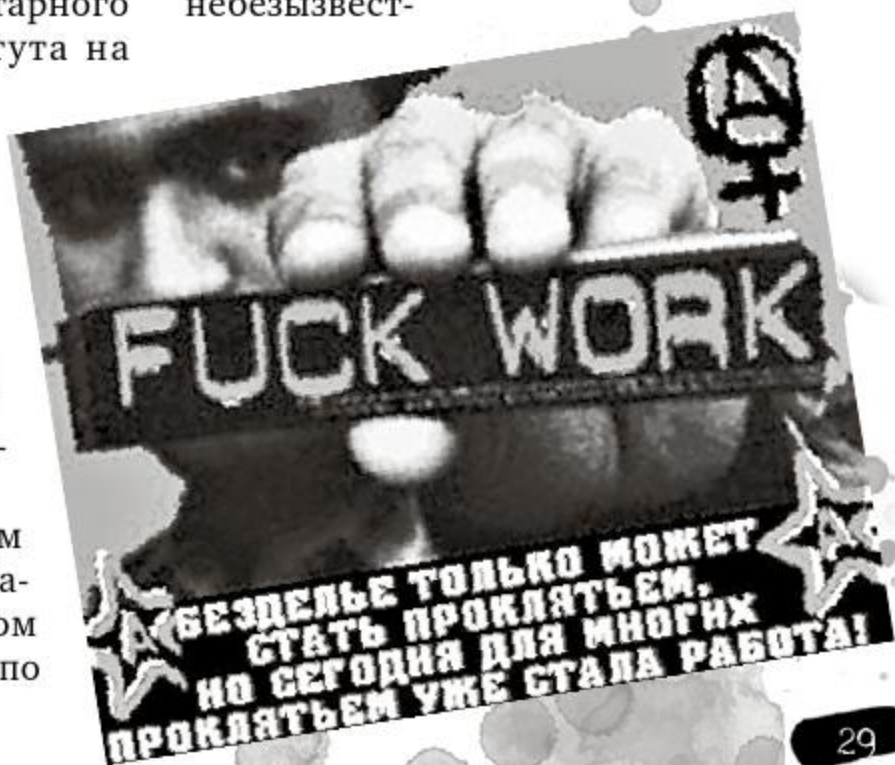
рапорты о добровольном отчислении из училища (один все-таки остался — его папа служил шишкой в Генштабе в Москве и служба сулила ему немало привилегий, впрочем, этот Макс был комсоргом целого курса (200 человек), что не мешало ему быть самым большим распиздяем в нашей банде). Одним словом, члены группы оказались последовательными в своих убеждениях и добровольно покинули ряды репрессивного и авторитарного государственно института на третьем годе обучения. Нас направили в полевые воинские части рядовыми. Однако уже в 1990-м году большинство было демобилизовано. Все разъехались по домам в свои регионы и республики СССР и контакты были потеряны.

Поработав в родном Краснодаре полгода слесарем на хлопчатобумажном комбинате я отправился по

городам и весям в поисках вольной студенческой жизни. По пути оказалась и Москва.

Именно там мне попал в руки первый революционно-анархический самиздат. Это была газетка «Черное Знамя», датированная началом 1990 года. Случилось это во время грандиозной «антикоммунистической» оппозиционной демонстрации в полмиллиона человек. Тогда и столкнулся в реале с членами КАС (Конфедерации Анархо-Синдикалистов) (подробнее об этой довольно умеренной либерально-либертарной организации читайте в последнем «Автономе») и другими анархами на Манежной площади. Именно тогда я впервые мне выпала честь пройти в колонне демонстрантов под черным флагом анархии.

Кстати, эта небольшая, но довольно злая газетка издавалась Анархо-коммунистическим Революционным Союзом в Питере и лидером этого близкого к платформизму Союза был небезызвест-

ный Дима Жвания! Потом, как известно, он подался в троцкисты экзотической тенденции, организовав группку Революционные Пролетарские Ячейки, потом создал еще более экстравагантную «Рабочую борьбу», затем его уже по выбранной им самим траектории занесло даже в лидеры питерских нацболов-хунвейбинов, ну а сейчас он красуется, как известно, в рядах не менее шизофренического ДСПА. Однако я отвлекся.

Не сыскав ничего толком в Москве, я вернулся в Краснодар, разрезал эту газету «Черное Знамя» и стал клеить статьи из нее по трамвайным остановкам. Вскоре в одном из богемных пивняков познакомился с немногочисленными членами КАС-Краснодар, которые были очень умеренными и выступали с демократами в одном антикоммунистическом блоке. Их главной целью был «рыночный федеративный социализм» (но даже об этой «радикальной» цели местные КАСовцы говорили редко, практически основными их требованиями были: переименование Краснодара в Екатеринодар и отмена 6-й статьи советской конституции о правящей роли КПСС). Буквально уже в 1991-м году КАС-Краснодар прекратил свое существование, но к тому времени (еще до поездки по стране) уже с весны 1990 года не без моего участия был создан Союз Радикальной Анархической Молодежи (СРАМ), имевший отделения в Краснодаре и г. Шахты (Ростовская обл).....

Наиболее активную деятельность развернули молодые участники СРАМ в Шахтах (я тогда учился там в институте, но уже с третьего курса в 1992 году вместе с другим активистом был вышвырнут из вуза по сути за попытку организации студенческого профсоюза и..., как говорится, захипповал, посвятив себя полностью либертарному движению). Анархисты из Шахт проводили акции даже в Ростове-на-Дону, свободно печатались в местной прессе, городские политики всегда побаивались нас, боясь нашего влияния на массы студентов. По сути, в небольших Шахтах группа из 25-30 молодых анархов была самым крупным молодежным политическим объединением. Хотя именно студентов вузов было в группе меньшинство. В конце концов, меня и другого активиста Александра Любомищенко выперли из вуза за попытку создания самоуправляемого студенческого союза (хотя предлогом был, конечно, полный завал на экзаменах). В этот же период начинаются опять поездки по стране, участие в съезде АДА в Саратове в 1992-м году и лагере протеста против Сосновоборской АЭС под Питером. Другие времена были...другое настроение и нравы, блин. Угар!

В Краснодаре с активностью было похуже, активисты во многом оказались случайными для движения людьми и к концу 1991 — началу 1992 года краснодарское отделение практически не проявляло никакой активности.

Но ранее, еще в ноябре 1990 (еще существовал СССР) года запомнился эпизод, когда СРАМ и КАС приняли участие в оппозиционной «демократической» демонстрации по центральной улице Краснодара. Навстречу «нашей» «антикоммунистической» колонне двигалась краснознаменная колонна сталинистов. Чуть не произошло столкновение. Менты разделили две колонны и еле удержали толпу с обеих сторон. «Демократы» развернулись и пошли в обратную сторону, анархисты под черными флагами тогда замыкали колонну и, таким образом, оказались впереди всей процессии. Так нас тогда и засняли на видео и фото отечественные и иностранные журналисты: тысячная колонна под черными флагами и впереди СРАМовский транспарант «Там где кончается государство, там начинается Человек!».

На осколках СРАМ в период распада старого а-движения в Краснодаре, после продолжительного периода агитации и тусования (лично я в это время занимался распространением либертарной литературы и агитацией, инициированы были и пара оранжевых акций) среди местных нонконформистов в январе 1995 года, как ответ на начавшую 1-ю войну в Чечне, начала свою деятельность Федерация Анархистов Краснодара (ФАК). ФАК тут же стал выпускать поначалу малоформатную газету-зин «Автоном» (февраль 1995 года). Кстати, многие пункты нынешнего Манифеста АД уже тогда были изложены

как основополагающие принципы ФАК.

Группа была, безусловно, анархистской, но под большим влиянием радикального наследия бунта 1968-года, контркультуры и некоторых идей французских и немецких «новых левых». К началу 1996 года, даже раньше, ФАКраснодара преобразовалась в Федерацию Анархистов Кубани, в которой состояли молодые анархисты из Краснодара, Сочи, Армавира, Белореченска, Новороссийска и Новокубанска. Проводилось немало количество разнообразных демонстраций, акций, культурных мероприятий, съездов. Один из организованных ФАК слетов альтернативистской молодежи на Лунных Полянах собрал более 160 человек. Самым первым анархо-феминистским изданием в стране стал наш листок «Мать порядка» (в ФАК-Краснодар, кстати, анархисток всегда было заметно больше, чем анархистов). Были попытки активного участия и в рабочем движении в духе рев. синдикализма (газета «Мертвый труд»), но самого рабочего движения так и не возникло. По моим сведениям мы в Краснодаре одними из первых в СНГ применили тактику боевого «антифа» и стали пропагандировать эту движуху в «Автономе». Не раз мы уже с 1996-1997-го года делали успешные короткие броски на еще малочисленных тогда бонов, была и более крупная стычка с РНЕ после первомайских демонстраций. На наши демо тогда собиралось до 50

человек, а однажды в Новороссе аж 70 (правда, менты превентивно тогда задержали большую часть на вписках). Такой «массовостью» в те годы в стране мало кто мог похвастать.

В 1997-м году состоялась также поездка в гости к немецким автономам, и затем глупость и нелепая случайность привела к 1-му «Краснодарскому делу», обыскам, допросам, изъятиям компьютеров и литературы, прессу ФСБ. В стране появились первые «анархи»-политзеки.... К концу 1998-го года развитие движения на местном региональном уровне становится уже недостаточным. Приходит понимание необходимости нового межрегионального объединения, «Автоном» уже тогда довольно широко распространялся по стране от Бреста до Владивостока и достиг тиража в 2 тысячи экземпляров. К его редакции подключаются и активисты из других регионов. Но он формально в этот момент еще остается органом Федерации Анархистов Кубани.

Кстати, на протяжении всего времени существования ФАК в крае мы так и не нашли ни одной радикальной группы левацкой или либертарной направленности. Мы собрали всех, кого можно было (конечно, главным образом, среди тусовочной молодежи). Нет, все-таки был один человек и есть до сих пор — Юра К., марксист, член Марксистской Рабочей Партии. Я был с ним знаком еще со времен, когда он был сталинистом. Сейчас МРП — это

небольшой антиавангардистский марксистский кружок с довольно классической идеологией, совмещающий в себе идеи коммунистов рабочих советов, пособничество тред-юнионизму и элементы идеологии исторического меньшевизма. МРП выпускает газету «Левый поворот», которая как раз печатается и верстается в Краснодаре.

Во время расцвета ФАК время было бурное, власти позволяли заметно больше, чем сегодня, настроение было приподнятое и «угарное». Запомнился, например, легендарный бунт краснодарских студентов, когда тысячная толпа, после отмены бесплатного проезда в городском транспорте, вышла из-под контроля профкомычей, перекрыла центр города, раскачивала трамваи и троллейбусы (вроде один перевернули) и била стекла. В свое время ФАКовцы одни из первых стали практиковать боевое антифа именно в той стилистике, которая существует сейчас. Затем это нашло свое отражение в специальном и постоянном разделе «Автонома» (когда его редакция стала межрегиональной).

Итак, в стране появляются люди, которые пришли примерно к тем же выводам, что и краснодарцы насчет необходимости объединения радикально левых антиавторитарных и антикапиталистических активистов в межрегиональную структуру. Идея была проста: радикальность действия и стилистика западного автономизма, но при

условии более четкой организации и твердой либертарно-коммунистической программной ориентации. Такие люди заявляют о себе в Москве (Саша Л., который уже к тому времени плотно сотрудничал с «Автономом», и группа «Дикобраз») и Нижнем Новгороде (Нижегородская Анархо-Группа).

К концу 1999-го в 2000-м оформляется идея СРД (Социального Революционного Движения). Проект долго, долго утрясался, обсуждался, подключались активисты из других городов. И на одной из конференций СРД в Южной Озереевке под Новороссийском появляется и название «Автономное Действие», кстати, на равных с этим названием соперничало тогда «Автономное Сопротивление», но последнее не прошло при голосовании. И только много позже дело дошло до учредительного съезда новоиспеченной федерации либертарных коммунистов.

К 2002-2003 году растет численность АД в целом и Краснодарской группы в частности, на наши собрания приходят до полусотни человек. Издаётся внутренний бюллетень «А4». Появляются и союзники. От полунезависимого комсомола откалывается группа «Восход», которая заявляет о себе как о коммунистах рабочих советов. АД-Краснодар, группа «Восход» и несколько внегрупповых либертарианцев вместе выступают на демонстрациях,

АВТОНОМНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Мы выступаем за:
общество,
основанное
на принципах
Свободы,
Солидарности,
Самоуправления
и Гармонии
с природой.

Мы ведем борьбу против:
бюрократии
и капитализма,
национализма
и фашистов,
военщины
и поповников,
нищеты
повседневной жизни

Держи контакт: 350001, Краснодар, а\я 3472.
E-mail: Fak-Kr@mail.ru, <http://avtonom-zine.nm.ru>

организуют лагерь под Горячим ключом, выпускают номер совместной газеты «Цепная реакция», появляется сайт. Но через время «Восход» разваливается и анархи опять остаются в одиночестве. Затем с 2004 году — новая волна репрессий, уголовные дела, попадания в тюрьмы (об этом времени уже более или менее известно)...

С 2006 года в Краснодаре начинается упадок, отток людей, расколы, появление других автономных проектов, к сожалению, больше субкультурных (ФНБ, антифа, экологи), нерегулярно выходит неоднозначная анархо-газетка «Сопротивление», издаваемая сперва бывшим адешником. Нарастает разочарование в старой стратегии и тактики.

Сейчас в Краснодаре все довольно уныло... Группы АД на сегодня в этом городе нет. Формально существуют: малочисленная Группа либертарных коммунистов (бывшие участники АД, либертарный марксист и др), МРП в составе одного человека, вяло проявляющая себя АНТИФА (там тоже есть бывшие адешники), проэкологическая тусовка, выступающая в роли «массовой» поддержки и «радикального» крыла эко-НПО, вроде еще есть туса хардкор-ФНБ. Появилась и анархистская молодежная группа, некоторые ее члены проявляли желание возродить АД-Краснодар (участвуют в Первомайских шествиях, антифа и т.п.). Однако в

самое последнее время мне как-то особо не слышно про ее активную деятельность.

Вот такая ностальгическая историческая справка...

P.S.: Может будет интересно. Вот как сложилась судьба матерей и отцов-основателей ФАК. «Крутой» товарищ Баррикада (Алена), к примеру, закончила она совсем не по радикально-феминистски. Вышла замуж за «нормального» парня, сперва жила где-то на Урале или на Севере, но уже долгое время вроде обитает в Питере. Никаких контактов у меня с ней нет. Одно время она поддерживала контакты с Искрой. Товарищ Искра познакомилась в свою очередь с правым польским анархистом-экологом, другом Стаса Маркелова, и эмигрировала в Польшу, живет в Силезии в шахтерском пролетарском городе. Время от времени она приезжает в Краснодар и мы приятно общаемся. Товарищ Танчик села в свое время на наркоту, получила условный срок за это. Но потом вроде завязала... сейчас не контактируем совсем. Товарищ Пулька отошла раньше всех... решила посвятить свое свободное время налаживанию неудачной личной жизни. Вот такие дела. Из пятерых «отцов и матерей» основателей ФАК остался я один. Еще один «отец», кстати, эмигрировал в Израиль и по слухам продолжал там анархическую деятельность.

Митя

Далее приложение для любопытных: текст из раннего «Автонома», который может в той или иной степени характеризовать настроение и поиски краснодарских либертарианцев времен ФАК.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ КОНТРПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Ради всего святого, Глупого детского и смешного Раскрасься, Жизнь, так, Чтоб и на жизнь и на смерть! (Алексмух, авг.95)

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

Почему настолько бесплодными оказываются политические акции российских радикалов? Почему многочисленные и могущественные народные движения протеста распались на мелкие кусочки, оставляя только облако неясных воспоминаний? Почему после Великих Бунтов прошлого и настоящего мир почти не изменился? Отчего он все также черств, абсурден и античеловечен?

Один из ответов состоит в том, что революционеры почти никогда не придавали значение повседневности. А ведь именно здесь корни всей Системы, здесь ее сердце, отсюда она черпает свои силы. Именно в море повседневного бытия плывет наша жизнь — механическое, отчужденное, рабское, конформистское существование. Мелкобуржуазный спальный гарнитур, который «обычный человек» покупает, как только у него появляются средства (даже при всей своей революционности в других отношениях), последующее угнетение жены дома (возможно, даже на этом гарнитуре) даже если он — анархист, «приличный» выходной костюм; умение лизать задницу начальнику на работе и множество других «банальностей» оказывают несравненно большее влияние при ежедневном повторении, чем тысячи революционных митингов и листовок. Необходимо больше уделять внимания таким мелочам повседневной жизни. Ведь общественная свобода или рабство, прогресс или регресс, в конце-концов, наша жизнь принимает конкретные формы на основе этих «мелочей», а не политических лозунгов, вызывающих лишь временное воодушевление. Именно, среди этих «мелочей» мы найдем пространство для важной и плодотворной работы.

СОЗДАВАТЬ ПРОСТРАНСТВА

Антиавторитарная революция не есть политическая революция. Борьба классов все чаще сменяется глобальным конфликтом между властью и анти властью. Нужно непрерывное восстание на уровне нашего повседневного существования, которое послужит психологической и культурной опорой для изменения экономических и политических форм всего общества. Применяя известный тезис экзистенциализма к полю революционной практики, получим, что только наше повседневное существование позволит наконец-то определиться нашей сущности как революционной.

Великие утописты всегда призывали к производству «планетарного пространства», собственной культурно-бытовой и психологической территории. Мы должны быть погружены в ежедневную атмосферу сопротивления, взаимопомощи, искренности и безвластия, атмосферу неотчужденного бытия. Эта атмосфера должна окружать все аспекты жизненного опыта. Только в ней мы будем черпать силы и поддержку для деятельности за ее пределами. Только здесь мы будем ощущать, что изменения — возможны, Утопия — реальна, борьба — приносит радость, а люди вокруг — твои братья!

В ПУСТОТЕ

Повседневность — вот последнее убежище распадающейся личности конца 20 века. Люди уже давно передоверили почти все свои интересы экспертам, компетентным лицам, главным образом, представителям государства. Сам же обыватель выходит из игры. Его человеческая активность отступила в область повседневности, т.е. обращаясь в рамках политической сферы к людям, к якобы «обществу» — мы не находим никого и эхо наших революционных призывов путешествует по пустому пространству, достигая ушей лишь агентов Системы, т.е. представителей государства и «ответственных лиц». Они смеются в жирные ладошки или пережимают нам горло и ... пиздец!

НАЧАТЬ ЖИТЬ — НАЧАТЬ РЕВОЛЮЦИЮ!

Необходимо вторгнуться в сферу повседневного, вступить в действительное пространство жизни. Революционная контрповседневность — вот самый насыщенный, эффективный и поэтический проект. Надо изучать повседневность. Что, именно, делает человеческую ежедневную жизнь нестерпимой, где здесь прячется Господство? Власть, иерархия и угнетение расплылись в актах повседневности, пронизывают ее, составляют прочную основу институализированного подавления со стороны буржуазно-бюрократической цивилизации. Революция может начаться, иметь свое семя только здесь. И первым ее актом будет создание контрповседневности. Мы должны начать жить так, как нам хотелось бы. И тогда наше сопротивление не надо будет высасывать из пальца, оно будет естественным и спонтанным и столкновение со всем механизмом Системы неминуемо. Революция просто станет фактом нашей жизни. Мы просто будем так жить.

ИСКУССТВО И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

В создании контрповседневности нам особенно поможет искусство. Только для этого оно должно вернуться в лоно повседневности. Спасение самой повседневности, самой гибнущей личности зависит от судьбы искусства. Искусство преобразует ежедневное реально, а не идеально. Искусство давно уже в широком смысле политика, но оно расцветает лишь под ветром абсолютной свободы.

Оно будет создавать не вымыслы, а формировать, «производить» саму Жизнь. Музыка, архитектура, живопись создадут нечто большее, чем декорум и обрамление. В этом — судьба и призвание искусства. Вместо того, чтобы только смотреть или слушать, люди будут Жить!

Контрповседневность — это превращение межличностных отношений — в эротические, жизни — в спонтанный творческий акт, а окружающего пространства — в художественный факт.

ЭКСТАЗ И РЕАЛЬНОСТЬ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ

То, чем может стать наша контрповседневность, наша ежедневная жизнь свидетельствует экстаз, ощущаемый людьми в моменты Праздника Протеста. Этот экстаз — есть факт того, что у людей состоялось высвобождение «революционных потенциалов», сдерживаемых дотеле отчужденным повседневным существованием. Здесь важно, что бунт состоялся, что в этот отчужденный мир ударила молния неотчужденного коллективного порыва, состоялся прорыв в контрповседневность, в ту культурно-психологическую и бытовую почву будущей Социальной Революции.

Но самым первым шагом в формировании контрповседневности должен стать ОТКАЗ от иллюзорной удовлетворенности, которая всегда приводит к той или иной форме фашизма. Мы должны добиваться РЕАЛЬНОГО удовлетворения наших повседневных Желаний и Чаяний и нести ответственность за это удовлетворение. Уход от реального воплощения в пустой эпатаж, мистицизм, религию, чистое искусство или формализованное творчество формирует, безусловно, авторитарный и пассивный характер личности. Это не наш путь!

Для достижения Свободы необходима еще и способность к ней. Приобрести же ее можно только в повседневной борьбе за свободное формирование жизни. Но для воплощения этого проекта потребуются такие неконформисты и революционеры, которых так любил Джек Керуак:

«Я люблю сумасшедших, таких, которые бешено хотят Жить, бешено хотят говорить, бешено хотят спастись, которые хотят сразу иметь все, которые никогда не говорят пошлостей, а всегда ГОРЯТ, ГОРЯТ, ГОРЯТ!» («На дороге»)

тов. Кабанос.

ОТ ЛОКАЛЬНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ К ОБЩЕЙ БОРЬБЕ

ПЕРВЫЙ ОПЫТ

В 2008г я устроился фельдшером на станцию скорой помощи города Иваново, с первых же дней влился в трудовой процесс и наслаждался возможностью реализовать свои навыки и, так сказать, раскрыть потенциал. Здесь же необходимо отметить, что на тот момент не чувствовался так остро дефицит кадров, нормы вызовов на бригаду в сутки превышались совсем не ощутимо и путинские доплаты являлись гарантией стабильности.

2009 год ворвался в трудовые будни введением системы оплаты труда, при которой существенно снизилась окладная часть зарплаты. С этого все и началось: цены на товары и услуги продолжали расти, неспешно начался отток квалифицированных кадров, в геометрической прогрессии увеличивалась нагрузка. В курилках и на кухнях росло негодование, началось брожение умов. Мы терпели до сентября 2011, когда уже сформировавшейся инициативной группой был проведен первый митинг работников СП Иваново. К этому времени, нужно добавить, наши зарплаты оставались на уровне 2009, а количество ценных кадров существенно сократилось, при том, что число вызовов продолжало расти уже стабильно вдвое, а часто и втрое превышало норматив, задержки на вызовы составляли до двух часов.

ПОНИМАНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ САМООРГАНИЗАЦИИ

Публичная акция не принесла ожидаемых результатов, если не считать бесполезную проверку и серию репрессивных мер, индивидуальных бесед и прочих прелестей. Сдаваться, тем не менее, вкусившие боевого опыта активисты не собирались, а наоборот пришло понимание, что это был лишь первый шаг в прекрасное далеко и впереди нас ждет еще множество ярких побед и горьких поражений. В итоге мониторинга протестной активности медицинских работников и при активном содействии местных политических и гражданских активистов было принято решение об учреждении первичной профсоюзной организации Межрегионального объединенного рабочего профсоюза «Защита». И уже в рамках организованных коллективных действий был приобретен первый положительный опыт.

Так, благодаря профсоюзу, постоянно проводился правовой ликбез, работникам учреждения объяснялись их права в различных рабочих ситуациях, разъяснялись и обязанности руководителей. Различные рабочие вопросы решались по мере их поступления. Постоянно инициировались проверки из Государственной инспекции труда и прокуратуры. Одним из важных результатов

борьбы явилось увольнение главного врача станции. В ходе профсоюзной борьбы во многом был использован опыт коллег из профсоюза скорой помощи Магнитогорска, описанный В. Левандовским.

ГЛОБАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Спустя нескольких месяцев после ряда искрометных побед ивановской первички, я был незаконно уволен со станции, что в итоге дало новые возможности действовать уже на федеральном уровне. Так, в конце декабря 2012 года активистами от медицинского сообщества из разных городов страны был учрежден новый боевой Межрегиональный профсоюз работников здравоохранения «Действие», четко определивший свои задачи в изменении сложившейся на сегодня критической ситуации в отрасли.

Начал свою деятельность профсоюз с призыва к «итальянской забастовке», который был подхвачен ижевскими ячейками и успешно воплощен на практике. Создан стачечный фонд для поддержки всех текущих и будущих «работ по инструкции». Опыт эффективной борьбы в Ижевске требует отдельного повествования, вы можете ознакомиться с ним на ресурсах «Действия».

20 апреля 2013 года профсоюзом была инициирована и, во многом благодаря активному участию левых политических организаций, а преимущественно «Автономному действию», проведена Всероссийская акция протеста медработников и пациентов «Нет коммерциализации здравоохранения. Вместе за достойную медицину». В акции приняло участие более 20ти регионов страны, во многих медицинских работники приветствовали создание нового профсоюза и выразили готовность вступить в организацию, присоединиться к итальянской забастовке и участию в кампаниях «Действия». Получена возможность взаимодействия с федеральными властями, минуя местных властителей, не заинтересованных в решении проблем в здравоохранении в своих регионах.

Пациентами учреждена межрегиональная общественная организация «Содействие», в задачи которой входит информационная поддержка профсоюза, проведение агит-кампаний и акций, выявление и искоренение зла в отрасли здравоохранения.

В будущем мы надеемся, что участие в профсоюзной борьбе людей, преследующих классовые интересы, вырастет в полноценную инициативу гражданского сопротивления угнетению и эксплуатации. Здравоохранение — это не сфера услуг, а отрасль народного хозяйства!

Эдуард Каляманов

ЧЕСТНЫЕ ВЫБОРЫ, КС И АНАРХИЯ

Я начал писать этот текст, находясь еще на свободе. Тогда мне все казалось все более очевидным, чем сейчас. Теперь я сижу в полутораметровой камере Басманного суда и гадаю, сколько могут навешать мне и остальным «болотных узникам» по экзотической для России статье «массовые беспорядки». Информацией для размышления служат надписи уже осужденных арестантов, которые в большинстве своем представлены наркомамами, бонами и мусульманами. За Русь дают 11 лет, за Аллаха 4,5 и далее по нарастающей, вчерашние тусовщики получают за фен в среднем по 8 лет. Много это или мало, невозможно оценить, ни разу не побывав за решеткой, но я все-таки пока надеюсь, что мне не придется здесь ничего писать.

Путинский режим все больше становится похожим на белорусский. Ответ на любую оппозиционную активность примитивен и всегда один. Но очевидна и обратная тенденция: людей, которые ненавидят этот режим, становится еще больше. Они не объединены ни в какую партию, их протест во многом стихийен, а требования просты и понятны. «Честность выборов» в российских реалиях означает лишь одно — эта власть должна уйти. В основе протестов, и это подтверждается в том числе лояльными Кремлю социологами, лежит ущемленное чувство собственного достоинства на фоне беспредела силовиков, чиновников и второстепенного в вертикали бизнеса. Это не патерналистские социальные требования, а четкое осознание того, что в стране можно жить по-другому, только участвуя и влияя на принятие ключевых для каждого человека политических решений.

Контуры возможного будущего политического проекта не ясны — вопреки расхожему утверждению белоленточный протест не является либеральным. Согласно исследованию НИИ митингов, около 40% участников массовых демонстраций так или иначе ассоциируют себя с левыми, требуют большего политического участия, ориентируются на успешный опыт самоорганизации и не стремятся создавать иерархические структуры. Будущее отечества во многом зависит от того, насколько мы сами готовы все это развивать.

Исходя из такой логики, я принимал решение об участии в выборах в Координационный Совет. Здесь важно отметить несколько моментов. Во-первых, КС не является каким-то парламентом оппозиции, как многие пытались его представить. Это в первую очередь координирующий орган, который должен был заменить непонятно по какому принципу созданный «орг-

комитет митингов». Во-вторых, как мне кажется, была важна сама по себе идея реализации первых выборов на платформе электронной демократии. Например, КС, в случае возникновения неоднозначных решений, должен был выносить вопросы на массовое электронное голосование. Собственно так и было, когда принималось решение о проведении несогласованной с властями акции у Соловецкого камня 15 декабря.

В-третьих, нельзя рассматривать в качестве стоп-факторов для участия в том или ином процессе присутствие в нем политических оппонентов. Анархистское, антифашистское движение было одним из самых массовых до декабря 2011 года. Наши цели так или иначе предполагали содействие массовой мобилизации населения против чекистского режима и было бы странно долгое время работать в этом направлении, а потом от всего отказаться «потому что там Немцов и националисты».

Стратегический выбор был обусловлен еще и опытом участия левых в массовых протестах в Украине 2004 года и в Белоруссии 2006-2010 годов. В Киеве либертарным движением был явно упущен момент, позволяющий перейти на новую ступень развития. Во многом не было ресурсов, но сам процесс либерализации, который последовал после «оранжевой революции», открыл гораздо больше возможностей для движения, чем есть здесь в России. Отсутствие открытой политической полиции, возможность публичной политической деятельности, существенно больший доступ к ресурсам, конечно, способствовал развитию левых, антифашистов, анархистов. А сама по себе антисоциальная и неолиберальная политика формировала запрос на левых и соответствующую повестку.

Ошибка части белорусского либертарного движения заключалась в том, что при совсем очевидных перспективах падения репрессивного режима, они заняли крайне радикальную позицию как в плане риторики,

так и в плане действий. И это в конечном итоге привело к разгрому движения без сколько-нибудь явной его поддержки со стороны населения. Те же, кто принял решение участвовать в протестах наравне с остальными, добились больших успехов. Для многих, скажем так, рядовых оппозиционеров стало очевидно, что совсем нет необходимости во всем ориентироваться на лидеров протеста и что практика низовой самоорганизации менее уязвима для полицейских структур. Удалось наладить производство качественного оппозиционного контента вроде фильма «Гудбай, батя».

Я не утверждаю, что все сказанное — истина в последней инстанции и, конечно, я не знаю всех фактов. Но, как кажется, опыт соседей говорит о том, что участие в протестах «за честные выборы» с точки зрения интересов движения и возможности донести до большего количества людей либертарные практики выглядит перспективным. Не менее важна нацеленность на достижение перемен, а не просто участие ради участия. Здесь консенсус с остальными участниками протеста может быть очень простым и фактически сейчас уже достигнут. Это освобождение политических заключенных, формирование базиса сильного оппозиционного движения на подлинно демократических принципах, требование отделения религии от власти, сворачивавшие деятельности политической полиции и т.д. Достижение этих «либеральных» ценностей открывает шире окно возможностей для либертарного

движения. Мы знаем это после Химок, где обратная ситуация не обещает ничего хорошего.

На пространстве бывшего СНГ ситуация облегчается еще и тем, что в наших странах существуют полностью незанятые ниши левых и умеренно левых групп при явном запросе со стороны населения. С точки зрения тактики появляется возможность выбора того, как позиционировать себя, что крайне важно в условиях «экстремистской истерии» со стороны как власти, так и либеральной части оппозиции. То есть совершенно не обязательно загонять себя в гетто радикальной риторики, особенно если это не сопряжено с осознанными соответствующими действиями.

У каждого движения должна быть своя стратегия с понятными и измеримыми целями. Множество существующих анархистских, левых и антифашистских групп так или иначе объединены общими базовыми ценностями. Совершив тот или иной поступок, мы должны понимать, насколько он соотносится с базовыми ценностями и не вступает в конфликт цели и средств.

Если в результате ваших действий в обществе стало больше свободы, самоорганизации, равенства, настоящей демократии, анархии — значит, вы на правильном пути. Несмотря на то, что я, Степа Зимин, Саша Духанина, Леша Полихович сейчас в тюрьме, я считаю, что все было не зря.

Тяга к свободе крепче всех тюрем!

Алексей Гаскаров

«Студенческое действие» — это независимый профсоюз, созданный самими студентами для студентов. Мы самоорганизовались для того, чтобы РЕАЛЬНО отстаивать интересы студентов и преподавателей в условиях разваливающейся системы образования. Профсоюз уже успешно функционирует в ряде городов России — в Ижевске, Кирове, Омске и Питере. С середины сентября открылась ячейка профсоюза и в Москве. Мы объединяем энергичных неравнодушных людей, занимающих активную жизненную позицию и свободных от расовых, гендерных и всех других предрассудков и не поддерживаем никаких политических партий, что обеспечивает нам абсолютную автономность и независимость. Для того чтобы каждый из нас мог принимать участие в жизни профсоюза и иметь равные условия для самореализации, «Студенческое действие» построено на принципах горизонтального управления, а все решения принимаются путем достижения консенсуса или проведением голосования. Присоединяйся!

Вместе мы отстоим наше право на бесплатное достойное образование! studaction.avtonom.org

Либертарный театр — это сообщество людей, неравнодушных к проблемам окружающего нас общества и выражающих своё отношение в искусстве, распространяя таким образом анархическое видение мира. Мы пишем, переводим и ставим пьесы антикапиталистической, антивоенной и антицерковной направленности, в которых наиболее ярко критикуются пороки системы, основанной на иерархии и неравенстве. Наш коллектив открыт для всех, кто разделяет принципы анархизма. Приходите на наши репетиции и спектакли! vk.com/teatro_libertario

Школа «Ирис-Класс» появилась в Москве в 2012 году. Многие люди с либертарными взглядами на воспитание детей наверняка слышали про Саммерхилл и также наверняка вздыхали «ах, если бы и в России было так же». К сожалению в России также быть не может в силу нашего законодательства, но есть места, кото-

рые стремятся к реализации идей Александра Нила, Марии Монтессори и других гуманных педагогов. Помимо школьных дисциплин, необходимых для аттестации, детям дана возможность развиваться согласно своим интересам. Хотят дети устроить цирковое представление? Пожалуйста, устраивают. Хотят снимать кино? Снимают. Один мальчик грезит экспериментами, ими он и занимается. Поскольку детям необходимо проходить государственную аттестацию, школа не может действовать также, как Саммерхилл, и предоставить детям полную свободу в выборе занятий, но тем не менее, «Ирис-класс» старается сохранить либертарный дух. В школе нет системы оценки учащихся, педагоги могут лишь указать на ошибки. Преподаватель не является непререкаемым авторитетом, он просто более опытный и знающий товарищ, который может помочь, что-то подсказать, объяснить. Классно-урочная система отсутствует. vk.com/irisclass

Группа издателей-анархистов, вооружившись обычным ризо-

графом, развила в последние пару лет огромную активность на ниве книгоиздания. Небольшие — по паре сотен экземпляров — тиражи множества анархических брошюр (переводов, переизданий) стали появляться то на митингах, то в книжных магазинах. Впечатляет разнообразие выпускаемой литературы! Здесь и классика — работы Бакунина, Кропоткина, Малатесты, Махно, Борового, — здесь и исторические работы — Макс Неттлау, Пётр Рябов, Игорь Подшивалов, — и тексты анархистов и либертарианцев XX века — Отто Рюле, Альфредо Бонанно, Кена Нэбба, Ферала Фавна, Андре Горца, Теда Качинского, — здесь и сборники об анархо-повстанчестве, антифашизме, нигилизме, анархическая критика продуктивизма, труда, технократии, статьи греческих анархистов и портреты арестованных белорусских анархистов. Число изданий достигает полусотни. Наконец-то люди в России, заинтересованные изучением либертарной теории и практики, получили столь обширную пищу для размышлений и споров! goodbooks.noblogs.org

ВОЛЬНОЕ СЛОВО ПРОДОЛЖАЕТ ЗВУЧАТЬ НА РОССИЙСКИХ ПРОСТОРАХ

Краткий обзор анархических (либертарных) периодических изданий СНГ за 2009-2012 годы.

В прошлом обзоре анархо-самиздата в 31 номере «Автонома» (в 2009 году) я констатировал, что, при всём росте Интернета и возрастании его роли как «коллективного пропагандиста, организатора и агитатора» для анархического движения, бумажные издания анархистов продолжают выходить (хотя и находятся в некоторой стагнации). Рад вновь сообщить читателю, что и сейчас «слухи о смерти анархических периодических изданий несколько преувеличены». Интернет Интернетом, а газету, журнал (как и книгу) никто, слава Богу, не смог пока отменить и заменить. Журналы стали выходить толще и реже и, не поспевая за новостями дня, переключились на более «вечные» и не сиюминутные темы (в чём вы можете убедиться и на примере «Автонома»), газеты стали более ситуативными и практически заострёнными (издающимися под определённую акцию или специализирующимися на определённых прикладных темах), субкультурные местные зины остались площадкой для обсуждения локальных новостей в тусовке или полем для творческого самовыражения их издателей, — однако самиздат жив! Он выживал в эпоху средневековых рукописей, пережил эпоху Гутенберга и советской цензуры, продолжает развиваться и в эпоху Сети. Он генерирует новые смыслы, консолидирует и информирует движение, несёт идеи в читательские массы и, распространяясь на митингах, в магазинах, на концертах, из рук в руки среди знакомых, привлекает новых людей к вечно юным и новым идеям свободы и солидарности. Помимо периодики выходит ещё много самиздатских анархических брошюр (их издают антифашисты, Анархический Чёрный Крест, издательство «гудбукс» (<http://goodbooks.noblogs.org>)), но это останется за пределами моего рассмотрения. Острый дефицит и нехватка анархической периодики, незаменимой никаким Интернетом, обнаружилась в славные майские дни 2012 года на «Оккупай-Абае», когда сотни людей, приходивших в лагерь оппозиции на Чистых Прудах и попадавших в Информцентр (организованный, в основном, анархистами), жаждали получить какие-то издания (из анархической прессы там были лишь «Автоном» и «Воля», а вот ловкие троцкисты подсустились и завалили жаждущих многочисленными и оперативно изданными газетами, листками и журналами).

За прошедшие три года многие либертарные издания приказали долго жить (одна из причин — усиление репрессий против анархистов со стороны власти, особенно в Беларуси, но и в России; другая — увы, традиционная «текучесть» анархо-среды, где за пару лет обновляется половина активистов и две трети

тусовщиков, и разные начинания загораются и потухают стремительно), но немало появилось и новых. Особенно, по моему ощущению, это характерно для провинциальных городов, где слой активистов очень узок, анархические группы часто состоят из двух-пяти человек, и издание газеты или журнала для них — это хороший способ заявить о своём существовании, расширить рамки субкультурного гетто, найти новых сторонников и поупражняться в творчестве в роли сочинителей, публицистов или художников. Поэтому Москву и Питер, всегда бесспорно лидировавших по числу и тиражам анархической прессы, постепенно теснят провинциальные города (а в Питере регулярный выход анархоизданий, увы, в последний год совсем прекратился).

Анархические издания чрезвычайно разнообразны. По длительности выпуска среди них есть почтенные долгожители, перевалившие за 15-20 лет («Воля», украинская «Анархия», «Прямое действие», «Автоном») и те, которые выходят первым-вторым номером (их большинство). По форме: есть небольшие листки и плакат-газеты (как «Ситуация»), есть субкультурные зины («Тайное писание», «Ёд», «Имхопанг»), есть классические пропагандистские полужурналы-полугазеты (в XIX веке этот формат называли бы «социально-революционное издание») анархических групп («Прямое действие», «Вольная Сибирь», «Воля»), есть тематические издания антифашистов, экологов, Чёрного Креста, есть и довольно толстые (50-120 страниц) полутеоретические журналы («Автоном», «Максималист» и «Либертарная мысль»). Тиражи: от пары десятков экземпляров до пары тысяч, но, чаще всего — несколько сотен. Периодичность выхода — от ежеквартального до ежегодного. Замечу, что с ростом Интернета периодические издания либертарианцев не вымирают, но становятся всё менее и менее периодическими. Общее число либертарных изданий, выходивших в 2009-2012 годах в СНГ — от двадцати до тридцати. Число их постоянных читателей — три-четыре тысячи.

Традиционно должен начать этот обзор с неизбежного извинения: перечень изданий будет явно неполон (далеко не вся анархическая пресса из далёких мест нашей всё ещё бескрайней родины попадает мне в руки, о каких-то изданиях я лишь слышал, из каких-то видел лишь немногие номера), а их описание — более чем лаконично. Ещё, как всегда, попрошу не обижаться тех, кому мои оценки покажутся чересчур субъективными и недостаточно хвалебными. И всё же, надеюсь, основные тенденции анархической периодики СНГ за последние четыре года здесь будут более или менее отражены.

ИЗДАНИЯ «АВТОНОМНОГО ДЕЙСТВИЯ»

Издавания «Автономного Действия» можно разделить на две группы: общефедеральные и местные. К первым кроме «Автонома» относится газета «Ситуация», которая в эти последние годы существенно изменилась. Она перестала выходить как регулярное издание «обо всём» и стала тематическим целевым боевым листком, издаваемым к конкретным акциям (первомайским шествиям, большим оппозиционным митингам), занимающим один большой лист, почти полностью посвящённым одной теме (например, № 27 (2010) посвящён проблеме «нелегальной миграции», № 29 (2010) посвящён сопротивлению и саботажу работников на рабочих местах, а № 36 (2011) посвящён критике вождей «белоленточной оппозиции») и распространяемым бесплатно. Трудно судить, насколько эффективно попадают материалы «Ситуации» по адресу предполагаемой целевой аудитории. Однако они дают полезные советы, выражают —

более оперативно, чем «Автоном» — позицию АД по насущным вопросам и помогают людям, ничего (по крайней мере, ничего хорошего и адекватного) не знающим об анархизме и анархистах — расширить свой кругозор и преодолеть одиозные стереотипы на сей счёт. За 2009-2012 годы вышли номера 27-37 «Ситуации».

Из местных изданий групп АД следует назвать «ПетроградЕц», к большому сожалению, прекративший свой выход в городе на Неве после десятка неплохих номеров, владивостокскую активистскую газету «УдАр», также ушедшую в небытие (вместе с группой местных автономов) — избранные антифашистские статьи из неё были затем изданы отдельной брошюрой, и ещё один журнал — казанской группы АД (к сожалению, я не знаю его точного названия, но слышал только, что он, кажется, вышел единственным номером и опочил — также вместе с группой АД-Казань). Но многие другие группы «Автономного Действия», участвуя — более или менее активно — в издании, распространении и поддержке федеральных проектов (сайта АД, «Автонома» и «Ситуации»), которые не слишком много места уделяют местным

новостям и событиям, имеют возможность одновременно издавать собственные локальные органы. Продолжает выходить «Вольная Сибирь» — издание АД Иркутска. Это довольно удачная восьмистраничная газета с историческими, теоретическими, хроникальными материалами. Статьи о проблемах рабочего движения Сибири, экологии Байкала, акциях местных анархистов и антифашистов соседствуют на страницах «Вольной Сибири» с феминистскими материалами, биографией Луизы Мишель и историей «новых левых». Число номеров, по моим сведениям, перевалило за дюжину (что неплохо для анархического издания, выходящего уже более пяти лет). Надеюсь, газета поможет Сибири и в самом деле стать чуть более вольной и сплотит ряды анархистов на её бескрайних просторах!

Особого внимания и восторга заслуживает чудесный журнальчик тюменских автономов — «Ёд», наполненный весёлыми, изящными по форме и либертарными по содержанию текстами и украшенный неподражаемыми картинками. Читать этот журнал приятно, полезно и увлекательно. Он, ненавязчиво и неидеологично распрограммируя сознание читателя, рассказывает о неформалах, субкультурах, революционной поэзии, идиотизме власти — местной и центральной, о глупостях пресловутого «Центра Э» и многом другом, столь же забавном и поучительном. Несколько номеров часто выходящего «Ёда», попавшие мне в руки во время поездки в январе 2010 года по Сибири с анархическими лекциями, доставили автору обзора несколько радостных часов. Жаль только, что этот милый журнальчик издаётся небольшим тиражом и вряд ли широко читается за пределами Тюмени. Ведь нашим изданиям зачастую не хватает этой человечности, непринуждённости и умения «несерьёзно» говорить о всякой всячине.

Ещё один субкультурный зин выходит в Челябинске и издаётся местной анархической группой, вошедшей с 2011 года в «Автономное Действие». Я видел только один номер (№ 5 за апрель 2011 года), привезённый челябинскими товарищами на съезд АД в Питер в августе 2011 года. Стихи, картинки, размышления о книгах, об ужасах капитализма и путях сопротивления ему, о французском анархисте-режиссёре Армане Гатти и т. д. Выходит ли челябинский журнальчик АД до сих пор? Хотелось бы верить. Разнообразие, творчество, самовыражение, площадка для свободной мысли и художественных экспериментов — таковы те ценности, которые воплощают подобные издания, и названный журнал — из числа довольно удачных.

УКРАИНА И БЕЛАРУСЬ

Полной картины по этим республикам у меня нет. В Беларуси череда репрессий против анархистов (и всякой иной оппозиции), бросившая наших товарищей в застенки и загнавшая других в эмиграцию или полуподполье, кажется, почти парализовала либертарный самиздат, некогда столь многочисленный, живой, артистически изощрённый и разнообразный.

Мне попался в руки лишь довольно симпатичный брестский журнальчик «А-party-Я» (№ 7, 2008-2010). Здесь статьи о белорусских народниках, краковских анархистах, Кафке и анархизме, обзор музыки и книг, описание анархических акций в Бресте и автономных пространств в Берлине, материал против АЭС, строящейся в Беларуси. Всё довольно живо написано — доступно и интересно не только «тусовке», но и «просто читателю». Издание двуязычное, но русский язык явно преобладает.

На (в) Украине выходит газета САУ (Союза Анархистов Украины) с историческим названием «Набат» (история, теория, публицистика). Выходит и старинное издание (чьи истоки ещё в середине 1990-х годов), пережившее множество трансформаций и долгих «смертей» — «Анархия». Это издание РКАС (Революционной Конфедерации Анархо-синдикалистов им. Н.И. Махно). По мне, оно слишком «партийное» (не без догматизма), с сильным уклоном в «платформизм», «милитантность» (до мачизма) и самовосхваления, порой чересчур «общелевое» (вплоть до текстов в духе авторитарного социализма), многовато риторики, чересчур громких фраз и чересчур простых подходов к сложным проблемам. Однако издание яркое, довольно информативное, уделяющее много места анархическому просвещению. Приятно и то, что газета приближается к двадцатому номеру (за 18 лет), и то, что многие её номера доходят с Донбасса даже до Москвы и продаются у нас в книжных магазинах.

ПИТЕР И БАЛТИЯ

К 2012 году анархические издания в культурной столице России и колыбели двух революций, увы, заглохли. С долгожителем «Новым светом», выжившим без перерыва два десятилетия, не смогли состязаться все прочие газеты. Внимания заслуживают, однако, «Чёрный Крест» (газета АЧК в Питере, выходившая в 2008-2009 годах — вышло не менее трёх номеров с описанием репрессий, судеб заключённых анархистов и пр.), уже упоминавшийся «ПетроградЕц» и, особенно, замечательная газета

«Без границ». Последнее — «либертарное издание Балтийского региона» — рассказывало об анархистах Питера, Беларуси, Финляндии, Литвы, Латвии и Эстонии (отдавая по одной-две страницы на страну). В 2009-2011 годах вышло около десятка номеров. Интервью с активистами и ветеранами движения, хроника акций, обзоры социальной ситуации в регионе — полезное издание, позволяющее коммуницировать и узнавать друг о друге анархистам разных стран — «без границ». Жаль, очень жаль, что и оно пресеклось. Может быть, временно?

В городе Кёнигсберге, по какому-то недоразумению всё ещё называемому Калининградом, уже давно (лет десять) выходит анархо-панковский журнальчик «Тайное Писание» (последний номер, который я видел — № 20 за март 2009 года). Здесь, помимо местных субкультурных новостей, обзор музыки и книг, статья Стаса Маркелова против патриотизма, статья о забастовках. Издание — при всей субкультурности — довольно умное, живое и оперативно реагирующее на события в мире.

Есть, что почитать, и с чем поспорить. Как и другие локальные зины, журнал удачно сочетает местную проблематику с глобальными проблемами.

МОСКВА

Помимо «Автонома» и «Ситуации» в Москве выходят ещё более полудюжины либертарных изданий.

Панковский «Имхопанг» (вышло не менее трёх номеров) — это на любителя (коим я ни в коей мере не являюсь). Поэтому не могу не упомянуть, но и не могу ничего сказать — на третьей странице закрыл журнал и не нашёл в себе сил читать

далее. Помимо панковско-эзотерических тем есть и общечеловеческие, социальные, даже анархические.

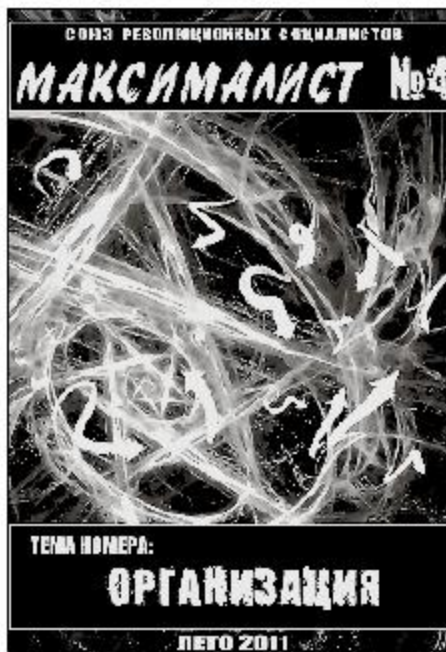
Далее — издания двух ожесточённо враждующих анархо-синдикалистских московских групп МПСТ и КРАС. Газета «Чёрная звезда», отошедшая при расколе МПСТ, давно не выходила (кажется, с 2009 года, достигнув двадцатого номера). А жаль! При всех недостатках (о которых я писал в прошлом обзоре в № 31) такой газеты, всецело обращённой к социальным проблемам и рабочим инициативам, сейчас очень не хватает нашему юному анархизму — ещё чересчур маргинальному, молодёжному и общекультурному и мало социальному по сути.

Дела у оппонентов МПСТ из КРАС на издательском фронте идут если и лучше, то ненамного. Редко-редко выходит их журнал «Прямое действие» (в 2010 году

вышел № 32, наряду с анализом путинского капитализма, украшенный традиционно более сильными историческими и зарубежными материалами — об анархистах в Греции, Испании и даже в Аравии). Попытка издавать свой теоретический журнал «Либертарную мысль» (в 2009-2010) ожидаемо остановилась на трёх номерах: интел-

лектуальные силы одной группки (пусть даже самых «правильных анархо-коммунистов»), располагающей тремя постоянными авторами (пусть даже среди них Вадим Дамье — несомненно, наиболее учёный анархист в современной России, автор двух титанических томов по истории анархо-синдикализма) очевидно недостаточны, и новый «Наперекор» (ведущий теоретический журнал анархистов России в 1996-2002 годах) явно не получился.

Ещё одно — хотя и не анархическое, но тоже «окололибертарное» московское издание, претендующее, как и «Либертарная мысль», на теоретическую фундаментальность и основательность — журнал «Максималист», орган небольшой группы СРС (Союз революционных социалистов). Эта группа занимается по преимуществу не прак-

тической, а теоретической работой, стремясь соединить народнические, марксистские, эсеровские и анархические традиции и развить их применительно к современности. В 2009-2011 годах вышли четыре толстых (по 60-70 страниц большого формата) номера «Максималиста», посвящённые, в частности, «кризису» (№ 2), «преодолению анархизма» (№ 3), «организации» (№ 4). Чтение «Максималиста» оставляет у меня двойственное впечатление. Импонирует серьёзная теоретическая подкованность авторов, перепубликация классических текстов (в частности, деятелей «коммунизма рабочих Советов» и анархистов), стремление к серьёзному анализу ситуации и теоретическому синтезу различных революционных традиций. Однако марксистский догматический дискурс явно доминирует и — отталкивает своей безапелляционностью, навешиванием ярлыков, уверенностью во владении последней исти-

ной, сциентизмом и материализмом, нетерпимостью к инакомыслию.

Ещё из московских анархоизданий заслуживает упоминания «Куб» (катализатор умственного брожения) — газета для студентов и про студенческую жизнь и сопротивление (прямой наследник «Еретика») — в 2009 году вышли три номера и... заглохли. Также надо назвать различные антифашистские издания (но не всегда при этом анархистские, и впадающие то в сталинистскую идеализацию «великой отечественной войны», то в либеральные апелляции к властям, то в «патриотический антифашизм»): «Антифашистское сопротивление», «Арафатка», «Антифашист» и другие, а также листок Международного Союза Анархистов (МСА) «Голос свободы» (вышло не менее пяти номеров с краткими просветительскими, историческими и публицистическими статьями).

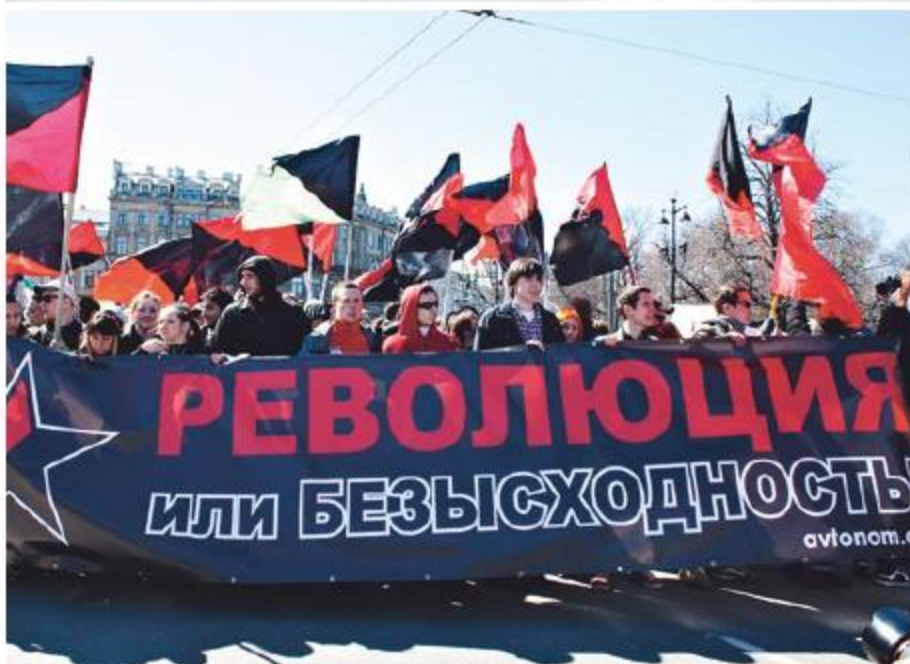
Особо следует похвалить газету «Воля», издаваемую ветераном московского анархизма Владленом Тупикиным (в строю с 1986 года) со своими товарищами. «Воля», как и Влад, — издание почтенное: в 1989 году начиналась как газета КАС (Конфедерации анархо-синдикалистов), затем стала «международной анархической газетой». В связи с зимними событиями 2011-2012 года Влад возобновил частый выпуск «Воли» (умудряясь титаническими усилиями делать новый номер к каждой новой большой демонстрации!) и переименовал её в «газету свободомыслящих людей» (что надо понимать не столько как отказ от анархизма, сколько как расширение плюрализма мнений, аудитории и авторов газеты). «Воля», по-моему, сильно изменилась к лучшему: за год вышло 7 (семь!) номеров газеты, появился неплохой художник, украсивший «Волю» комиксами и обложками, материалы её разнообразны, живые и актуальные, анархические по сути, но интересные не только анархистам. «Воля» оперативно реагирует на происходящее, ставит новые вопросы, ищет выход на новых людей, пришедших в общественное движение в последнее время. У неё есть чему поучиться и другим либертарным изданиям. Пример «Воли» показывает как жизненность и живучесть анархической периодики, так и некоторые возможные направления и перспективы её развития. На этой высокой и благодарной ноте во славу моего старого товарища — выдающегося знатока и практика анархического самиздата Влада Тупикина — я и хочу завершить свой обзор этого самого самиздата. Надеюсь, он не будет последним. Ждите продолжения.

Пётр Рябов

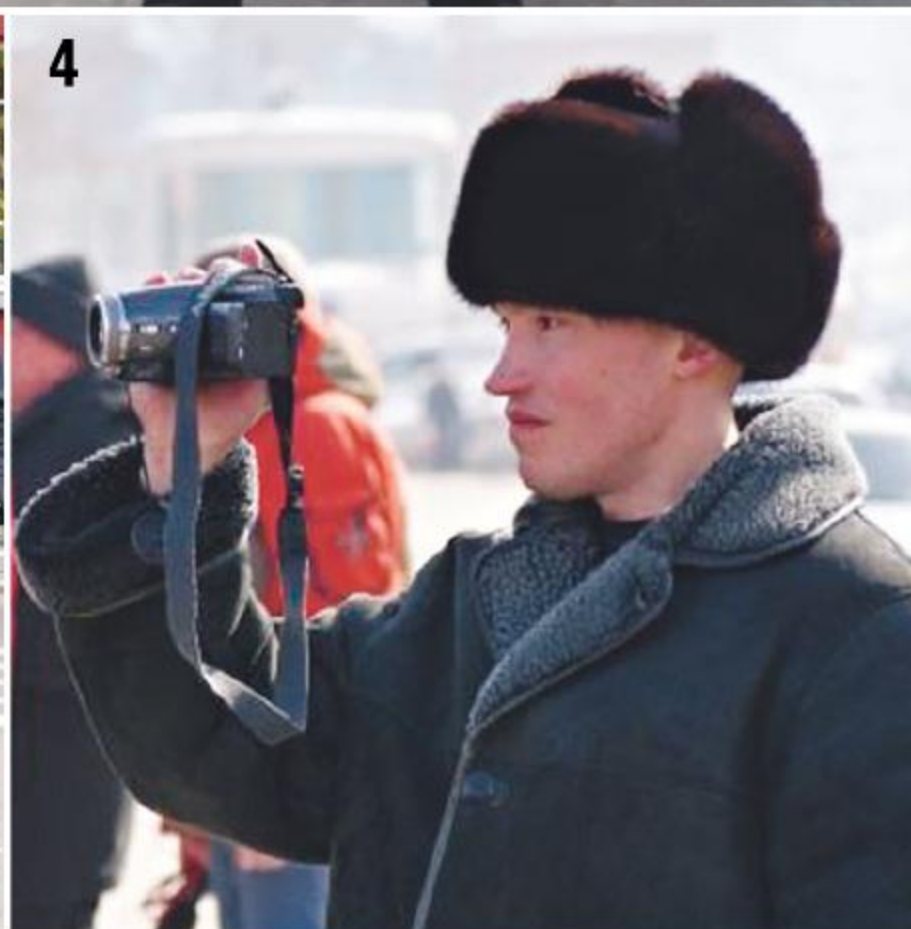
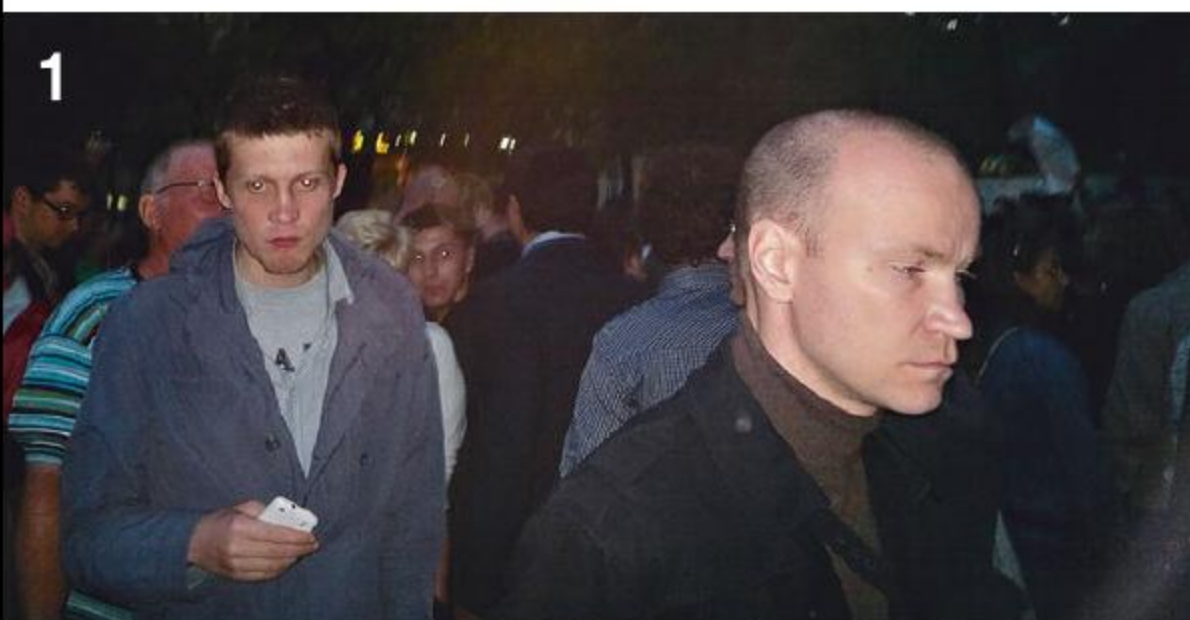
Анархисты на шествиях оппозиции (2013 г.)

Весь год продолжались шествия и митинги оппозиции — «Марш против подлецов», Первомайское шествие, митинг на Болотной 6 мая, демонстрации в защиту политзаключенных. В Москве и других городах. Во всех демонстрациях (конечно, кроме предвыборных митингов Навального) анархисты принимали деятельное участие, но всегда выходили со своей повесткой и своими лозунгами.

Эшники и ФСБ-шники

Продолжаем знакомить читателя «Автонома» с сотрудниками центра «Э» и ФСБ, шпионящими за анархистами. (1) — на фото справа. Имя неизвестно, из среднего руководящего состава ФСБ-шников, отслеживающих нашу деятельность. (2) — капитан центра «Э» в Барнауле Булатов Денис. Вряд ли эта стена — единственная в Барнауле, так что без символизма здесь не обошлось. (3) — Никифоров Константин Сергеевич (крайний справа), Мальцев Вячеслав Сергеевич (второй справа) и другие сотрудники Барнаульского центра «Э». (4) — Дорофеев Дмитрий Евгеньевич, сотрудник Барнаульского центра «Э». По крайней мере несколько лет назад, Никифоров «курировал анархистов и антифашистов». Дорофеев же известен неоднократными вручениями «псевдоповесток» (без номеров дел, дат, описания статуса и т.п.) на «беседы» с ментами.

Кампания Propiske.Net

Депутаты приготовили очередной подарочек и хотят вернуть крепостное право: обязать всех граждан страны регистрироваться по месту пребывания. Жить в квартире, где ты не зарегистрирован, будет просто-напросто запрещено. Общественная кампания Propiske.Net, организованная в первую очередь анархистами, смогла донести эту мысль до граждан, ужаснувшихся законодательскому бреду. В результате рассмотрение законопроекта перенесли, пообещав убрать все спорные формулировки. Посмотрим, набут ли опять.

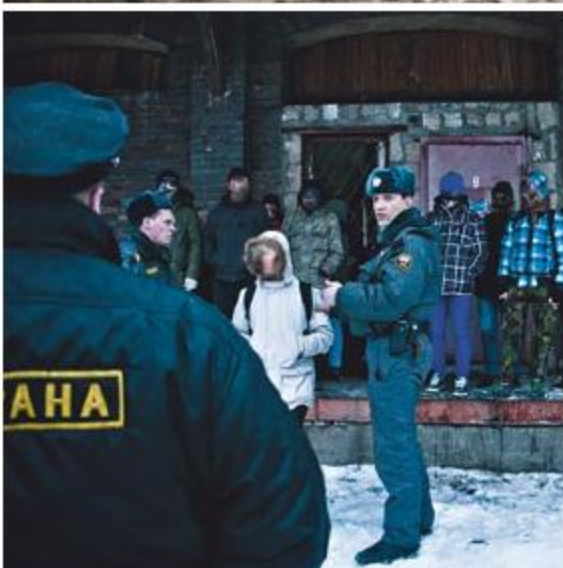

Весна
молодежное движение

Защита Пакгауза и демонстрация 8 марта

В Петербурге анархисты и радикальные градозащитники засквозировали пакгауз Варшавского вокзала — историческое здание, которое капиталисты решили снести. Защита пакгауза окончилась жестоким штурмом ОМОНа и уголовным делом против панка Дениса Левкина, который якобы ломом выбил омоновцу зубы. В Москве мирный феминистский митинг 8 марта закончился массовыми задержаниями — мусорам не понравился черный флаг с лозунгом «Свобода или смерть». Против либеральной феминистки Авроры Брызгиной, якобы пнувшей полицейского в пах, возбудили дело. Брызгина бежала в Европу».

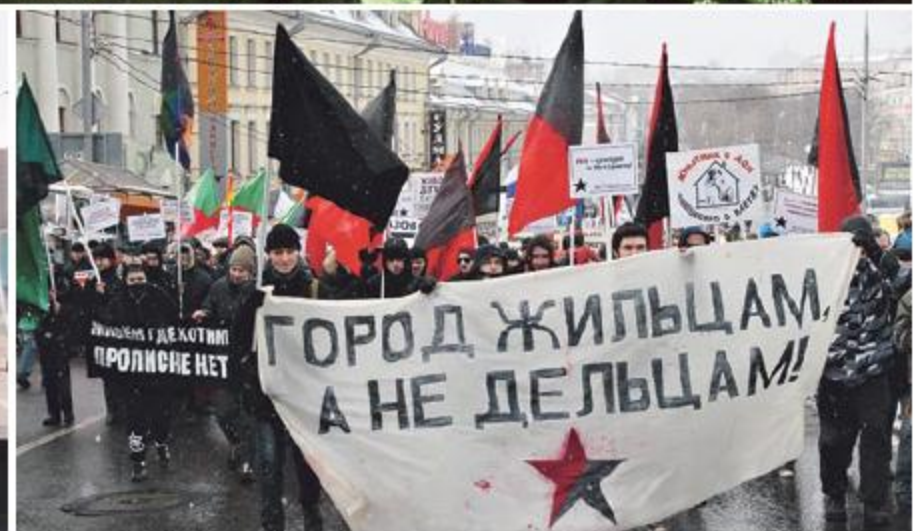
Не сдавайся!

Антифашисты и анархисты всё увереннее чувствуют себя в спортивных единоборствах. С начала года турниры «Не сдавайся» уже прошли в Москве, Минске и Воронеже, проводились и локальные миксфайт-соревнования: «Пришел, увидел, победил» (Украина), «Брестская крепость» и «Antifascist Impact» (Беларусь). Антифашисты Роман «Хирург» Мироненко и Виталий Гурков продолжают серьезную профессиональную карьеру.

Защита общежитий

Анархисты и социальные активисты защищали жителей общежитий «Красная Работница» на Бауманской улице и «Мосшелк» в Большом Савинском переулке — нарушая все законы, владельцы зданий пытались выкинуть людей, а на их месте возвести сверкающие офисы. Защита жителей приводила к конфликтам с оборзевшим ЧОПом. 19 января 2013 года наглые чоповцы, закрывая вход в «Мосшелк», напали на активистов, пришедших в гости к жителям. ЧОП поплатился за дерзость, но репрессивные органы задержали двух непричастных — Грачью Погосова и Игоря Полозенко — и теперь собираются их судить. Жильцы общежитий пока держатся, но в будущее не верят

Ижевские медики и акции солидарности

«В 2013 году ижевские медики объявили забастовку с требованием увеличить размер зарплаты, на которой власти решили сэкономить. Бастовали успешно: так, что губернатор Удмуртии Волков даже призвал органы ФСБ «разобраться с протестующими». 20 апреля по всей стране прошла акция «За достойную медицину!», организованная профсоюзом «Действие» и местным «Автономным действием». Инициативу ижевских товарищей поддержали медики и анархисты по всей стране»

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ПРОФСОЮЗ
МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

ДЕЙСТВИЕ

ЛИБКОМ-2013

В мае 75 анархистов приняли участие во втором фестивале «Либком», проходившем в подмосковном лесу. Мини-курс военно-спортивной подготовки сочетался с теоретическими лекциями и, конечно же, оставалось время для установления товарищеских связей для дальнейшего сопротивления власти и капиталу.

МОЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ, ИЛИ КАК Я СТАЛ АНАРХИСТОМ

Интерес к политике у меня проявился довольно рано. Помню, как слушал разговоры родителей о выборах 1996 года, Ельцине, коммунистах, хотя мои родители (оба рабочие — отец всю жизнь проработал водителем, а мама — швеей) никогда не состояли ни в каких политических партиях или движениях (в том числе и в КПСС), и их разговоры на эту тему носили довольно обывательский характер. Но в то время даже эти разговоры меня привлекали больше, чем, скажем, мультики или кино.

Я много размышлял, почему я оказался в стане левых, сначала в Авангарде Красной Молодежи (АКМ), потом в «Автономном Действии» (АД). И пришел постепенно к выводу, что дело заключалось всего в двух факторах: ненависти к капитализму и желании изменить мир, сделать его справедливым и счастливым для всех.

Первый фактор проявился, когда я начал работать. Из-за проблем с деньгами в моей семье (я жил с мамой и бабушкой, отец ушел в другую семью) мне прихо-

дилось летом подрабатывать. За время обучения в школе я успел поработать и сторожем, и дворником, и фальцовщиком в типографии. Это оказало на меня определенное влияние, я стал понимать ценность самого неквалифицированного труда, ценность денег и их заработка, разницу в отношениях между простыми рабочими и их начальством.

Другим фактором стал мой самый любимый предмет из всего школьного курса — история. В учебниках и книгах по этой дисциплине я нашел, то о чем думал и мечтал. Я понял, что не одинок в своих мыслях о справедливости, равенстве и счастье для всех людей, независимо от их происхождения, пола, цвета кожи и т.д. Что люди, имеющие схожие со мной взгляды, уже жили и действовали в различных странах и в разные эпохи.

Беспокоили меня и повседневные вопросы: почему существуют богатые и бедные, почему разница между ними постоянно увеличивается, почему находящиеся у власти люди ничего не

предпринимают? Почему среди задавленных безденежьем и бесправием людей существует лишь тупая покорность, перемежающаяся временами с роптанием, и полное отсутствие сопротивления? Именно на этой почве в моей голове поселилось желание начать действовать, менять существующую реальность. Моим кредо становится выражение: «Если не я, то кто?».

Я слушал ностальгические воспоминания моих родственников, знакомых, тех, кто был старше меня и успел пожить при «развитом социализме», о беззаботной юности, о всеобъемлющей защите государства, о копеечных ценах на продукты питания, квартплату, поездках на море и многом другом. Они приводили меня к мысли о том, что, наверное, это было замечательное время. Отсюда, скорее всего, и проявилось мое желание вернуть все это — я буквально зарубился по Советскому Союзу. Это желание развил и подогрел во мне АКМ, на сайт которого я наткнулся в 2006 году. Узнав, что в моем городе уже действует отделе-

ние АКМ, я решил присоединиться к организации.

К тому времени «Авангард» в Тюмени существовал всего около года. Меня приняли приветливо и, как самого молодого участника городской ячейки, стали опекать. Я участвовал в ряде акций прямого действия, ходил на пикеты и митинги. Видя мой интерес и огромное количество вопросов, которое я задавал, партийцы охотно делились со мной книгами и за довольно короткий срок я прочел массу литературы о Сталине, революции 1917 года, мировом рабочем движении. Все эти книги были написаны с большевистских позиций, порой я сомневался в ряде утверждений, приводимых фактах и причинах. Но при этом я оправдывал репрессии Сталина, ненавидел Горбачева, клеймил его как оппортуниста и предателя Родины — СССР, наравне со своими товарищами.

Возможно, я так навсегда бы и остался верен этим идеалам, если бы не поступил на исторический факультет. За четыре года обучения я научился разбираться в источниках, критически осмысливать все, что прочитывал, сомневаться, проверять и перепроверять те факты, которые до этого казались незыблемыми. Все яснее и яснее становилось, что мои товарищи увязают в догматизме, бездумно цитируют Маркса и Ленина, не осознавая того, что капитализм активно видоизменяется с течением времени, приспосабливается к окружающим условиям, особенно после кризисов, а, следовательно, многие постулаты марксизма устаревают, блекнут и не являются столь же актуальными, как сто лет назад.

Наше движение стало замыкаться само в себе. Мои бывшие товарищи не хотели заниматься привлечением новых людей, не хотели тратить свое время на собрания. Они приходили на них с желанием решить какой-нибудь мелкий вопрос о митинге или пикете и с чувством выполненного долга

побыстрее сбежать домой. Порой собрания вообще срывались из-за пьянства ряда участников.

Размышляя над тем, что конкретно мы можем предложить людям, я порой заходил в тупик. Не устраивала меня и «программа будущего» — или лучше ее назвать «программой прошлого». Товарищи говорили о возвращении колхозов, о великолепной эффективности плановой экономики советского образца, о том, что Советский Союз развалился не из-за падения цен на мировом рынке энергоресурсов, не из-за ряда национальных конфликтов, которые расцвели буйным цветом ещё в 80-е годы, не из-за коррупции, которая, как и сегодня, разъедала госаппарат, а просто из-за предательства переродившейся верхушки КПСС. Мне уже было смешно слушать эти доводы. Ряд моих бывших товарищей мечтали не о власти рабочих, а о том, чтобы их именами назвали улицы и города. Они искренне радовались, получая юбилейные значки к 90-летию комсомола. В их образе я снова увидел маленьких сталиных и брежневых. Поэтому ушел из организации в начале 2011 года. Но при этом я впал в своеобразное оцепенение, из которого меня, как, я думаю, и многих в России, вывели лишь декабрьские протесты 2011 года.

Весь этот фарс и вся эта игра в слуг народа, которых даже невозможно отозвать, если они забудут

свои обещания и потеряют всякое человеческое лицо, были просто противны. Изменить, реформировать эту систему невозможно — это я прекрасно понимал. Единственное управление, на которое я был бы готов согласиться, это прямая демократия без всяких препонов. И как показали последующие события, не у меня одного весь этот цирк вызывал неудовольствие.

После ухода из большевистской организации мне было трудно идентифицировать себя и свои взгляды. Порой мне казалось, что ушел далеко вправо на демократические или даже на либеральные позиции, но вскоре понял, что шел не вправо, а, наоборот, влево. Так однажды на просторах интернета я наткнулся на манифест АД и, прочитав его, понял, что я готов подписаться под каждым словом. Во время чтения манифеста я ещё не был знаком с работами Бакунина и Кропоткина, ещё не изучал Аршинова и Махно, но понял, что именно эти принципы, эти альтернативы, которые предлагал манифест, являются самыми действенными и верными. Дальнейшее мое знакомство с теорией и практикой анархизма не только меня не разочаровало, но и вновь зажгло, уже, казалось бы, потухший очаг сопротивления капитализму, эксплуататорам и угнетателям.

BeLLka

«ЭКСТРЕМИЗМ» ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ: НИКАКИХ УЗНИКОВ И ПАРАШ

Опубликованная в предыдущем, 34, номере «Автонома» статья Валерия Листьева под названием «Экстремизм и тюрьмы после Путина» меня слегка удивила.

Во-первых, удивил подзаголовок «место узников без совести — у параш». Я как-то до сих пор полагал, что либертарные коммунисты не склонны к тюремному сленгу, а уж тем более к тому, чтобы указывать кому-то, что его место в тюрьме.

Но главное, конечно, не подзаголовок, а содержание статьи. Пафос её сводится к тому, что «амнистия всем осужденным по 282 статье — неправильно» (прямая цитата). Обосновывается это тем, что в тюрьмах по подобным статьям сидят в числе прочего всякие правые мрази, которым вроде как так и надо. Причём автор особо подчёркивает, что «так и надо» даже тем из них, кто не совершал никаких насильственных действий, а сидит исключительно за слова. И мне это представляется чудовищной ошибкой.

Да, в мире множество людей, чьи взгляды не совпадают с либертарно-коммунистиче-

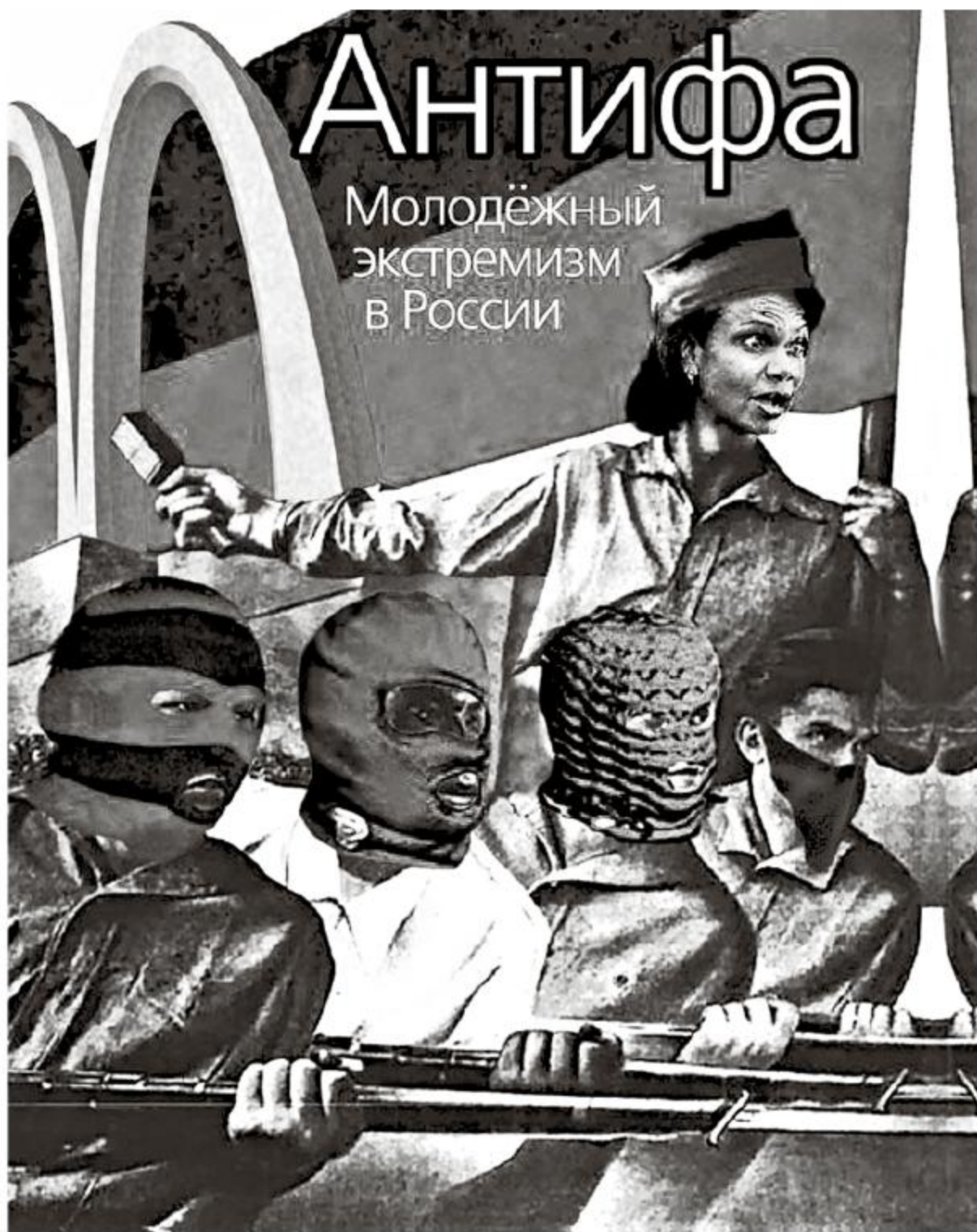
скими. Более того, в мире множество людей, чьи взгляды мне просто отвратительны. Но в нормальном обществе я всегда могу либо вести с этими людьми полемику, либо просто не обращать на них внимания. И анархисты, на мой взгляд, должны стремиться именно к такому обществу цветущего многообразия и постоянного столкновения различных точек зрения. Наш идеал — не ряды во всём согласных друг с другом «трудящихся», выкрашенных в одинаковый цвет (пусть даже самый красно-чёрный из всех красно-чёрных). Наоборот, мы мечтаем о мире, в котором человеческая мысль может свободно развиваться в самых причудливых направлениях, которые никто и никогда не сможет предсказать полностью. И с этим идеалом никак не сочетается предположение о том, что людей нужно сажать в тюрьму только за то, что их слова не понравились каким-то цензорам (пусть даже очень «либертарным»).

Особенно нелепо это выглядит в XXI веке, когда потоки информации вообще практически невозможно централизованно контролировать. Сама сущность

Интернета противостоит цензуре. Как выразился ещё в 1993 году знаменитый шифропанк Джон Гилмор, «Интернет воспринимает цензуру как повреждение и просто строит маршрутизацию вокруг поражённого участка». То есть, фильтровать «говорящих гадости» (это снова цитата из Валерия Листьева), может, и получится, но делать это придётся с использованием таких методов тотального контроля, что Оруэлл нервно курит в уголке. Мы, анархисты, точно хотим тотального контроля над мыслями и словами людей в наших обществах? Хотим поддерживать списки запрещённых сайтов и закрывать книги из библиотек в спецхранах? Мне кажется, нет.

Я бы хотел особо подчеркнуть, что существует принципиальная разница между противодействием конкретным насильственным действиям и наказанием за слова. Когда антифа-панки арматурой защищают свой концерт от нападения фашистов, а потом объединяются с темнокожими мигрантами в борьбе с ультраправым насилием на улицах, то это нормально и естественно. Пока мы не разрушили полностью государство и тюрьмы в принципе, даже можно как-то с середины оправдать длительные сроки заключения для маньяков-убийц и террористов, независимо от их политических убеждений. Действия этих самых маньяков напрямую и непосредственно ограничивают пространство свободы других людей, а то и вообще сводят его (пространство) к нулю, если человек в результате их действий погибает.

Совсем по-другому всё устроено со словами. Любой самый адский текст про белую расу, понаехавших чернокожих жидов с Марса или кого там ещё, сам по себе ничью свободу не ограничивает. Он лишь расширяет

вселенную текстов, созданных человеком. Хороший это текст или плохой, ценный или не очень, дело десятое. Написали — и хорошо. Кто-то вот подобные опусы воспринимает просто как постмодернистскую литературу. И почему бы нет? Никто не заставляет читать, в конце концов.

Обычно в ответ на этот аргумент можно услышать «но ведь неокрепшие умы могут прочитать такое и тут же пойти убивать и насиловать». Ну, во-первых, если общество не смогло представить «неокрепшим умам» никакой более вменяемой альтернативы, то нужно общество менять, а не дополнительные запреты вводить. Во-вторых, логично будет наказывать тех, кто, собственно, убивал и насиловал, а не текстопорождателя, который, возможно, вообще ни сном, ни духом, и совсем не это

имел в виду. В-третьих, как прекрасно показал Энтони Бёрджесс в «Заводном апельсине», желание убивать и насиловать может у человека появиться от всего, чего угодно, включая музыку Иоганна Себастьяна нашего Баха. Запрещать придётся просто всё, вообще любую человеческую мысль, что очевидно бессмысленно.

Если же нам всё-таки кажется, что насилия слишком много именно из-за вербальной пропаганды, то есть неплохое компромиссное решение. Наказывать за слова можно только в случае, когда слова непосредственно, прямо вот сейчас повлекли насилие. Например, один бон крикнул другому «мочи его», непосредственно имея в виду лежащего на земле таджика, а второй бон, соответственно, стал мочить.

Любые же многотомные писа-

ния о том, что белая раса выше и лучше любой другой — это священное право автора на свою личную шизофрению, и наказывать его за это нельзя. Даже если пара малолетних идиотов после прочтения писаний пошла кого-то убивать. Могли бы и что-нибудь другое прочитать, ответственность наступает за конкретные действия, а не за слова или убеждения. Кажется, подобный юридический порядок действует и в нескольких штатах США.

Кстати, о США. В статье Листьева утверждается, что «практически любое общество табуирует некие идеи». И приводятся примеры: «оскорбившему Коран в арабских странах мало не покажется», «в Евросоюзе человека, оправдывающего Гитлера, ждёт тюрьма», «в США ты заработаешь проблемы с законом, если будешь появляться в общественных местах в белом колпаке с прорезями для глаз и жечь кресты». Опять же, мне всегда казалось, что анархисты как раз тем и отличаются, что борются со всеми табу. Напомню, что табу — это именно иррациональный запрет. Например, запрет ездить по городу на машине со скоростью 200 километров в час — это не табу, а вполне рациональный общественный договор. Но идеи несколько отличаются от несущейся по дороге машины.

Ну так вот, аргументация автора в этом месте очень напоминает аргументацию Путина, когда его спрашивают про дело Pussy Riot. ВВП и его прихлебатели отвечают что-то в духе «а вот попробовали бы они в мечети свои пляски поплясать!». Да, в арабских странах можно пострадать за «оскорбление» Корана (хотя как можно «оскорбить» книгу?!). А ещё женщину могут побить камнями за секс до брака, и много прочей дряни. Ну так местные либертарные и околлибертарные активисты против всего этого борются, стараются разломать все эти репрессивные традиции и стереотипы. Они почему-то не оправдывают поло-

жение вещей тем, что «эти табу вытекают из опыта именно этого общества».

Да, в Европе существует уголовное наказание за «отрицание Холокоста». И это очень печально, на мой взгляд, хотя я несколько не сомневаюсь в том, что массовые убийства евреев немецкими фашистами действительно имели место. Но при этом я уверен, что должна существовать свобода любых исследований всего чего угодно и как раз не должно быть никаких табуированных вопросов, ответы на которые якобы определены раз и навсегда. Хочет человек сомневаться в реальности Холокоста — имеет полное право, пусть изучает тему в своё удовольствие. Если он сумасшедший, то серьёзные учёные его всегда переспорят. Но без наличия права голоса у любых «сумасшедших» (или кажущихся таковыми) развитие общества замедляется или вовсе останавливается. Сомневаться нужно во всём и постоянно. Цитируя Джелло Биэфру, 'Don't just question authority — question everything!' («Сомневайся не только во власти — сомневайся во всём»)

Что же касается США, то я несколько не идеализирую эту «последнюю империю», но со свободой слова там всё значительно лучше, чем в других местах. Листьев несколько гиперболизирует насчёт проблем с законом у ку-клукс-клановцев. Пока наци не переходят к насилию, их пропаганда считается равной пропаганде любых других политических партий и движений и подпадает под Первую поправку. Более того, часто таких «теоретических» ультраправых защищают в американских судах не кто иные, как представители ACLU — «Американской Лиги Гражданских Свобод», одной из старейших правозащитных организаций США. Даже не знаю, с чем в современной России сравнить ACLU. Представьте смесь «Агоры», «Мемориала», «Пиратской партии» и Института Верховенства права Стаса Маркелова.

На первый взгляд решение такой организации защищать в суде право фаши на агитацию выглядит бредом. Но затем становится понятно, что это взвешенная и принципиальная позиция, довольно либертарная по сути. Мне кажется уместным её привести здесь почти целиком:

«Мы защищаем все те слои населения Америки, которых лишили их прав, включая цветных, женщин, лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров, заключенных, инвалидов или нацистов — без разницы. Государство пытается насаждать политическую цензуру. Необходимость защиты прав групп, которые страдают от этого, непосредственно следует из Первой Поправки и из самой сущности ACLU — даже если взгляды этих групп непопулярны или противоречат нашим. Если мы не будем бороться за свободу слова, то рискуем оказаться в ситуации, когда государство будет самовольно решать, что можно говорить, а что нельзя».

Лучше и не скажешь, по-моему. Одной свободы слова, конечно, недостаточно для по-настоящему свободного общества. Но она всё же является необходимым его компонентом. И если даже либералы из ACLU сражаются с государством за право людей на распространение информации, то уж тем более анархисты после революции про-

сто обязаны освободить из зон и тюрем тех, кто сидит там исключительно за написанные тексты или сказанные слова. Любой такой человек — узник совести, даже если нам его совесть кажется какой-то шизофренической.

Поэтому не стоит забывать о одном из пунктов минимальных требований «Автономного действия», которые звучали на митингах последний год: «Отмена закона о борьбе с экстремизмом и соответствующих статей Уголовного кодекса». «Соответствующие статьи» — это 280 и 282, «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» и «Возбуждение ненависти либо вражды» (туда же и 282.1 — «Организация экстремистского сообщества»). Отмена этих статей УК означает немедленное освобождение и реабилитацию всех, кто был осужден исключительно по ним, без какой-либо дискриминации по их политическим взглядам. Иначе чем мы будем отличаться от тех, кто придумывал эти статьи и всё «антиэкстремистское законодательство»?

Не должно существовать ни узников, ни параш. И уж точно никакое слово не должно быть преступлением, иначе мы снова займёмся воспроизводством иерархий контроля. Так что «экстремизма нет» и свободу всем, осуждённым по 280 и 282 статьям УК!

Ketzal

ОТВЕТ НА «НИКАКИХ УЗНИКОВ И ПАРАШ»

Написание данной заметки меня подвигла статья «Экстремизм» после революции», которая планируется к выходу в 35-м номере Автонома. Суть данного текста: ультраевые должны выступать против любых приговоров по политическим статьям. Автор апеллирует к фундаментальным либеральным ценностям, установленным и гарантированным западными демократическими государствами Нового времени, в первую очередь, к «свободе слова». Он интерпретирует это учение следующим образом: все имеют право высказывать всё, что им хочется, даже если это кому-то не нравится и вредит. Автор считает такой свой взгляд на права человека вполне «либертарным» и «анархическим». Он одобрительно ссылается на ACLU («Американскую лигу гражданских свобод»), которая занимается правовой защитой геев, трансгендеров, заключенных и т.д., и в числе многих прочих — нацистов. Ему кажется, что в базовые принципы «анархической» и «либертарной» идеи входит такое отношение к идеологическим/политическим противникам: разрешать им распространение своих идей и их пропаганду и даже, как некоторые делают, воспринимать

эти тексты как «постмодернистскую литературу». «Почему бы и нет? И почему бы нет? Никто не заставляет читать, в конце концов».

Я не анархист, а классический социалист, ортодоксальный марксист (т.е. противник большевистской «интерпретации» марксизма) и либертарный коммунист, потому говорить за анархию и анархистов не могу. Скажу о том, как мне видятся эти вопросы с моей позиции либертарного социализма/коммунизма.

Во-первых, ценности либертарного коммунизма действительно полностью включают в себя античное и современное европейское учение о правах человека. Но нужно обратить внимание на то, что самые агрессивные наши противники — нацисты — полностью отрицают «естественные права» человека. Фундамент нацистских и фашистских учений — попрание принципов демократии и прав человека. Это одна из многих наших выигранных позиций: у буржуазных либералов (впрочем как и консерваторов) нет возможности упрекнуть нас в нарушении каких-либо демократических (в широком смысле) принципов — ведь антиавторитарное ультраевое движение основано на этих

принципах, это его основа и суть. Поэтому странно было бы добровольно зачехлять такое мощное оружие, как юридическая ответственность за пропаганду разрушительных и бесчеловечных идеологий. — Левым оно повредить никак не может, а вот для нацистов всегда будет представлять угрозу.

Во-вторых, актуален вопрос о том, распространяется ли действие прав человека на тех, кто стремится их, эти права, уничтожить. Предусматривают ли права человека право отменять и разрушать права человека, или такое намерение в корне противоречит идее естественных прав? Это один из парадоксов демократической идеологии. Если применить один из старых главных принципов демократии — «твоя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого», — и вспомнить, что гарантией свободы являются естественные права, можно предполагать, что распространение человеконенавистнических идей не защищается учением о естественных правах. Права человека первичны, любые посягательства на них должны встречать противодействие. Нет никаких сомнений, что эта идея не входит в противоречие с либертарным коммунизмом.

С более «практической» точки зрения абсурдно давать врагам в руки оружие и дожидаться того, когда они станут достаточно сильными и нападут. Не нужно в ответ приводить в пример Оруэлла — можно посмотреть на социальную пропаганду, которую в наши дни в Германии проводят либеральные и левые организации: например, они распространяют видеоролики и плакаты, в которых призывают обычных людей бойкотировать, презрительно реагировать на появление, не обслуживать в кафе и магазинах неонацистов. Такой общественный контроль есть нечто совершенно противоположное политической практике тоталитаризма.

Г.

ВМЕСТО ЭПИТАФИИ

В конце мая умер старейший русский язычник, Верховный волхв всея Руси Доброслав. Я узнал о его существовании совершенно случайно, когда в 2006 году снимал фильм «Обыкновенный антифашизм». Мы приехали в город Киров, где сложилась уникальная для того времени субкультурная ситуация: антифа там численно превосходили «фа». Проиграв уличное противостояние, лидер местных неонацистов по кличке Фриц решил тогда, видимо, одержать вверх в информационной войне и взял нас с собой в паломничество к своему духовному гуру Доброславу, которого любовно называл «дед».

Деревня, в которой жил язычник, затерялась среди вятских лесов. Покосившиеся заброшенные домики, от многих остался только печной остов, и тот полуразобран на кирпичи. Словом, типичная российская безысходность, если бы не одна деталь: посреди деревни возвышался семиметровый деревянный фаллос. «Дед поставил» — с гордостью сказал Фриц.

Потом появился и сам Доброслав — subtilный мужичок с длинными седыми космами, по-хипповски перехваченными красной тесемкой. Кинув зиги, язычники проорали друг другу: «Слава Яриле!». В избе волхва березовые туески и лукошки соседствовали со свастиками-коловоротами и портретами Гитлера.

Особенность русского язычества в том, что о нем ни черта неизвестно. Наши предки не сохранили свои Эдды, так что простор для импровизаций у неоязыч-

ников огромный. «Дед» поженил в своих работах родное верование с национал-социализмом, заимствовав у Гитлера главным образом антисемитизм — идею банальную, но беспроигрышную. В язычестве он был сторонником фаллического культа. Гигантский деревянный лингам он почтительно называл «хер» и утверждал, что слово «ярило» — того же корня.

В социальном плане Доброслав был «национал-анархистом» — то есть против государства, но за расовую чистоту (как это у него сочеталось с любовью к этатистскому Третьему Рейху, Перун его знает). Правда, в последние годы его взгляды полевели, он заинтересовался Махно и даже написал в журнал «Автоном» дружеское письмо, заканчивавшееся ушкуническим призывом: «Сарынь на кичку!». Вдогонку письму он отправил в редакцию свою книгу «Призрак Кудеяра», воспевающую российских робин гудов, грабив-

ших награбленное, — от Стеньки Разина до Махно. Классовый, а не расовый подход, не мог понравиться его нс-соратникам.

«От огульных проклятий в адрес дворян да богатеев и славословия всем без разбора вождям восставшей черни уже рукой подать до пролетарского интернационализма», — с тревогой писали нациязычники, не обнаружив в книге привычного жидоедства.

В ту единственную встречу с Доброславом он прочел нам на камеру лекцию об ужасах «иудохристианства», после чего мы отправились восвояси. Я был благодарен Фрицу — «дед» оказался колоритным и в меру отмороженным фриком, а по моему профессиональному опыту фрики в разумных количествах — необходимый ингредиент любого успешного телепродукта.

После смерти «Верховного волхва» на ультраправых сайтах вывесили некролог: «Доброслав являл собой пример отважного борца — участник подпольных антисоветских кружков, заключённый ГУЛАГа, прошедший тюрьму и спецпсихушку, настоящий русский национал-социалист». Сам Доброслав в интервью любил упоминать, впрочем, довольно туманно, о том, что он как-то ужасно пострадал в борьбе против советской власти. Правду о прошлом Доброслава я узнал, когда готовил сценарий фильма о диссидентах. Если бы неонацисты лучше учили матчасть, они бы непременно выяснили, что Алексей Добровольский — так в миру звали «волхва» — никакой не герой борьбы с советским режимом, а вовсе даже наоборот.

В середине 60-х Добровольский считал себя православным монархистом, крестил его уже тогда опальный священник Глеб Якунин. В правозащитной среде он стал известен в 1967 году — во время т.н. «процесса самиздатчиков», на котором судили четверых человек: Александра Гинзбурга, Юрия Галанскова, Веру Лашкову и самого Добровольского. Дело возникло во многом из-за неосторожности последнего, доверившего печатать самиздат незнакомым типографским рабочим. Те донесли на вшивого интеллигента в КГБ. Добровольского арестовали, за ним последовали остальные.

Звенья гребаной цепи тогда выглядели по-другому — аресты рождали акции протеста, после которых следовали новые аресты, новые акции протеста и т.д. Протестовать против ареста самиздатчиков вышло несколько молодых людей во главе с Владимиром Буковским. Некоторые из них держали плакат: «Свободу Добровольскому!». Демонстрантов тоже арестовали, Буковский получил больше других — три года.

Молодые люди не знали, что Добровольский, освобождения которого они требовали, к тому времени уже всю сотрудничал со следствием, давая обширные показания на своих подельников. Адвокат Галанскова Дина Каминская впоследствии писала, что «Добровольский защищался, губя и безжалостно предавая своих товарищей». Проходивший свидетелем на процессе религиозный писатель Левитин-Краснов вспоминал: «Омерзительное впечатление (и до и после суда) производил Добровольский. Озлобленный, притом очень неумный, он вызывал у всех, его знавших, смешанное чувство — брезгливости и сожаления. Тяжела участь предателя. Евангельский прототип является классическим».

Галанскову Добровольский писал из камеры жалостливые записки с просьбой взять часть его вины на себя — и тот взял! В результате Галансков получил 7 лет лагерей и умер там от пробо-

дения язвы. Добровольский получил минимальный срок: два года и меньше чем через год вернулся по УДО в Москву.

Три авторитетных диссидента: Петр Якир, Юлий Ким и Илья Габай распространили после суда специальное обращение: «Искалечена жизнь и Алексея Добровольского, сыгравшего зловещую костюмаровскую роль на этом процессе. Если у него есть хоть капля совести, тридцать серебрянников (всего двухлетний срок наказания) — слишком малая компенсация за презрение и отверженность, которые ожидают этого клеветника».

Бывшие друзья от Добровольского отвернулись. Сначала он увлекся идеологически безопасной эзотерикой, а с наступлением перестройки — когда за инакомыслие перестали сажать — с головой ушел в языческий национал-социализм. Такова подлинная история верховного волхва, «деда», духовного учителя Фрица и множества других неонацистов, включая печально известного Дмитрия Боровикова.

У меня нет морального права осуждать человека за предательство — для этого надо самому пройти путь от сумы до тюрьмы. Петр Якир, один из авторов письма, обличающего Добровольского, наверное, думал, что уж он-то не сломается, а ведь сломался, причем с треском, сдал КГБ все окружение, включая зятя и собственную дочь.

Но о многом говорит то, как человек ведет себя после предательства. Совестьливый человек, но, как говорится, не орел, испытывает до конца жизни ужасающие муки. Это произошло с тем же Якиром, который, выйдя на свободу, тихонечко спился. И с его подельником Красиным, сумевшим найти в себе мужество написать покаянную книгу «Суд», — один из самых сильных документов о человеческой слабости. Григорий Гольденберг, видный террорист-народоволец, осознав свое предательство, повесился на полотенце в Петропавловской крепости — тоже вполне достойный выход.

Но есть другая порода слабых людей — те, совершив подлость, только озлобляются. Костюмаров, с которым сравнивали Добровольского диссиденты, заложил Чернышевского, а потом еще долго не мог остановиться и писал доносы в Третье отделение, придумывая своим бывшим товарищам новые и новые преступления. Вот и «дед» вместо того, чтобы покаяться, нашел во всем виноватых — история старая как мир.

И то, что Фриц и прочие заблудшие в нынешнем безвременье души принимали за мудрость, на самом деле было желанием отомстить за собственный позор. Впрочем, «дед» умел произвести впечатление обладателя тайного знания, открытого ему матерью-природой и отцом-хером, — за артистизм в Судный день он получил бы высшую оценку.

Андрей Лошак

ИНТЕГРИРОВАННЫЙ СПЕКТАКЛЬ

В конце восьмидесятых Ги Дебор издал свои «Комментарии к Обществу зрелища». Дебор, несомненно, должен был остро чувствовать перелом, происходивший тогда в мировом порядке, и ярко запечатлел его в своих кинематографических работах. Когда смотришь подряд, друг за другом, его «Общество зрелища», буквально переполненное образами физических бунтов против формального господства капитала, и затем «In girim imus poste...», смена эпох становится ясной без слов, на уровне эстетического восприятия.

В своих «Комментариях» Дебор проясняет и уточняет хронологическую периодизацию развития «общества зрелища», его собственной концепции нового мирового порядка. Так, он уточняет, что ко времени выхода в свет самой книги «Общество зрелища», в 1967-м, оно «не насчитывало ещё и сорока лет», то есть, связывает его с послевоенным периодом, возможности которого, впрочем, вплоть до того момента оно «использовало в полной мере». Двадцать лет спустя, он пишет, что в борьбе между тоталитарными режимами и традиционными буржуазными демократиями победу должна была одержать сильнейшая из этих разновидностей «зрелища» (то есть, последняя), после чего неминуемо должна наступить фаза «интегрированного спектакля», объединяющая в себе различные характеристики обеих предыдущих

форм. На этой стадии «спектакль» Дебора, как комплекс материализовавшихся представлений капитала о наиболее подходящем для логики его процессов мироустройстве, охватывает собой все без исключения конститутивные слои общества, подменяет собой реальность и распространяет её до последних пределов физического бытия. «Конец истории предоставляет приятный отдых для всей нынешней власти» (Ги Дебор, «Комментарии к Обществу зрелища», 1988).

Ещё через два года, профессор философии из веронского университета Джорджио Агамбен, представляя итальянской публике «Общество зрелища» и «Комментарии» к нему, изданные в одном томе (после переписки и личных встреч с Дебором), подчёркивает, что если первая книга оказалась, по сути, «точным диагнозом» современной эпохи, то во второй содержался «сценарий», (слияние двух противоборствующих форм в «интегрированном спектакле») который впоследствии был разыгран на мировой политической сцене, обретя «тривиальную очевидность». Он считает, что режим «интегрированного спектакля» является «предельным этапом в эволюции государства, к которой неуклонно скатываются монархии и республики, тирания и демократия, расистские и прогрессивные режимы» (Дж. Агамбен, «Заметки на полях Комментариев к Обществу зрелища», 1990).

В середине девяностых Агамбен в книге «Homo Sacer» сформулировал уже своё собственное видение этой предельной формы государственной власти, отталкиваясь в первую очередь от концепции биополитической власти, или «био-власти». Сама эта концепция впервые появляется в «Воле к знанию» Мишеля Фуко. По Фуко, «био-власть» — это форма власти, при которой уже «ни каста, которая правит, ни группы, которые контролируют государственные аппараты, ни люди, которые принимают важнейшие экономические решения, — никто из них не управляет всей сетью власти, которая функционирует в обществе (и заставляет его функционировать)», скорее она основана на множестве разных тактик «которые сцепляясь друг с другом, призывая и распространяя друг друга, находя где-то в другом месте себе опору и условие, очерчивают в конце концов диспозитивы целого». (М. Фуко, «Воля к знанию», 1976). Описываемая Фуко «био-власть», своего рода предел эволюции власти как таковой — это наиболее адекватная форма власти для эпохи реального господства капитала, потому что при реальном подчинении труда капитал антропоморфизмуется, пронизывает и структурирует всю человеческую жизнь, как неиссякаемый источник «способности к труду» и потреблению, и, следовательно, «относительной прибавочной стоимости»: «био-власть была, без сомнения, необходимым элементом в развитии капитализма, которое могло быть обеспечено лишь

ценою неконтролируемого включения тел в аппарат производства и через подгонку феноменов народонаселения к экономическим процессам» (ibidem). При реальном господстве капитала «био-власть», в отличие от классической диктатуры капитала, перестаёт оставаться в позиции внешней надстройки по отношению к эксплуатируемому ей базису, но уже имманентна ему: «в основании отношений власти в качестве всеобщей матрицы не существует никакой бинарной и глобальной оппозиции между господствующими и теми, над кем господствуют — такой, что эта двойственность распространялась бы сверху вниз на всё более ограниченные группы, до самых глубин социального тела. Скорее следует предположить, что множественные отношения силы, которые образуются и действуют в аппаратах производства, в семье, в ограниченных группах, в институтах, служат опорой для обширных последствий расщепления, которые пронизывают всё целое социального тела». (ibidem).

Если в «Воле к знанию» содержатся лишь подобные беглые наброски на тему «био-власти», то Агамбен в своей книге даёт гораздо более пространное, подробное определение концепции, подхватывая эту тематику именно на последних строках «Воли к знанию», хотя он и упоминает при этом, что, уже начиная с 1977-го года, фокус курса лекций Фуко в «Коллеж де Франс» отчётливо сместился с политики «территориального государства» на государственную политику «народонаселения».

Во вступлении Агамбен объясняет, что в Древней Греции у слова «жизнь» было два определения — «зоэ» и «биос». «Зоэ» назывался сам факт жизни, присущий людям, животным, растениям, в то время как слово «биос» служило для описания специфического образа жизни индивида или группы. При этом «зоэ», которую Агамбен в дальнейшем переводит, как «голая жизнь», была исключена из понятийного аппарата «полиса», древнегреческого города-государства, прерогативой которого был именно «биос» его обитателей. Согласно Агамбену именно попытка современной власти подчинить «голую жизнь», политизировать «зоэ», характеризует в первую очередь нынешнюю стадию реального господства капитала, которую сам он, вслед за Дебором называет «пост-демократическим» обществом зрелища. При этом он отмечает, что крупнейший «недостаток анархистской и марксистской критики государства» заключался как раз в неспособности дать адекватную оценку государственности, как суверенной власти над человеческой жизнью, обладающей неоспоримым правом её отнимать, или же как о структуре, наделившей себя полномочиями принятия решений о введении чрезвычайного положения: «в частности чрезвычайного положения, как переходного этапа, ведущего к обществу без государства, т.е. диктатуры пролетариата» (Agamben, Torino, 2005: 16). В освещении этой проблематики Агамбен на протяжении всей

книги оперирует определением суверенитета Карла Шмитта: «Суверен есть тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении» (ibid: 15). Ввиду поднятых Агамбенем тем, не таким уж преувеличением кажется, когда он говорит, что «эта книга была изначально задумана, как ответ на кровавую мистификацию нового планетарного порядка» (ibid). Отталкиваясь от вышеупомянутой формулировки суверенитета К. Шмитта, Агамбен, в частности, отмечает, что, на его взгляд, процессы, происходившие в бывших социалистических странах на момент первого издания книги, то есть во времена т.н. «лихих девяностых» были «не столько возрождением естественного состояния борьбы всех против всех, предшествующего заключению новых социальных пактов и оформлению новой национально-государственной локализации, сколько выходом на свет чрезвычайного положения, как перманентной структуры правовой и политической де-локализации и дис-локации» (ibid: 45). Это очень важное наблюдение, характеризующее общество «интегрированного спектакля», при котором чрезвычайное положение с правом власти отнимать жизнь и распоряжаться ей по своему усмотрению становится перманентным. Из него можно заключить, что мутация политических режимов пост-советских государств в девяностые и нулевые, тесно связанная с динамикой цен на мировых рынках нефти, представляет собой в этом смысле обширный материал для изучения феноменов «интегрированного спектакля».

Для полного раскрытия сущности нового биополитического порядка, Агамбен использует понятие древнеримского права — *Nomo Sacer*, «священного человека». Он приводит дословную формулировку на латыни: «Священный человек есть тот, кого народ осудил за преступление; его нельзя приносить в жертву, но тот, кто его убьёт, не будет осуждён за убийство; ибо в первом законе трибунов говорится, что «если некто убьёт того, кто плебисцитом признан священным, он не будет считаться убийцей». Поэтому злой или нечистый человек как правило, именуется священным» (ibid: 79) Эта странная, загадочная, архаичная фигура приобретает центральное место в дискурсе Агамбена. Судя по всему, речь шла о разновидности «неприкасаемого» человека, наподобие членов индийской касты, объявленном таковым в силу нарушения каких-либо табу и внушавшим в связи с этим «священный ужас». Так, например, «священным человеком», был объявлен патриций (коренной римлянин), оскорбивший представителя плебса (т.е. класса «приезжих», обосновавшихся в Риме позже «коренных») вызвав этим массовый исход всего сословия из Рима и его последующую гражданскую борьбу против патрициата. Такой человек оказывался исключённым как из человеческого, так и из божественного правового поля, в своеобразной ничейной зоне: «голая жизнь, обитающая на ничейной территории, между домом и городом — является с точки зрения суверенитета

исходным элементом политики» (ibid: 101). Агамбен констатирует сходство состояния исключения «священного человека» с исключительными обстоятельствами «чрезвычайного положения» по Шмитту, их принадлежность к общей «пограничной сфере»: «Это сфера суверенного решения, приостанавливающего действие закона при чрезвычайном положении и тем самым направленного на голую жизнь» (ibid: 92), и выдвигает свою первую гипотезу — будучи вне досягаемости как пенитенциарного права, так и риска быть принесённым в жертву богам «священный человек представляет собой самое первое олицетворение жизни, попавшей под суверенный запрет, и служит напоминанием о первых случаях исключения, через которые и развивалось политическое измерение» (ibid: 92). Иными словами, это сфера, в которой суверен наделяется правом убивать людей, не совершая при этом наказуемого — уголовно или иначе — убийства. «Священность жизни, которую сегодня пытаются противопоставить суверенной власти, как одно из прав человека... на самом деле изначально выражала полное подчинение жизни смертоносной силе власти» (ibid: 93). Агамбен, разбирая прецеденты из римского, французского, германского, скандинавского, американского права с безжалостной, хирургической точностью развенчивает все составляющие демократической мистификации, все представления о том, что современное общество зиждется на таких постулатах из национальных конституций, как права человека, гражданские свободы, или обществен-

ный договор: на деле, в основе любого «аутентично политического суверенитета» лежит одна неприкрытая «голая жизнь» (ibid: 118), или уступка суверену абсолютных прав на неё субъектами. Суверен при этом становится зеркальным отражением «священного человека», и неважно при этом, что убийство последнего «можно считать менее чем убийством, а убийство суверена более чем убийством», они оба обретают внеправовой статус. Причём, если вначале для этого требовался некий символический акт, вроде отказа Брута от собственных детей ради усыновления всех римлян, потому что именно отец семейства был самым первым носителем юридического права на жизнь и смерть своих отпрысков (подданных), то в современности эти нормы сохраняются в виде скрытых атавизмов, таких как процедура «импичмента» в США, подразумевающая, что президент этой страны за серьёзные уголовно наказуемые преступления и правонарушения — которые могут быть признаны таковыми только Сенатом — подлежит лишь отставке, но не может преследоваться и караться по закону. Согласно Агамбену, именно потому, что внеправовой статус «священного человека» и суверена лежал в самой основе института суверенной власти, мы пришли сегодня к состоянию, в котором всё человечество оказалось в положении «священных людей», а «голая жизнь» стала центральным субъектом государственной политики, или «биополитики» по Фуко. Так, в категорию «священных людей» по всем признакам подпадает растущее количество гражданских лиц,

подлежащих уничтожению в качестве «сопутствующих потерь» (чисто американский эвфемизм) в Афганистане, Ираке, Ливии и, потенциально, в других странах (таких, как Венесуэла, Иран и т.п.) располагающих в первую очередь энергетическими ресурсами, интересующими влиятельные круги из США, стран НАТО, а также из других государств (ср. участие Е. Гайдара и «Лукойла» в перекройке Ирака).

Этот конечный результат развития и экспансии суверенитета власти был заложен в самой её логике, с самого её зарождения. Поднимая тему метаморфоз политических режимов на протяжении XX века в целом, и их повсеместной «интегрирующей» мутации в его конце, о которой Агамбен уже писал в «Заметках на полях Комментариев к Обществу зрелища» (см. выше), философ говорит, что, к примеру, лёгкость, с которой представительная демократия перетекала в тоталитарные режимы и наоборот, а «левая» партократия прибегала к ультраправой политике, как в Сербии, может быть объяснена исключительно тем фактом, «что биологическая жизнь с её потребностями стала повсюду решающим политическим фактором». Биополитическая власть в обществе «интегрированного спектакля», избавившись от наивного идеологического фундаментализма периода формального господства капитала, озабочена только тем, чтобы «определить, какая форма организации [общества] наиболее эффективно гарантирует на практике надзор, контроль и эксплуатацию голый жизни» (ibidem).

Цементом, скрепляющим общество «интегрированного спектакля», служит отчуждение между людьми. Именно из-за необратимого отчуждения человека от человека в современном обществе, антигуманный суверенитет нынешней глобальной власти способен удерживаться, продлевать себя и претендовать на вечность.

В 1926-м году группа русских анархистов в изгнании, в которую входили Махно и Аршинов, издала в Париже небезызвестную «Организационную платформу». В этом документе в частности отмечается, что «несмотря на силу, положительность и бесспорность идей анархизма», анархистским группам не удалось сыграть сколько-нибудь значительную, решающую роль в русской революции. Причины столь «жалкого», по определению авторов «состояния анархического движения» заключаются в одном-единственном факторе, который до сих пор принято считать как самой слабой, так и самой сильной стороной анархизма — в дезорганизованности, которую авторы уподобляют жёлтой малярии. Для преодоления фактора дезорганизованности, авторы предлагают действовать в двух направлениях: во-первых, должна быть создана «идейная» организация, состоящая из убеждённых анархистов, во-вторых, на уровне широких народных масс повсеместно должны создаваться коллективы «на производственной и потребительской базе», что, кстати, вполне соответствовало бы весьма ясным идеям Прудона, первого учителя Маркса. Единство и централизация действия «идейной организации», её

стратегии и тактики, должны были быть достигнуты за счёт идеологической ясности и дисциплины — всё это, видимо, должно было быть гарантировано как раз убеждениями сознательных, подготовленных и подкованных в теории анархистов, беззаветно преданных общему делу. Во избежание бюрократического вырождения, эта единая организация должна была быть построена на федералистских началах. Федерализм здесь понимается опять же, не как своеволие и разброд отдельных групп, а как «свободный договор лиц и целых организаций ради совместной работы, направленной к достижению общей цели», как в теориях Прудона. Это подразумевает, что необходимым условием здесь должна была служить сознательная самодисциплина каждого участника организации и стопроцентная ясность в отношении «общей цели». Возможно, именно зависимость от этой предпосылки, от человеческого фактора, до сих пор делает весь этот проект труднореализуемым на практике. Примечательно, что одним из основных шести пунктов Платформы является «Отрицание демократии», как «одного из видов буржуазной диктатуры, замаскированного обманными формулами фиктивных политических свобод и демократических гарантий». Отрицание демократии (т.е. парламента и представительного правительства, как принципов), разумеется, так же должно было повлиять на обрисованную авторами схему функционирования организации, централизованной на деле и федералистской по уставу. Поэтому, авторы Платформы говорят в своей революционной программе следу-

ющее: «Отрицая формальную (буржуазную) демократию, отрицая власть и государство, возвещая о полном освобождении труда, анархизм... развивает в массах революционное классовое самосознание и революционную классовую непримиримость».

В духе классовой непримиримости, антидемократии, антигосударственности, в духе идеалов Анархического Коммунизма и должно вестись анархическое воспитание масс».

Уже спустя десять лет именно в таком духе проходили восстания широких народных масс в соседней Испании. Возможно, свою роль в этом уникальном историческом феномене сыграло как раз пресловутое идейное воспитание, ведь основы «рационального обучения», заложенные легендарной Современной школой Франсиско Феррера в начале XX века, распространились к тому времени по всей стране в виде тысяч «рациональных школ» и рабочих кружков, поддерживавшихся крупными рабочими конфедерациями и воспитавших целое поколение убеждённых анархистов. Как бы то ни было, в 1938-м испанская социальная революция уже терпела своё трагическое поражение, и именно в этот год группа её радикальных бойцов из Барселоны, «Друзья Дуррути», выпустила свой манифест «К новой революции», в котором они задавались следующими вопросами: «Как нам объяснить тот факт, что в Июльской революции мы увидели повторение ошибок, которые мы критиковали сотни и сотни раз? Как получилось, что мы не отстаивали социальную револю-

цию в июле?... именно мы захватили улицы... Мы взяли улицы. Они были нашими. Не было такой силы на земле, которая смогла бы вырвать их у нас...», «Почему же мы их так глупо отдали?» (Друзья Дуррути, *Nacia una nueva revolucion*, 1938). И отвечают: «У нас не было конкретной программы» (ibid). Манифест «Друзей Дуррути» был призван как раз сформулировать подобную программу-минимум, задать должное направление, чтобы спасти революцию. В чём же заключалась суть этой программы, составленной, в качестве последней отчаянной попытки спасти испанскую социальную революцию, в критический момент, на её излёте? Центральным пунктом этой программы стала «небольшая вариация в анархизме», создание «революционной хунты». Это должен был быть централизованный орган, общенациональный совет, который взял бы на себя все чисто политические функции управления революцией. Экономические дела, точно так же, как в программе Махно-Аршинова, должны были перейти в ведение рабочих союзов, а муниципальные дела, т.е. все дела города, не связанные с экономической деятельностью — в руки федерации свободных городов-общин, которые должны были опираться на всё те же рабочие союзы. Эта программа так же вполне соответствует идеям Прудона о рациональном, экономическом преобразовании общества через введение беспроцентного кредита и создание производственно-потребительских ассоциаций, влияние которых в испанском анархизме всегда было традиционно сильным. По сути, функция «революционной хунты» должна была быть временной, ограниченной своеобразным «переходным периодом», в то время как у Махно-Аршинова «идейная анархическая организация», видимо должна была управлять революцией до полной победы, несмотря на то, что они специально оговаривают в Платформе, что отвергают саму идею «переходного периода», скорее всего из-за того, что этой идеи, под названием «диктатуры пролетариата», в тот момент придерживались большевики. В любом случае, как и Группа русских анархистов за границей, Друзья Дуррути в Испании остро чувствовали и чётко осознавали, какого именно элемента не хватило для окончательной победы их дела — преодоления в той или иной форме дезорганизованности и отсутствия конкретной программы.

Наконец, в мае-июне 1968-го во Франции произошла крупнейшая в истории спонтанная Всеобщая забастовка, за которой последовало десятилетие ожесточённой классовой борьбы, т.н. «годы свинца», в соседней Италии. Именно в этих двух странах, входивших в семёрку самых высокоразвитых капиталистических государств эпохи «холодной войны», обладавших крупнейшими в Западном

мире компартиями с подконтрольными им профсоюзами, игравшими первостепенную роль во внутренней политике, комбинация различных элементов либеральной экономики и социального государства, давала в итоге, по мнению Ги Дебора ярчайший прообраз общества «интегрированного спектакля» (см. «Комментарии»).

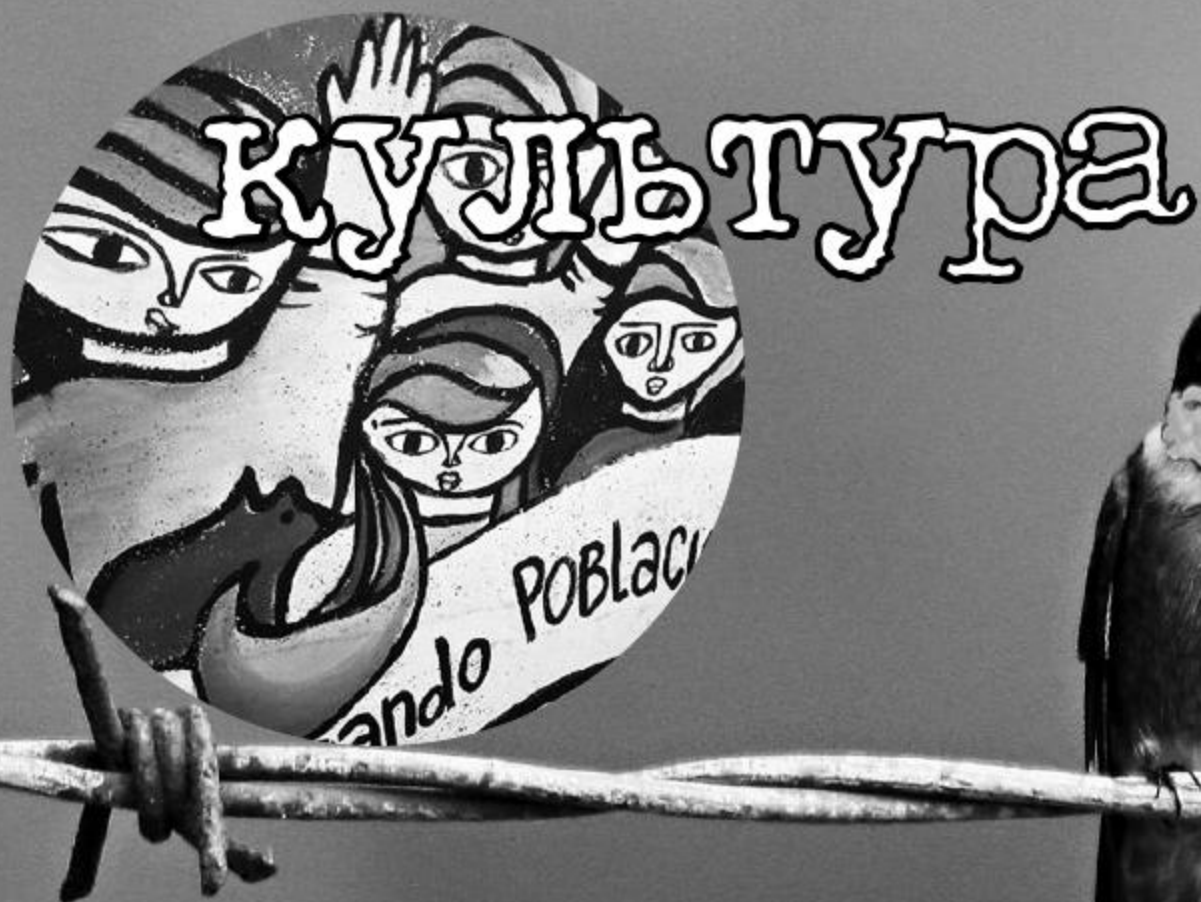
В ходе французской Всеобщей забастовки, даже в ситуации фактического «двоевластия», радикалами, также как и в вышеупомянутых примерах, не было предпринято каких-либо попыток координации, которые были бы направлены на централизацию действия или формулировку единой программы. Самоорганизация участников стачки, проявилась, в формировании спонтанных совещательных органов. В частности, в Париже, крупнейшими центрами такой самоорганизации стали Сорбонна и Сансье (Новая Сорбонна). В Сорбонне сложился Комитет за продолжение оккупаций, в котором самую активную роль играли Ситуационистский Интернационал и Ги Дебор. Комитет активно призывал бастующих всей Франции к формированию «рабочих советов» (по типу исторических фабричных советов периода Советских революций), считая повсеместное распространение этой организационной формы твёрдой гарантией логического развития революции. В Сансье также были сформированы различные советы, в которых не менее активную роль играли такие крайне левые группы, как «Старый крот», «Рабочая информация и корреспонденция» (ICO) и «Группа рабочих связей и действия». Пятнадцать лет спустя бывшие участники совета из Сансье пишут следующее: «Хотя многие увидели в опыте Сансье урок демократии, мы увидели в нём в тот раз урок о демократии : демонстрацию поверхностного характера противопоставления буржуазно-индивидуалистической демократии и коллективно-пролетарской демократии» («La Vanquise» n 2, Paris, 1983: 26) и продолжают в развитие своей мысли: «Проблема меньшинства и большинства стояла тогда только перед членами ICO, присутствовавшими в Сансье, и отказавшимися участвовать в действиях меньшинства, якобы рисковавшего навязыванием своей воли массам. О стерильность логики коммунизма рабочих советов!». Они вспоминают, что на протяжении многих недель, в течение всей забастовки в Сансье постоянно живо обсуждалось, что необходимо было делать, «чтобы зайти дальше», чтобы качественно развить мощный импульс невиданного по масштабам движения. Также, как и сорбоннский Комитет, они распространили до ста тысяч копий своих призывов к реализации программы-минимум, манифеста «Что делать?», в котором содержались конкретные предложения о дальнейших действиях: «принять простые меры, нарушающие логику капитализма, с тем, чтобы забастовка продемонстрировала свою способность заставить общество функционировать по-другому ; дать ответ на социальные потребности (что убедит сомневаю-

щихся из среднего класса, которых беспокоит насилие — беспомощная реакция, продукт тупиковой ситуации), предоставив бесплатный транспорт, социальную помощь, питание, коллективное управление центрами распределения, бойкот взимания выплат (арендной платы, налогов, пошлин) ; и продемонстрировать этим, что буржуазия и государство вовсе не нужны» (ibid: 27)

Непосредственно перед тем, как Сансье был занят полицией в июле 1968-го, бастующие сформировали Межотраслевой совет, в котором участвовали неформальные делегаты от различных предприятий французской столицы (без каких-либо императивных мандатов от своих коллективов). В совете играли активную роль и представители трёх вышеупомянутых крайне левых групп. В своих воспоминаниях последние подчёркивают ограниченность функциональности этого органа переходным периодом забастовки, на месте которого они хотели бы видеть полноценную и сознательную «коммунистическую организацию» (ibid: 28). Они честно и беспристрастно констатируют, что «если на регулярных собраниях и дебатах Совета речь и доходила изредка до коллективного действия представляемых предприятий», то участники быстро утрачивали нить в спорах, тратя время на дискуссии об организации конкретной борьбы в течение всего мая и июня (ibid: 28). В этих многочисленных дебатах мнения сторонников официальных массовых профсоюзов СЖТ и СФДТ постепенно возобладали над остальными, как бы повторив внутри Совета внешний сценарий развития ситуации во Франции.

Все эти примеры из прошлого наводят на мысль, что если единство в борьбе против современного капитализма и может быть достигнуто, то исключительно через рациональное коммуникативное действие участников. Эффективная конкретная программа не может быть основана на формальных уставах или на догмах мыслителей, слепо принятых на веру и проводимых в жизнь элитарной горсткой активистов. Только в случае постоянства искренних, бескорыстных (в широком смысле слова) усилий, направленных на преодоление нынешних условий тотального отчуждения через осмысленный живой диалог между людьми, может получить свои очертания определённое единодушие в отношении «интегрированного спектакля», а за ним и стратегическое видение того, какими путями ему может (если может вообще) быть положен конец. Но для этого, судя по всему, требуются некоторые фундаментальные изменения в психологическом облике современного человека. Радикальный перелом произойдёт лишь тогда, когда целенаправленная воля к диалогу начнёт преобладать над бессмысленностью конкурентной борьбы за превосходство и признание, в т.ч. на крайне левом фланге. Вот тогда-то и заявит о себе «сила, положительность и бесспорность идей», о которых говорили «русские анархисты в изгнании».

A. Spiazato

ВОЗВРАЩЕНИЕ К НАСТОЯЩЕМУ: ПОВЕСТЬ О ЛЮБВИ И РЕВОЛЮЦИИ

Жила-была маленькая девочка лет шестнадцати. Девочка была наивная, нескладная, угловатая с короткой стрижкой и круглым лицом, трогательная, умненькая, иногда — обезоруживающе искренняя, иногда — скрытная. Было это году в 1992-1994-ом. В общем, давно уже. Девочка, между прочим, была панком и тусовалась с анархистами. Она вращалась в нашей узкой московской анархосреде, в первые постперестроечные годы, сжимавшейся, как шагреновая кожа, растерянной и сумбурной. Девочка в этой среде дружила, влюблялась, ссорилась, ходила на анархический кружок самообразования «Муравинские четверги» (не столько учиться, сколько — общаться), сочиняла песенки под гитару, вела долгие ночные беседы за жизнь. Она ездила — не столько «бороться», сколько из любопытства — в Череповецкий эколагерь протеста летом 1994

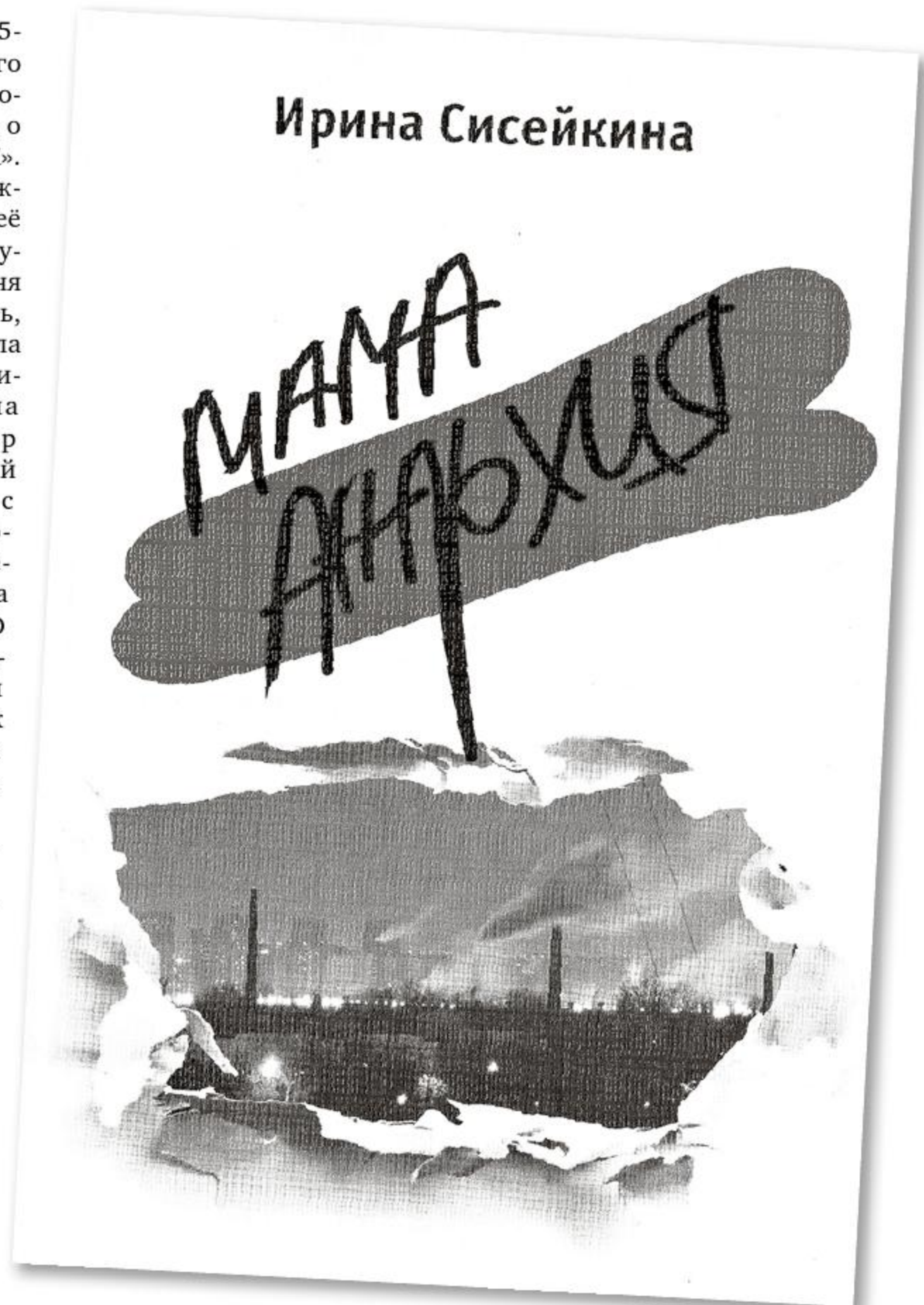
года, ездила — за компанию — на анархические конференции в далёкие города (и как-то даже помогала идти немного перепившему учёному теоретику анархо-синдикализма), хаживала на рок-концерты, анархоёлки и митинги (тогда анархические митинги редко собирали больше пары дюжин человек), сотрудничала даже с профсоюзной газетой «Солидарность» (тогда нам ещё казалось, что её «захватили» мы, анархисты, во главе с Андрюшей Исаевым, хотя позже стало ясно, что всё ровно наоборот)... Сколько таких тусующихся нескладных и юных девочек и мальчиков на моей долгой памяти промелькнуло около меня, проходя через наше анархическое движение? Пятсот? Семьсот? Всех и не упомнишь. Но тут история была несколько особая.

Девочку все знали под прозвищем «Гайка», хотя её имя было Ира. Но об этом мало кто знал. Гайка и Гайка. Все относи-

лись к ней — как к милому подростку-полувундеркинду — со смесью нежности и снисходительного покровительства. Коля Муравин даже вывел её в своей стихотворной пьесе «Чёрное знамя» (в написании которой и я принял некоторое участие, и которую мы поставили уже на анархоёлке нового, 2001-го года, через пять лет после его гибели) под именем девочки Анархии — своенравной и капризной, но, конечно, милой особы: «Звать Анархия её. Молода, красива, только ветрена чуть-чуть и слегка ленива. Целый день баклуши бьёт и романы пишет, складно песенки поёт, жаль — никто не слышит!» Предполагалось, что пьеса будет поставлена к новому, 1993-му году, и Гайка будет играть Анархию. Но не вышло. В той постановке к Новому 2001-му году Анархию играла совсем другая девушка — Майя, а Гайки уже давным-давно не было с нами.

Итак, потом — году в 1995-ом — девочка исчезла с нашего анархического горизонта. Говорили, что её видели на Кипре, о ней была даже заметка в «МК». Шли годы, бурь порыв мятежный рассеял прежние мечты, её забылся голос нежный и полудетские черты (да простит меня Пушкин!)... И вдруг, оказалось, что девочка сильно повзрослела за двадцать лет, многое повидала, даже, кажется, родила ребёнка, но — не в пример большинству, не забыла своей юности и не отвернулась с презрением от былых мимолётных грёз. Под своим именем — Ирина Сисейкина — она выпустила в Питере роман. О революционной юности, о первой и второй любви. Обо всём том и обо всех тех, кого, как оказалось, она не забыла, а продолжала хранить в своём сердце.

Не ищите в этой книге точного, фотографического копирования фактов и лиц (хотя у большинства описываемых событий и героев есть более или менее узнаваемые (а иногда и называемые) прототипы). Так, своего лирического героя-двойника Ира называет «Ёжиком» (а не Гайкой). Но повесть получилась неплохой, лучше почти всего немногого, что до этого пытались в подобном жанре создать российские анархисты, чтобы как-то запечатлеть своё движение, свою среду, своих товарищей и товарок. Например, намного лучше, чем графоманские и беспомощные в художественном отношении повести Димы Ритуса (псевдоним Д.Л.) «Один на льдине» (о Череповецком лагере 1993 года, с явным закосом под прозу Савинкова) или Дмитрия Нагеля (псевдоним Д.Б.) «Другое время». Пожалуй, только повесть Владимира Платоненко «В ночь с 21-го на 5-е» — об участии московских анархистов в событиях октября 1993-го года — заслуживает похвалы (и то не по своим художествен-

ным достоинствам, а как ценный документальный источник и свидетельство активного участника событий, чудом выжившего в их водовороте). На этом унылом и скудном фоне роман Ирины, лиричный, искренний, не «фотокопия событий», а их художественная интерпретация, смотрится выигранно — как не совсем графоманский, а «почти литература». Как трогательное воспоминание-увертюра о юности, со всеми её иллюзиями и надеждами, о Коле Муравине (ему посвящена повесть; в ней он — Ник), который был

всеми нами, «прототипами» и участниками книги так любим, и который очень узнаваем во всём своём, ни на кого непохожем облике. Оказывается, ничто настоящее не уходит окончательно и безвозвратно в прошлое, а живёт где-то в недрах памяти, иногда возвращаясь и прорастая вновь. Как в этой повести. Спасибо тебе, Гайка! Мы, твои товарищи начала 90-ых, не забыли тебя. Оказывается, и ты не забыла нас, не забыла себя саму и то, что делает нас людьми.

Пётр Рябов

ИНТЕРВЬЮ С АНАРХО-ЭСПЕРАНТИСТАМИ

НИКОС, МОСКВА

— Что такое для тебя эсперанто? Просто ещё один язык или нечто большее, за чем стоит некая культурная и целостная традиция? Почему это так важно для тебя — быть эсперантистом?

— Для меня эсперанто, само собой разумеется, не просто язык — он уже давно стал неотъемлемой частью моей жизни. Сейчас я даже не могу представить своей жизни без эсперанто, настолько сильно он пустил корни в моей душе. Именно на эсперанто я выражаю свои мысли, сочиняю стихи и прозу, обсуждаю самые важные проблемы современного мира. Неудивительно, что большая часть моих единомышленников по всему миру также является эсперантистами. Да, для меня очень важно то, что за эсперанто стоит очень богатая и изначально интернациональная культурная и ценностная традиция. Внутренняя идея эсперанто — бороться с границами между государствами, культурами и народами — очень хорошо вписывается в общую концепцию анархизма. Поэтому совершенно естественно, что многие анархисты и интернационалисты с самого начала горячо поддерживали и продолжают под-

держивать идею национально нейтрального языка, который может объединить народы мира в их борьбе против империализма. Для меня очень важно быть эсперантистом, так как благодаря эсперанто я не только принадлежу к всемирному обществу со своей собственной межнациональной, безнациональной и вненациональной культурой, но я также действую на глобальном уровне — совсем по-разному и разносторонне. Но действительно глобально. Я думаю, что именно эти вещи важны для моих товарищей и единомышленников.

— Как эсперанто и анархизм связаны между собой? Расскажи об истории анархо-эсперантизма.

— Как я уже сказал, эсперанто и анархизм связаны между собой именно идеей одного свободного и равноправного общества без государственных границ и национальных барьеров, с интернационалистским образом мышления на основе взаимопомощи и взаимопонимания. Эсперанто-движение в целом никогда не поддерживало какую-либо государственную или национальную идеологию и жестоко преследовалось за это в своё время. Эсперантисты всегда

боролись за мир и против нищеты и неравенства. В течение последнего десятилетия, после долгих и утомительных обсуждений идеи политического нейтралитета эсперанто, появилось и сразу начало вести бурную деятельность новое поколение молодых эсперантистов, которые очень хорошо осознают, что эсперанто не должен быть целью, а только инструментом для приближения другого мира с другим образом мышления. Ещё более важно то, что эта молодёжь совсем не хочет, чтобы эсперанто-движение стояло в стороне от реальной жизни, которая нас окружает каждый день. В таких странах как Япония, Бразилия, Испания и Франция, эсперантисты всегда были авангардом социальных активистов. Мы всегда боролись против империализма, капитализма и фашизма. В 20-е и 30-е годы XX века мы оказывали мощную поддержку рабочим и действовали в рамках международного рабочего движения. За это нас преследовали фашистские и капиталистические режимы, сотни тысяч эсперантистов были арестованы, брошены в тюрьмы и расстреляны в милитаристской Японии, нацистской Германии, франкистской Испании, сталинском СССР, хортистской Венгрии и в КНДР. После Второй мировой войны эсперанто-движение было вынуждено заново проделать огромную работу и найти силы для того, чтобы возродиться. Но до сих пор оно не достигло того пика активности и численности и важного глобального влияния, которое оно имело непосредственно перед репрессиями 30-х годов. Прежде всего благодаря неприязненному отношению капиталистический средств массовой информации, которые пытаются пропагандировать английский язык в качестве единственного настоящего международного языка — для нас очевидно, кто и каким образом получает от этого выгоду. Конечно, все анархисты

среди эсперантистов имеют свою собственную точку зрения в отношении роли эсперанто в борьбе за лучшее и более справедливое либертарное общественное устройство.

— Расскажи о своей местной группе/движении анархо-эсперантистов в твоей стране и в твоём городе. Чем вы занимаетесь? Какие у вас планы?

— Идея организовать местную группу анархо-эсперантистов появилась у меня весной 2006 года, когда я познакомился с Гореном, эсперантистом из Питерской лиги анархистов, и узнал об уже давно существующем анархическом эсперанто-движении. Но тогда я не мог целиком заняться им. Тогда мое знание и владение эсперанто были ещё на начальном уровне, поэтому я не мог даже связаться с товарищами из других стран. Осенью того же года, когда я вернулся в Питер после трёхмесячного отсутствия, выяснилось, что мой уровень владения эсперанто достаточно вырос, так что я мог даже преподавать его своим товарищам в течение трёх месяцев в рамках Вольного университета, который мы организовали в Питере. После своего возвращения в Москву я занялся переводом на русский язык драмы «Немезида» Альфреда Нобеля, которую перевёл на эсперанто шведский анархист Гуннар Гэлльмо, который в своё время был ответственным за издание «Либертарной сцепки», газеты анархической фракции Всемирной вненациональной ассоциации эсперантистов (САТ). Этот перевод я закончил в июне 2009 года, а в сентябре и октябре того же года я вёл новый курс эсперанто в одном московском техническом университете, который помогли организовать мои товарищи-анархисты. Только лень учеников помешала мне продолжить курс, который я позже организовывал снова и снова в различных местах, одновременно занимаясь поиском материалов для своего собственного учебника — хрестоматии под названием «Эсперанто

для анархистов».

В 2010 году я лично познакомился с известным российским эсперантистом и анархистом Николаем Гудсковым, который предложил мне вступить в анархическую фракцию САТ, но в течение двух лет я сомневался в этом. Осенью того же года я организовал эсперантокор-группу «Nigra Kato» («Чёрная кошка») с помощью музыкантов из Реутова, которые одновременно играли в фасткор-группе «Social Zero» и некоторые их песен тоже были на эсперанто. К сожалению, у нашей группы до сих пор не было выступлений, так как после редких репетиций её состав почти всегда менялся, но я не теряю надежды и хочу продолжать этот проект с новыми и старыми песнями. Я также очень рад тому, что в течение последних лет в разных городах России появилось несколько интересных анархических музыкальных проектов на эсперанто, таких как Skverna, Kacbatalo, Frakasi, Death Before Revolution, Rezistanco, Lasta Arbaro и другие. Это означает, что эсперанто-молодёжь действительно в этом нуждается и чувствует необходимость обращаться к эсперанто, когда речь идёт не только о развлечениях, но и об очень серьёзных темах.

Когда я уехал в Казахстан весной 2011 года, я попытался организовать там местную группу анархо-эсперантистов и снова проводил занятия по эсперанто, но моё заключение помешало моим планам. После возвращения в Москву я запустил новый курс по эсперанто, в котором главным образом участвовали именно анархисты — в целом мой курс посетило больше 20 человек. 15 декабря 2011 года, когда в Москве уже начались протесты против несправедливых подсчётов голосов на выборах, мы провели первое анархо-эсперантистское шествие с чёрно-красным флагом с зелёной звездой в центре Москвы в честь дня рождения Заменгофа, создателя эсперанто — именно этот день эсперантисты

по всему миру отмечают как свой праздник, как «день эсперанто». Мы раздали листовки, в которых выразили наше отношение к эсперанто и его роли в борьбе против мирового капитализма и империализма. После этого я сделал паузу в своём курсе по эсперанто, так как с большинством моих учеников участвовал в протестах против путинского режима. В марте 2012 года я познакомился с двумя анархо-эсперантистами, Димбором из России и Вико Малатесто из Италии. В мае того же года я читал лекцию об эсперанто на «Оккупай Абай», а в июне я узнал, что в Москву переехал чилийский анархо-эсперантист Даниэль Карраско-Баскунян, который тоже иногда участвует в собраниях и мероприятиях эсперантистов в Москве и Подмосковье и согласился сотрудничать в возобновлении издания «Либертарной сцепки», предложенном Николаем Гудсковым. В июле я возобновил свой курс по эсперанто в рамках Свободной школы, который с небольшими перерывами продолжается до сих пор, несмотря на проблемы, связанные с поиском мест и нехваткой учеников. В августе делегаты московского молодёжного эсперанто-клуба «Ек-МАСИ» (теперь он называется «Московская ассоциация эсперантистов МАСИ») посетили 85-й конгресс САТ в крымской Ялте и там прониклись энтузиазмом в отношении современной деятельности этой организации. Сразу по возвращении в Москву эти делегаты вместе с Димбором и мной присоединились к САТ и таким образом сформировался наш московский кружок участников САТ. В октябре и ноябре я провёл две презентации в клубе им. Джерри Рубина и в «Доме под деревом», после которых 50-60 человек узнали больше об эсперанто и его роли в рабочем и анархическом движении, а на мои курсы пришли новые люди.

В феврале 2013 года в Москву из Болоньи приехал Вико Малатесто для того, чтобы познакомиться с местным анархическим и эсперанто-движением. Он помог

организовать журнальное дистрибутивное движение фракции САТ во время традиционной встречи эсперантистов «Арего» («Появление»), которую организует MASI и которая уже давно превратилась из межгородской в международную. В этом году во время «Арего» силами нашей группы САТ были проведены несколько лекций и дискуссий на тему современной политической ситуации в мире и точки зрения эсперантистов по отношению к ней. Вико показал фильмы, которые были сняты независимыми медиа-активистами в Италии и Палестине. 2 марта эсперантисты принимали участие в Социальном марше в Москве с большим флагом эсперанто и чёрно-красным флагом, раздавая листовки на русском языке о САТ и о роли Международного языка в левом движении. Вико снимал этот марш и потом показал готовый ролик моим бывшим ученикам вместе с другими фильмами, снятыми его коллегами, с комментариями на эсперанто. Потом он ответил на несколько вопросов своего московского коллеги во время получасового интервью для «Автоном-ТВ». Текст этого интервью мы позже опубликуем отдельно. В апреле 2013 года к нашей группе присоединились новые люди, и теперь в рассылке SAT-Rusio состоит 25 человек, по большей части анархисты. Мы планируем прийти на Первомай в анархическую колонну с нашими флагами (флаг эсперанто, флаг САТ, флаг анархо-эсперантистов, флаг «Свобода или смерть!» ПРИМЕЧАНИЕ) и плакатами на эсперанто. Мы также будем раздавать там листовки о САТ и об анархической фракции. Также в наши планы входит организация анархического дискуссионного клуба на эсперанто, в рамках которого мы будем обсуждать новые материалы для «Либертарной сцепки» («Libercana ligilo”).

ВИКО, БОЛОНЬЯ

— Что такое для тебя эсперанто? Просто ещё один язык или нечто большее, за чем стоит некая культурная и целостная тради-

ция? Почему это так важно для тебя — быть эсперантистом?

— Привет вам, единомышленники, друзья, земляне, эсперантисты! Эсперанто для меня — почти международный язык. На самом деле, он не включает в себя все языки Земли, поэтому использовать его — просто верный шаг в верном направлении и не более. Часто я слышу о международных языках, таких как эсперанто, идо и так далее. На самом деле, ни один из них не может удовлетворить потребность в едином международном языке, на котором люди по всему миру могли бы общаться между собой. Эсперантистам следует лучше задуматься, когда они говорят о том, что эсперанто — международный язык, так как претендовать на это значит бросать людям вызов, что не помогает его распространять. Эсперанто — это то, о чём мой дорогой единомышленник сказал: языковой «проект с открытым исходным кодом». Люди со всего мира должны помогать улучшать его и делать его международным. Да, среди всех языков мира только эсперанто позволяет это сделать, так как его структура очень проста и облегчает включение новых слов.

— Как эсперанто и анархизм связаны между собой? Расскажи об истории анархо-эсперантизма.

— Анархисты были пионерами в

распространении этого языка. Ещё до Первой мировой войны анархисты создавали группы говорящих на эсперанто, так как они предсказывали войну и пытались противостоять усиливавшимся националистическим движениям, но, к сожалению, безуспешно. Все тоталитарные диктаторы пытались их уничтожить и многие эсперантисты закончили свою жизнь в концлагерях. Выживших было очень мало. Анархисты рано поняли, что идея создания международного языка может принести мир на Землю или, по крайней мере, запустить процесс движения по направлению к миру, так как международный язык разрушает границы в сознании, а следовательно и на Земле.

Во всём мире анархисты пытались объединиться для того, чтобы победить нацизм. После Второй мировой войны, к сожалению, их осталось немного. Сегодня новые анархические группы видят возможность воссоздания всемирного движения, но я надеюсь, что они не повторят ошибок, совершённых в прошлом.

— Расскажи о своей местной группе/движении анархо-эсперантистов в твоей стране и в твоём городе. Чем вы занимаетесь? Какие у вас планы?

— С 1 февраля этого года в Болонье, где я живу, существует

анархо-эсперантистская группа под названием LAMO — это сокращение от *Liberescana kaj Anarkiista Movado* (Либертарное и анархическое движение). Наш символ — лама, и все знают, что ламы плюются. Наша лама плюёт на итальянское правительство и на его несправедливые законы. Пока что у нас в рассылке 47 подписчиков и каждую неделю это число растёт. Мы уже успешно организовали трёхдневный обучающий курс. Болонья — очень левый город, и понятно, что здесь довольно легко найти новых людей, интересующихся нашим движением. К сожалению, я пока ещё не слышал о других анархических группах, распространяющих эсперанто в других городах. На самом деле, я планирую провести презентации, посвящённые эсперанто, в других городах, таких, как Милан, Рим и т.д., но шаг за шагом, не всё сразу. Лично я пытаюсь распространять его настолько, насколько это возможно, и даю с 3-4 другими людьми уроки участникам нашей группы. Сегодня День Земли, мы хотели пойти на центральную площадь нашего города с двухметровым самодельным макетом Земли. К сожалению, технические проблемы и проблемы с погодой сделали это невозможным. Однако мы попытаемся это повторить первого мая. Всем счастливого Дня Земли! Да здравствует анархия!

НИКОЛАЙ ГУДСКОВ, МОСКВА

— Что такое для тебя эсперанто? Просто ещё один язык или нечто большее, за чем стоит некая культурная и целостная традиция? Почему это так важно для тебя — быть эсперантистом?

— Общий язык для всего человечества является одним из самых важных проектов, без которых не могло бы существовать человечество, и эсперанто представляет собой пример успешного осуществления этого проекта. Так, он функционирует отлично от всех прочих языков, имея перспективу стать единственно верным решением мировой языковой проблемы. Быть эсперантистом для меня значит вносить вклад в построение справедливого общества будущего.

— Как эсперанто и анархизм связаны между собой? Расскажи об истории анархо-эсперантизма.

— Анархо-коммунизм, если он в конце концов установится в мировом масштабе (а по-другому он не сможет победить!) будет принципиально невозможен без общего языка для всего человечества вне зависимости от того, останется ли он единственным языком на Земле или сохранятся местные языки, и он станет вторым языком для каждого. Анархия может быть только вненациональной, и языковой аспект в этом отношении очень

важен. Поэтому идеи анархии и эсперанто, несомненно, связаны между собой. Одновременно с этим, эсперантист может не быть революционером, даже наоборот, но своей деятельностью он объективно работает на революцию, на анархию.

Анархисты разных направлений и люди с анархическим складом мышления ещё в первые годы зарождения эсперанто-движения хорошо это понимали, учили и пропагандировали эсперанто. Они существовали и в России, но репрессии 1920–1930-х годов фактически полностью ликвидировали анархическую составляющую российского и советского эсперанто-движения.

— Расскажи о своей местной группе/движении анархо-эсперантистов в твоей стране и в твоём городе. Чем вы занимаетесь? Какие у вас планы?

— В настоящее время в Москве есть только несколько анархистов, участвующих в деятельности эсперанто-движения. Нашей задачей является популяризация эсперанто среди анархистов и, что важнее всего, не только изучение языка, но также побуждение анархистов хоть немного участвовать в жизни эсперанто-сообщества, что принесёт пользу обоим движениям.

Примечание

«Свобода или смерть!» — традиционный лозунг, используемый многими поколениями борцов за освобождение своих стран и народов от различных империй, канувших в Лету. Чёрный флаг с этими же словами использовался анархистами на Украине во времена махновского движения и до сих пор используется в России и других странах. Задержания людей, участвовавших в феминистском митинге 8 марта 2013 года в Москве, начались как раз после просьбы полиции свернуть этот флаг, так что теперь анархисты в России защищают своё право везде и всегда использовать его в качестве своего традиционного символа.

БОФФ УЭЛЛИ (CHUMBAWAMBA): «Запомните меня улыбающейся обезьянкой в боксерских перчатках»

«Автоном» публикует отрывки из книги лидера анархопоп-группы Chumbawamba Боффа Уэлли «Footnote» («Подстрочное примечание» или «Сноска»). Это веселая, ироничная и тонкая автобиографическая работа, рассказывающая о том, как находчивым и никому не известным парням из Лидса удалось обрести всемирную славу, ни на секунду не забыв, кто они, что они и зачем им это нужно. Возможно, в этом плане Chumbawamba удалось достичь большего, чем любой другой панк-группе на планете (если, конечно, не считать U2 панк-группой, *шутка*). Сноски — один из главных художественных приемов этой книги, так что не удивляйтесь их обилию.

Перевод: Настя Кельт, Максим Подпольщик (вебзин Sadwave.com)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Серьезно, чувааааак.
Sex Pistols, «Боже, храни Королеву»*

Было время (и я помню это время), когда посетители паба, что около нашего дома, хором пели песни. Это происходило не только в нашем пабе, но и в пабах по всей стране, люди пели каждые выходные. Ближе к закрытию один запевал, и вскоре слова его песни подхватывал весь паб. Пели без аккомпанемента, все эти дядюшки и тетушки, сжимав-

шие в руках последние на сегодня пинты. Свадьбы, празднование совершеннолетия, дни рождения, помолвка Кузена Джона с Брендой... в «Митр Паблик Хаусе», что за углом от станции Бернлей Беррекс, по голосу дядюшки Гари Воттервортса можно было сверять часы. Он торжественно выводил первые строчки «Последнего Вальса» или песни «Любая улица на твоём пути — это улица Коронации». И я хихикал, покачивая своей асимметричной челкой, удивляясь, как так выходит, что

все знают слова и без подсказки понимают, когда нужно вступить.

1998 год. Chumbawamba выступают на «Брит Эвордс», церемонии, где представители шоу-бизнеса ежегодно похлопывают друг друга по плечу; где царит самодовольное веселье, и звезды смешиваются за сценой, празднуя собственную известность.

«Дорогая, о, дорогая, чмак-чмак, не видела тебя с последней церемонии».

Невероятно собранная охрана. Журналисты и личные помощ-

ники словно половики стелятся перед растекающимися в улыбках знаменитостями. Том Джонс отбивается от молодых лицемеров и ставит автографы на обнаженных ляжках. Дэйв Стюарт из Eurhythmics в самодельной шляпе в виде спутника, сделанной из пластиковой миски серебристого цвета, по-королевски надменно вальсирует мимо кучки ведущих Radio One, которые сморкаются в свои дорогие манжеты. Каждые пять минут одна из участниц Spice Girls целеустремленно ковыляет то в туалет, то обратно, окруженная четырьмя стремными типами в костюмах, а половина группы Fleetwood Mac, тем временем, отказывается войти в гримерку из-за того, что там постелен неправильный ковролин.

Телепродюсеры в отвратных рубашках носят с нахмуренными бровями и жужжащими наушниками. Менеджеры, телохранители и гримеры, наконец, перекрикивают этот по-мультишному карикатурный оркестр рингтонов, пока мы с ужасом обсуждаем, какого черта мы делаем здесь, в самом центре этого праздника успешности.

Все настолько милые, что портить этот праздник попросту стыдно. Мы и не планировали выкидывать какие-либо неприглядные штуки, разве что изменить пару слов в песне Tubthumping, которую нам предстояло исполнять вживую.

Наша группа открывала концерт. Директор премии умолял нас разрешить ему удовлетворить одну из своих сценических фантазий, которая заключалась в том, чтобы нас спустили с потолка на веревках, и мы схватили гитары с первыми звуками песни. Мы ответили, что из этого ничего не выйдет, потому что уж очень сильным было предчувствие, что механизм сломается, и Элис закончит песню где-то между небом и землей. Также директор очень вежливо попросил нас не нападать на других артистов.

Между окончанием нашего выступления и выходом на сцену Fleetwood Mac, напяливших на себя широкие постоперационные

улыбки, вице-премьер Британии Джон Прескотт и несколько его приспешников (жена Тони Блэра и другие представители этой тусовки) расположились в зале буквально через стол от нас.

Они чокались за собственную PR-победу казенным шампанским, которое только что достали из ведра со льдом.

Финал этой истории представляет собой крошечную сноску, оставленную в истории поп-музыки одной группой (Вечер закончился тем, что вокалист Chumbawamba Дэнберт Нобэйкон окатил британского вице-преьера водой из кувшина — прим. переводчика).

Звучит она следующим образом: в течение нескольких стремительно пролетевших месяцев я был участником команды, которая моталась по всему миру, вламываясь на вечеринки крупных поп-звезд, и раздавала автографы. Мы варились в одном котле с людьми, которых я видел в журнале Hello!; в аэропорту нас провожали толпы, мы позировали с платиновыми дисками в руках, нами гордились руководители рекорд-компаний.

Данный мимолетный визит на другую планету — это вешалка, на которую я попробую повесить более продолжительную историю остальной своей жизни. Жизни, которая на протяжении двадцати лет была неотъемлемо связана с несурзной и ершистой анархо-поп группой. На двадцать лет я застрял где-то между критикой ситуационизма и буффонадой комедийного скетча.

Вы можете прийти в торговый центр Concord Mall в Вилмингтоне, Делавер и купить там Tubthumping-гориллу — пластиковую игрушечную обезьяну в блестящих красных боксерских перчатках. Стоит нажать кнопку у нее на спине, как она начнет танцевать, нетвердо переступая с ноги на ногу, и петь:

«Меня отправляют в нок-даун, Но я встаю вновь и вновь Вам никогда меня не удержат».

Запомните меня таким: улыбающейся обезьянкой в боксерских перчатках.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

*Как можно управлять страной, в которой двести шестьдесят четыре вида сыра?
Генерал Шарль де Голь*

Летом 1981 года наша четверка — Дэн, Мидж, Томми и я — сидела на пособии, питаюсь одними хлопьями и гамбургерами, и следила за уличными беспорядками по ящику. Мы решили вооружиться акустической гитарой, рабочим барабаном и рвануть автостопом в Париж. После того, как каждый из нас прибыл на место, мы нашли огромный стадион в нескольких милях от центра, который и стал для нас домом. Каждый вечер после того, как ворота запирались, мы перелезали через стену и поднимались на верхний ярус зрительских трибун. Там мы укладывались между сиденьями и просыпались только с рассветом от топота бутсов, а также хриплых вздохов и стонов метателей диска. Мы собирали пожитки, тихо прокрадывались вниз к выходу и направлялись в центр Парижа играть музыку у Центра Помпиду.

Это было частью нашего большого плана, этап ученичества в легендарной колыбели рок-н-ролла, которой был для нас Париж. Бодлер! Джим Моррисон! Рембо! Битлы на разогреве у Сильвии Варган! Дэн пел, я играл на гитаре, Мидж стучал в барабан. Окруженные магами с лицами клоунов, жонглерами в париках и мимами, чьи завязанные узелками платочки свисали из карманов их мешковатых лоскутных брюк, мы веселились, производя гремящий взрывной шум. Глядя на нас, прохожие неодобрительно цокали языками в своей милой французской манере.

Мы играли песни The Undertones, The Clash, Swell Maps, Элвиса Пресли, добавив к ним несколько композиций собственного сочинения. Мы всегда собирали толпу — три неряшливых одутловатых английских паренька с волосами, как пакля. Улыбаясь изо всех сил, Томми вопросительно приподнимал брови и собирал деньги в вывернутую наизнанку кепку с Микки Мау-

сом. Мы зарабатывали достаточно, чтобы хватало на еду и питье. Каждый несколько дней мы устраивали себе выходной: таскались по метро, ели французские багеты с одним из 264 местных сыров и читали обличных беспорядках в Париже 1968 года.

Находясь вдалеке от Англии, футбола, телевизоров и подвалов, обитых упаковками из-под яиц, мы были потрясены, осознав, что можем зарабатывать себе на хлеб, развлекая других людей. Искусством, коммерцией. Мидж бил в рабочий барабан и по тарелкам с такой свирепостью, что люди в страхе проходили мимо, но дешевая испанская гитара не оставляла им никаких шансов.

Направление, в котором развивались неуловимые мелодии наших песен, зависело от того, насколько сильным был насморк Дэна. Он отказывался вытаскивать руки из карманов, пока какой-то льстивый дядька с тонко прорисованными усиками и в пальто из верблюжьей шерсти не сказал, что работает на звукозаписывающую компанию, пообещав вернуться на следующий день, чтобы посмотреть, как мы играем. Но было дождливо, и он не вернулся.

Все шло хорошо до того дня, когда группа из 12 улыбающихся

африканских барабанщиков в разноцветных одеждах не обосновалась по соседству с нами. Они заглушили наш хиленький рок-н-ролл взрывным битом и хоровым пением. Одна из их песен звучала так: Чам, чам-ба, вайла!

При первых же звуках этой композиции мы поняли, что проиграли. Мы неслись вниз в поисках тихого уголка в подземном лабиринте под Шатле Ле-Аль, чтобы сосчитать наши франки и высморкаться.

По возвращению из Франции мы были полны энтузиазма. К тому времени мы решили, что нам следует выступать вживую. Мы арендовали зал, напечатали билеты, выпустив фэнзин специально к концерту, и репетировали как заведенные.

Мидж придумал нам название, криво накарывав Chambawailin~на бочке. Впрочем, данное было быстро изменено в процессе вырезания букв для афиши, которую мы собирались напечатать методом шелкографии. Оно как-то неправильно звучало, а при написании вообще теряло свой ритм. Мы изменили его на «Чамбавамба». Это слово ничего не означало, ничего не символизировало и не давало никакой возможности составить о нас какое-либо предвзятое мнение. С этого дня мы

решили каждый раз придумывать новую историю, отвечая на вопрос, откуда взялось такое название.

Наш первый концерт состоялся 8 января 1982 года в городе Колн в день рождения Элвиса. Шоу проходило в конференц-зале Отеля «Хедли», там был навесной потолок из полистирола и высокая сцена, окаймленная по периметру бахромой из блестящих полосок.

Сценические декорации представляли собой лесной пейзаж, нарисованный на плотном картоне. С помощью дешевой камеры супер-8 мы сняли фильм. Получилась странная подборка из скомканных кадров, на которых были запечатлены мы трое, бродящие в платьях между кладбищенских надгробий близ Скиптона.

Мы показывали его на стене позади нас во время нашего выступления. Томми управлял проектором. Один наш старый приятель вскарабкался на сцену и устрашающе сильно долбил бил в барабаны, в то время как мы всеми силами старались не сбиться с ритма.

Наши песни назывались «Ты не панк» и «Лагерь уничтожения юности». В основном мы занимались тем, что пытались взвинтить народ. Состоявшая из озадаченных стареющих панков публика просто хотела выпить и хорошо провести

время. Мы же старались развязать войну. Вскоре, однако, между нами был достигнут компромисс — они не обращали на нас никакого внимания, а мы, невзирая на это, продолжали играть в углу.

Во время исполнения сумбурной и хаотичной финальной песни кто-то нарисовал граффити на фоновом лесном пейзаже. На ветвях дуба появилась фраза «Jah Love». Находившиеся в зале белые растаманы подозрительно быстро смылись в конце вечера, нам же пришлось вести напряженную беседу с ошеломленным сторожем. На следующее утро, прихватив краски, мы вынуждены были вернуться в клуб, чтобы закрасить граффити.

В итоге мы дорисовали на декорациях еще несколько птичек, недовольного фермера и маленькую коричневую свинью. Затем мы вернулись обратно в Лидс.

В то время главным местом в Лидсе, где тусовалась наша компания, был магазин Jumbo Records, крошечный лавка в малолюдном торговом центре.

В просторной темное Jumbo, под завязку набитой пластинками, мы отдыхали от темноты нашего тесного подвала.

Этот магазин славился тем, что здесь можно было найти любую запись, какую душе угодно. Если вы

вдруг не знали имени нужного вам исполнителя или названия группы, можно было просто промычать мелодию. Я делал это несколько раз. Смущаясь, напевал отдельные фрагменты песни стоявшему за прилавком чуваку с хаером до задницы, пока он, наконец, не понимал, за какой пластинкой я пришел. Об этом парне и его квартире на Лидс, 6 ходили легенды. Говорили, что его флэт снизу доверху набит пластинками, якобы их было несколько тысяч, при этом каждая из них была занесена в каталог, упакована в пластиковый конверт и стояла на полке в алфавитном порядке.

Еще в Jumbo висела большая доска объявлений, все они заканчивались фразой «Раздолблям просьба не беспокоить».

Их писали сотни бывших студентов, барахтавшиеся в нескончаемой паутине домашних групп, где каждый уже успел переиграть с каждым. Всем остро не хватало барабанщиков. Как-то раз на той доске я увидел записку, в которой было сказано: Ищем басиста и ударника. Влияние: The Fall, Richie Benaud, Fire engines, Wire, Kellogg`s Cornflakes, Monochrome Set, Crossroads, Coronation Street, The Velvet Underground, Houseparty.

The Fall были неуклюжей манчестерской группой с дерьмово

выглядевшим гениальным фронтменом. У них был старый ударник в драповом пиджаке из рокабилли-банды, который был настолько стар, что годился всем остальным участникам группы в отцы.

Richie Benaud — странный и достаточно известный персонаж, комментировавший отборочные чемпионаты по крикету.

The Fire Engines — хитовая и динамичная поп-группа, которая отказывалась давать концерты продолжительностью более 15 минут. Они считали, что если играть дольше, публика заскучает.

Wire были чем-то вроде них, только получше. Они без всякого стыда привнесли в панк мощную арт-составляющую.

Kellogg`s Cornflakes одно время входили в мой ежедневный плейлист.

The Monochrome Set были поп-группой с загадочным парнем на вокале и басистом, ранее игравшим в Adam & the Ants. В те времена они еще исполняли песни о рабстве и садомазохизме. Гитариста The Monochrome Set звали Лестер Сквеа.

Crossroads и Coronation Street были мыльными операми, которые крутили по ящику с 1896 года, задолго до изобретения телевидения.

The Velvet Underground на тот момент мы открыли сравнительно

недавно. Томми выменял на толкучке их первый альбом, отдав за него 12-дюймовую пластинку исполнителя

Jon the Postman. «Вельветы» нас поразили. Мы даже решили иногда позволять себе носить солнечные очки днем.

Houseparty — телепередача, которая шла по местному телевидению в дневное время. Ее сюжет состоял в том, что шесть или семь дам бальзаковского возраста садились за сосновый стол в деревенской кухне, попивали чай и обсуждали все, что приходило им в голову. «О, вы не представляете, как трудно мне было на днях добраться до магазина!»

Короче, я был крайне впечатлен этим объявлением и переписал себе телефон его автора.

С этим парнем я встретился неделю спустя в пабе Royal Park, до которого можно было быстро добраться пешком от нашего дома, миновав минное поле из собачьего дерьма и бумажных оберток. Royal Park был сосредоточением пива, крови и бильярда. Зловещий серый куб с цепными овчарками на плоской крыше и спущенными с цепи вышибалами у входа.

Говорили, что освещение в этом месте специально сделано таким тусклым, чтобы вы ненароком не увидели, что плещется на дне вашей пивной кружки. «Требуются басист и ударник». Я очень надеялся, что это того стоит. Я не умел играть ни на басу, ни на барабанах, но знал, что мне необходимо встретиться с парнем, написавшим эти строки.

И вот он сидит передо мной, баюкает у окна кружку пива. Не было никаких сомнений, что это именно он. Черные виниловые брюки, темно-бардовые тапочки, свисавший ниже колен свитер из красных, золотых и зеленых ниток. Я осторожно подошел к нему и представился.

«Я Бофф и я никогда не играл ни на басу, ни на барабанах»

«Я Данстан и мне плевать!»

Он предложил пойти к нему домой, чтобы там обсудить идеи, над которыми они работали вместе

с другом. Это был один из тех людей, которых принято называть неформальными лидерами. Общительный, компанейский, смеющийся по малейшему поводу, он красил в свою пышную шевелюру красный цвет, которая прядями спадала ему на глаза. Очень по пост-панку.

Мы обнаружили, что ходим на одни и те же концерты в Лидсе: Thompson Tins, Monochrome Set, Birthday Party. Он снимал комнату вместе со своей девушкой. Я видел ее лишь однажды, спустя три недели после нашего знакомства. В тот день Данстан пытался вывезти все свое барахло из дома, пока та была на работе. Данстан никогда не умел правильно ставить точку в отношениях. Однажды он прожил три недели в сушильном шкафу в Портсмуте, потому что девушка, к которой он туда приехал, внезапно исчезла. Впрочем, это история для книги Данстана.

Вместе со своим школьным товарищем Стивом он хотел писать четырехаккордные песни о телепередачах. По мне так это была отличная идея. Стив работал преподавателем-стажером. Коренастый и улыбчивый, он был одержим группой Dexys Midnight Runners. Постоянно смеялся (скорее над этим миром, чем вместе с ним), он разговаривал с акцентом Джорди, используя словечки из телешоу (к примеру, если ему что-то нравилось, он кричал: «Магические стрелы!»).

Стив постоянно употреблял слово «мята» или «мятный». Если что-то казалось ему крутым, он говорил: «Абсолютно мятный!», «Это мятный пиджак, чувак». «Ты видел футбольный матч? Полная мята!»

Однажды в нашем «яичном» подвале мы записали для него пародию на Dexys. Нацепив на себя одежду, которую обычно носили музыканты этой группы (куртки-спецовки, шерстяные шапочки, огромные спортивные сумки в руках), мы начали носиться кругами вокруг дома Стива. Карандашом мы нарисовали себе усы, как у лидера Dexys Кевина Роуланда. Стива не было дома, поэтому нам пришлось вер-

нуться ни с чем.

Данстан и Стив наверняка в один голос сказали бы, что они вообще-то панки. Мы с Данстаном вели оживленные диспуты о том, кто из нас побывал на концертах наиболее знаковых панк-групп: Wire против Joy Division, ранние Ants против ранних Ruts. (Как это ни грустно, периодически мы ведем подобные разговоры и по сей день). В общем, я присоединился к их группе, и мы назывались Dum Dum Boys в честь песни Игги Попа. Звучали мы ужасно.

Наше единственное выступление состоялось в шокирующе пустом городском клубе на вечере, посвященном сидящим на пособии безработным. Я играл на басу. Еще с нами был бледный лысеющий ударник по имени Дункан. Он был довольно дружелюбным парнем, но на барабанах играть не умел. На самом деле, никто из нас не умел ни на чем играть. Все было кончено, когда, выступая на концерте в поддержку бедняков, Стив решил обернуться белым длинным шелковым шарфом, один конец которого был привязан к грифу его дешевой копии Фендера Стратокастера. Он настоял на том, чтобы играть в таком виде весь сэт, такая вот типа Новая Романтика. Данная стилевая оплошность была, конечно же, непростительна, вне зависимости от того, что из себя представляла музыка. Ни разу не по мяте. Мы не столько распались, сколько просто прекратили свою музыкальную деятельность. В результате Данстан, скорее случайно, чем намеренно, стал частью проекта Chumbawamba. На одну из наших вечеринок он принес следующее:

- Странный самодельный лайтбокс для выращивания марихуаны.
- Вырезанную из открытки улыбку с буквами GFAL (Game for a laugh — Игра ради смеха — названием одноименного телешоу).
- Подплавленные в разных местах пластиковые штаны, пострадавшие из-за близости к батарее.

Продолжение следует

МАТЬ ПОРЯДКА

ANAR
ЛОТ
MANAR

МУЖЧИНА, ЖЕНЩИНА И АНАРХИЯ

т Anarchy — калька странного для русского уха слово, которое почти невозможно адекватно перевести на русский язык. Анархия мужчин? Анархия для мужчин? Это понятие набирает сейчас оборот в активистской среде и становится все более популярным. В европейской сцене это слово стало нарицательным по отношению к приверженцам традиционного анархизма. Тех самых, которые не ставят на первое место борьбу за права меньшинств. Львиная доля западных активистов на текущий момент занята другими направлениями деятельности. Рабочую борьбу или ее подобие они успешно отдали на откуп социал-демократическим партиям.

На данный момент левому движению в наследство от буйного мая 68-ого досталась тактика по лоббированию интересов новых ущемленных. Причиной этого стало то, что в свое время рабочий класс разочаровал активистов своей апатией и буржуазностью. Во время мая 68-ого была срочно необходима новая электоральная база и

левые срочно бросились ее искать. Субкультуры, секс-меньшинства и мигранты — стали новой путеводной звездой. И они продолжают оставаться ей до сих пор. На текущий момент в США активисты стараются отойти от принципа WASP (белый англо-саксонский протестант). Они стараются вербовать в свои ряды содружества меньшинств.

Можно сказать, что на минувших президентских выборах в США в очередной раз победила подобная коалиция, не желавшая иметь консервативного политика во главе. Именно поэтому они сделали свой выбор в пользу чернокожего, который в своей социальной политике лоялен к пособиям по безработице, бракам гомосексуалистов и прибывающим мексиканцам.

Вместе с тем фактически мАнархизм существует. Открытое декларирование приверженности подобным взглядам являет собой острие критики на постыдные пережитки прошлого. Но кто виноват в этом? Сами активисты, пришедшие со своим патриархальным прошлым? Или те, кто не смог до

них достучаться и объяснить современное положение?

Защитники традиционного анархизма напоминают о том, что данная теория — это политическая философия. Платформа, чья идеология выступает за ликвидацию любого авторитарного управления и власти человека над человеком. Следовательно, если продолжить их логику, то борьба за права определенных людей это, в лучшем случае, эгоизм.

Наступит ли светлое будущее, если в армии смогут служить женщины и ЛГБТ? Приблизиться хоть на йоту анархистский идеал, если большинством глав правительств станут женщины? Не приведет ли противодействие мАнархизму к уже анархизму для женщин?

Да, различная статистика наглядно демонстрирует поразительную разницу в гендерном составе между управленцами и управляемыми, насильниками и жертвами, политиками и их избирателями. Однако в самом ли деле изменилась ситуация в тот момент, когда женщины получили рычаги власти? Примеры Индиры

Ганди, Валентины Матвиенко, Кондолизы Райс или Ангелы Меркель говорят об обратной динамике.

Разве то, что женщины получили право служить в израильской армии, сделало ее более гуманной? Разве госпожа полицейский из ОВД «Дальний», где пихали бутылку шампанского в жопу, предотвратила хоть одно издевательство?

Несмотря на все рассказы про вольную жизнь всех угнетенных после светлого момента освобождения, современное положение остается плачевным. Обещая, словно правительства, благодать, в итоге многие борцы с различными видами угнетений являются такими же тиранами в личной жизни. Здесь они все также воспроизводят патриархальное общество. Ситуация осложняется тем, что жертвы подобного обращения стараются не афишировать такое обращение. Это аналогично и в активистской среде.

Ни в нашем обществе, ни в сообществах, его составляющих, нет нормальных институтов для решения подобных ситуаций. Нередко жертва остается наедине со своей проблемой.

Во многом эстетика анархизма, связанная с насилием, привлекательна для мужчин, не желающих открыть свои чувства людям. Текущая тактика взаимодействия и возможности угроз со стороны политических оппонентов не дают шансов для тех, кто не готов сопротивляться безропотному диктату большинства. К сожалению, чаще всего активисты все также воспроизводят свои гендерные роли, основанные на традициях маскулинности и раздачи приказов.

Есть ли возможность преодолеть подобные тенденции в анархистском движении? Если да, то почему большинство решений все также принимает гендерно несбалансированный состав? Нужно ли закрепление мест за определенными группами людей для решения этой проблемы? Или это все равно не решит проблему представительства женщин? Не станет ли позитивная дискриминация

негативной, когда уже мужчины почувствуют себя ущемленными? Насколько правы те, кого обвинили в мАнархизме, что требования определенных прав при сохранении сложившейся системы — это просто одна из радикальных сторон все того же реформизма? Насколько вообще революционен анархизм? Что получают мужчины в рамках эмансипации, утратив свою прошлую идентичность?

Анализируя опыт прошлого, современные практики и тенденции будущего необходимо понять — действительно ли анархизм несет свободу тем, кто не является представителем белого западного гетеросексуального общества. Примеры могут быть любые: открытый гей в Арагонской коммуне времен Испанской революции, крестьянка украинского села во время прихода махновских частей и девушка, которая не хочет попасть под дубинку ОМОНа, когда мачистски настроенные анархисты используют насилие. Насколько те люди, кто разбрасывается обвинениями в мАнархизме, готовы

идти на компромиссы? Какие созданы практики для поиска общих точек соприкосновения? Почему все еще не налажен конструктивный диалог между разными сторонами? Почему широко не известны действительно работающие практики?

Не является ли порочным тот факт, что большинство людей, настроенных позитивно к феминизму, являются женщинами? Причем женщинами, которые освободившись сами, не готовы освободить мужчин. Тех самых мужчин, кто являются не только эксплуататорами, но и эксплуатируемыми. В том числе Левиафаном государства, его социальными ролями и капиталистической системой. Формирование подобной повестки с учетом желаний и требований всех заинтересованных сторон может являться первым шагом к преодолению существующих проблем. Это может дать возможность по-новому взглянуть на старые теории, а так же открыть в них прежде скрытые послы.

Денис Злыдота

ЧЕРНЫЙ

КРЕСТ

ЖИЗНЬ — СКИНАМ!
Х...И — БОНАМ!

За все эти годы, которые я провел в анархистском и антифашистском движениях, я умудрился побывать в «обезьянниках» различных ОВД, административных судах, ИВС, был на допросах и «беседах». И думал, что неплохо знаю, как работает система. До недавнего времени я избегал разящего удара нашего «правосудия». Но вот и сам узнал, как у нас умеют «закрывать» людей надолго. Взглянул в безличное и безответственное лицо этой самой системы. И все еще вглядываюсь и пытаюсь понять ее. Личная отчужденность работников власти к делам, с которыми они работают, дают

От редакции: этот текст наш товарищ Алексей «Сократ» Сутуга написал в 2012 году, находясь под следствием в СИЗО «Бутырка» по сфабрикованному делу о драке с ультраправыми.

анархисту много пищи для размышлений. Из всего этого я сделал вывод о том, каким должно быть наше отношение к этой власти.

Мы однозначно по разные стороны баррикад, и единственный компромисс, на который мы можем пойти — это наше постоянное стремление к познанию юридических законов этой системы и сотрудничество с адвокатами и правозащитными конторами, которые выводят на поверхность нашего общества явный беспредел власти. Все соответствующие учреждения мне видятся оружием в борьбе с инакомыслием и конкуренцией, и только для этого они и созданы. Ну, уж точно не для того, чтобы искоренить преступность. Поэтому, определенно, все надо менять! Из тюрьмы это становится еще более ясно.

Как любой антифашист, живущий в России, я скажу, что наша уличная агрессия против нацистов происходит ради защиты нашей культуры, это ответная реакция на смерть наших друзей и товари-

щей. И, конечно, это единственный аргумент, который понимают нацисты. И направлена эта агрессия исключительно на ярых сторонников господства белой расы. Но проблему ксенофобии этим насильем не решить. Просто мы изначально были поставлены перед фактом существования агрессивной правой среды в молодежной субкультуре, где нам пришлось отстаивать свою правду.

Никто из нас не застрахован от ситуации, когда идет наглая провокация против твоей чести и достоинства или же появляется угроза жизни для твоих близких и для тебя самого. Здесь, в камере «Бутырки», я каждый день «гоняю мысли» по поводу того, что «стоили ли все мои «движи» воли, которой я лишился (пока что на неопределенный срок)». На этот вопрос я до сих пор не могу до конца ответить, но пока у меня хватает сил говорить себе, что все мои идеалы стоят свободы. Скажу больше, в своем заключении я вижу некий смысл.

Сейчас я сижу как антифашист, а позже попаду под репрессии как анархист. В этом случае любое административное дело легко превращается в уголовное. Поэтому, как и все побывавшие в местах не столь отдаленных, для государства я становлюсь потенциальным рецидивистом. И окажись я не в том месте и не в то время, снова стану подозреваемым (обвиняемым). Наглядный пример — мой друг Алексей Олесинов. Такая уголовная практика неплохо кладется и на «политических». Стоит всегда иметь эти вещи в виду. Конечно, это не повод отказываться от стремления изменить положение вещей в этой стране в пользу социальной справедливости и равенства.

Хочу предостеречь своих товарищей от попадания в лапы Центра «Э». Самое главное: помните, с кем мы боремся. Мы имеем сильного врага, пожалуй, он сейчас опасен, как никогда за всю историю борьбы за свободу, поскольку имеет неограниченный ресурс для войны с нами. Поэтому крепите братство и солидарность. В этом у нас не должно быть недостатка. Стойте друг за друга и не забывайте своих друзей. Это основа и идеал нашей жизни. Не поддавайтесь на провокации со стороны правых и «мусоров». Сейчас все чаще угроза от них исходит с одного фронта. Точки соприкосновения и единый враг у них найден, потому как мироощущение у них одинаковое. Мыслите позитивно. Тот, кто не хочет попасть в тюрьму, никогда сюда не попадет. Будьте всегда на чеку и не расслабляйте булки, дольше останетесь на свободе.

Тюрьма — это еще один дом для революционера. Здесь для нас у государства всегда имеется свободная шконка. Поэтому если попадете сюда, то несите черное знамя с достоинством. Другие арестанты вас поймут, и если вы искренни, то и поддержат.

На этом ограничусь, передаю всем достойным пламенный революционный привет, а недостойным — мои соболезнования.

Алексей «Сократ»

Поддержи Анархический Черный Крест!

Политические активисты в современной России постоянно сталкиваются с репрессиями. Наша задача — помогать товарищам, попавшим под пресс системы. Вы можете:

- писать письма заключенным, посылать журналы, фотографии, открытки;
 - помочь обвиняемым с оплатой адвокатов (Яндекс.Деньги АЧК-Москва — 41001188576819, рублевый счет в Альфа-банке — 40817810704230017583),
 - организовывать кампании поддержки, проводить акции, передавать передачи.
- Подробная информация — avtonom.org/abc

Пишите заключенным!

Воликов Ален Михайлович — участник анархического и антифашистского движений. Задержан сотрудниками отдела по борьбе с экстремизмом по сфабрикованному делу против московских антифашистов. Сейчас находится в СИЗО №2 «Бутырская Тюрьма» под следствием. Находится в затруднительном финансовом положении. 127055, Москва, ул. Новослободская, 45. ФКУ СИЗО-2 УФСИН России по г. Москве

Липская Ирина Антоновна — задержана по делу об инциденте у клуба «Баррикада». С 4 июля 2012 г. находится в СИЗО по подозрению в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 213 УК (хулиганство, совершенное группой лиц). 109383, Москва, ул. Шоссейная, 92, СИЗО-6 «Печатники», к. 308.

Дедок Николай Александрович — приговорен к 4,5 годам лишения свободы в колонии усиленного режима. Обвинялся: в организации антимилитаристского шествия около Генерального штаба Вооруженных сил Беларуси в сентябре 2009 года, проведенного в знак протеста против совместных белорусско-российских военных учений; в атаке на казино «Шангри-Ла» в декабре 2009 года в знак протеста против усиления социального неравенства; в нападении на здание Федерации Профсоюзов Беларуси 30 апреля 2010 года, приуроченном к Первомаю, в знак протеста против эксплуатации рабочих. Беларусь, 212011, Могилев, ул. Крупской, 99А, тюрьма №4 или belarus_abc@riseup.net (Письма будут напечатаны группой поддержки и отправлены).

Олиневич Игорь Владимирович — приговорен к 8 годам лишения свободы в колонии усиленного режима. Обвинялся следствием в атаке на российское посольство в Минске в сентябре 2010 года в знак солидарности с химкинскими заложниками; в организации антимилитаристского шествия около Генерального штаба Вооруженных сил Беларуси в сентябре 2009 года; в атаке на казино «Шангри-Ла» в декабре 2009 года в знак протеста против усиления социального неравенства; в поджоге отделения «Беларусьбанка» 31 мая 2010 года в знак протеста против существующей экономической системы; в нападении на изолятор временного содержания в Минске на ул.Окрестина 6 сентября 2010 года с требованием освободить задержанных на тот момент активистов. 211445, Беларусь, Витебская область, г. Новополоцк, Техническая ул., 8, ИУ «ИК-10», отряд 12, бригада 120 или на belarus_abc@riseup.net (письма будут напечатаны группой поддержки и отправлены).

Анархисты, находящиеся в СИЗО из-за «дела 6 мая»:

Гаскаров Алексей Владимирович — ФКУ СИЗО-5 (Водник) УФСИН России по г. Москве. 125130, Москва, ул. Выборгская, 20.

Полихович Алексей Алексеевич — ФКУ СИЗО-5 (Водник) УФСИН России по г. Москве. 125130, Москва, ул. Выборгская, 20.

Зимин Степан Юрьевич — ФКУ СИЗО-2 УФСИН России по г. Москве. 127055, Москва, ул. Новослободская, 45.

4 ПРИЧИНЫ ДОБАВИТЬ СВОЕГО НАЧАЛЬНИКА В ЧЁРНЫЙ СПИСОК РАБОТОДАТЕЛЕЙ

1. Чтобы другие не наступили на те же грабли.

2. Раскрыть информацию о нарушениях на вашем рабочем месте.

3. Объединиться с другими в борьбе за свои права.

4. Вернуть себе зп*.

*Размещение на нашем сайте информации о конфликте с работодателем часто помогает решить его. Многие работодатели не любят такой популярности. Аудио- и видео- записи только способствуют позитивному для работника решению конфликта.

Чёрный список находится в поисковых рейтингах, как правило, выше официальных сайтов компании, а значит, тот кто будет искать информацию о них (соискатель, потенциальный клиент, поставщик), прочтёт о происходящем на самом деле, а не рекламу вашего начальства. Чем больше отзывов, тем сложнее работодателю нанять новых сотрудников, найти новых клиентов и поставщиков.

ЕКАТЕРИНА САМУЦЕВИЧ

РЕКОМЕНДУЕТ